«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

1 (24) журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Издается с 1968 г. ISSN 2306-5826

Выпуск 1 (24), 2015 Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. Б.Х. Бгажноков

Редакционный совет

Акад. РАН В.И. Тишков (председатель); член-корр. РАН Х.И. Амирханов; акад. РАН Н.Н. Казанский; акад. РАН А.Б. Куделин; член-корр. РАН В.В. Наумкин; д.и.н. Ю.А. Петров; д.и.н. В.В. Трепавлов

Редакционная коллегия

д.и.н. К.Ф. Дзамихов, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Ж.М. Гузеев, д.ф.н. А.М. Гутов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева, к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Ошроев, к.и.н. Д.Н. Прасолов, д.ф.н. Х.Т. Тимижев, д.ф.н. З.Х. Толгуров, к.и.н. В.А. Фоменко

Адрес редакции: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18 ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований» Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru Caйт: www.kbigi.ru

THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research

1 (24) the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK) OF THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH

Published since 1968 ISSN 2306-5826

Issue 1 (24), 2015 Published 4 times a year

Editor-in-chief

Doctor of History B.H. Bgazhnokov

Editorial council

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; V.V. Trepavlov, Doctor of History

Editorial board

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*; Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*, Candidate of Philology *D.M. Kumykova* (*exec. secretary*); Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*, Candidate of History *R.G. Oshroev*, Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Doctor of Philology *Z.H. Tolgurov*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office: 18 Pushkin Street, Nalchik 360000 Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru Site: www.kbigi.ru

> © KBIHR, 2015 Editorial board of the journal «KBIHR Bulletin» (drafter), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Бгажноков Б.Х. Куначество у черкесов и других народов Кавказа	7
Озова Ф.А. Князья Большой Кабарды в контексте внешнеполитических коллизий последней трети XVII в.	15
Нагоев И.Б. Обострение политических противоречий Российской	
империи и Кабарды в конце XVIII – начале XIX в	27
погребений в бассейнах рек Кумы, Малки и Баксана (К 130-летию нача-	
ла изучения данной категории памятников в регионе)	37
Остахов А.А. Щит в процессе эволюции адыгского оружия и военного искусства (XIII–XVII вв.)	51
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	
Аппаева Ж.М. Монументальная скульптура КБР. Генезис этнического стиля	58
Прыткова А.Д. Ограничения прав работников при заключении срочного	50
трудового договора	65
ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
<i>Улаков М.З., Махиева Л.Х.</i> Опыт практической лексикографии карачаево-балкарского языка	69
X_{b} эвжокъуэ Л.Б. Кавказ зауэмрэ истамбылак I уэ I уэхугъуэмрэ къэбэрдей	
усыгъэм къызэрыхэщыжыр	77
<i>Хьэгьэжей Л.С.</i> Нало Заур сабийхэм яхуитха усэхэм теухуауэ	83
Темире	91
РЕЦЕНЗИИ. ОБСУЖДЕНИЯ. ДИСКУССИИ	
Кузнецов В.А. От древнего Киева в Верхнем Чегеме до столицы мира	
в Пятигорске (Новые «революционные» открытия параисториков КМВ)	100
Фоменко В.А. О новых материалах по истории и этнографии западных черкесов (рецензия на: Материалы по истории западных черкесов (архивные документы 1793–1914 гг.)	105
Дзагалов А.С. А.С. Марзей о черкесском наездничестве (рецензия на: А.С. Марзей. Черкесское наездничество – «ЗекІуэ» (Из истории военного	
быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.)	108 113
Съедения об авторах	113

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAELOGY

Bgazhnokov B.H. Kunachestvo for the Circassians and other people of the Caucasus	7
Ozova F.A. Grand dukes of Kabarda in the context of foreign-policy collisions during the last third of the 17 th century	15
Nagoev I.B. Exacerbation of political contradictions of the Russian empire and Kabarda in late XVIII – early XIX century	27
Sawienko S.N. From the history of early medieval rock-cut tombs research in the watersheds of the rivers Kuban, Malka and Baksan (For the 130 anniversary of the beginning of the mentioned category of the monuments	2.7
research in the region)	37
Ostahov A.A. A shield is in an user of evolution of circassian weapon and art of war structure (XIII–XVII cent.)	51
PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT	
Appaeva J.M. Monumental sculpture of the CBD. The genesis of ethnic style	58
Prytkova A.D. Limitations of the rights of workers in the conclusion fixed employment agreement	65
LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM	
Ulakov M.Z., Makhiyeva L.H. Experience of a practical lexicology of the karachay-balkar language	69
Havzhokova L.B. Reflection the theme of the Caucasian war and immigration in kabardian poetry	77
Hagozheeva L.S. About Zaur Naloev's child lyrics	83
Malkonduev H.H. Unexplored folklore materials about Aksak Temir	91
REVIEWS. DISCOURSE. DISCUSSION	
Kuznetsov V.A. From ancient Kiev in Upper Chegem to the world capital in Pyatigorsk (The new «revolutionary» discoveries made by the parahistorians of Caucasian Mineral Springs region)	100
Fomenko V.A. About new materials on the history and ethnography of the western Circassians (review to: Materials of the history of the western Circassians (archival documents 1793–1914 years)	105
Dzagalov A.S. A.S. Marzey about circassian horsemanship	108
The authors of this issue	115

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94 (479)

Б.Х. Бгажноков

КУНАЧЕСТВО У ЧЕРКЕСОВ И ДРУГИХ НАРОДОВ КАВКАЗА

Существуют две формы куначества: куначество-дружба и куначество-патронат. Первая была наиболее распространена и известна как дружба и привязанность, возникшая на основе обычного гостеприимства. Гостеприимство в данном случае я определяю как социальный институт, обязывающий каждого местного жителя предоставить путнику пищу, кров, а также возможность уединения и отдыха в чужом или относительно чужом для него краю. Специфика второй формы куначества в том, что его субъектом является не просто путник, ищущий крова, пищи и отдыха, а человек, попавший в беду, остро нуждающийся в покровительстве и защите. Если он находит эту защиту, то между ним и покровителем устанавливается особая форма куначества, близкая к искусственному родству.

Ключевые слова: гость, кунак, гостеприимство, куначество, черкесы, народы Кавказа, искусственное родство.

Общая характеристика и основные формы куначества

В традиционном обществе куначество – универсальный социальный институт, служивший продолжением, этической экстраполяцией гостеприимства. Между хозяином (сравнительно сильной стороной) и нуждающимся в его помощи и защите гостем (условно слабой, уязвимой стороной) устанавливались и поддерживались отношения соучастия, дружбы, покровительства. Большое распространение получил этот обычай у американских индейцев и у народов Кавказа.

Обычно кунаками становились представители различных стран и народов, а также соплеменники, жившие на большом или сравнительно большом расстоянии друг от друга. Мужчина, имеющий в чужих краях или в другой деревне кунака, мог найти у него не только пищу и кров. Он мог рассчитывать также на искреннее участие кунака (в данном случае — местного жителя, хозяина дома, в котором гость остановился) во всех его делах. Например, в делах торговли, в получении безвозмездной материальной помощи, в обнаружении какой-либо пропажи, в поиске и наказании кровных врагов и обидчиков, в отыскании себе или своему сыну невесты и т.д.

В условиях традиционного родового и феодального общества потребность в гостеприимстве и, в частности, в кунаках диктовалась особыми, порой экстраординарными условиями. В таких условиях оказывался или мог оказаться человек вдали от родных мест: без пищи и крова, без родственников, друзей или знакомых, с реальной перспективой быть ограбленным, убитым, захваченным и проданным в рабство.

Существуют две формы или две разновидности куначества: куначество-дружба и куначество-патронат.

Первая форма куначества была наиболее распространена и известна как дружба и привязанность, возникшая на основе обычного гостеприимства. Гостеприимство в данном случае я определяю как социальный институт, обязывающий каждого местного жителя предоставить путнику пищу, кров, а также возможность

уединения и отдыха в чужом или относительно чужом для него краю. У адыгов и у других народов Кавказа это основной набор услуг и тот минимум, на который может рассчитывать гость даже без всякой просьбы с его стороны, без оплаты предоставленных услуг. Дополнительно к этому хозяин кунацкой (у черкесов – бысым) и его община в целом охраняют покой гостя и защищают его честь 1.

У черкесов гость становился кунаком, то есть близким другом семьи, в которой он гостит, по истечении трех дней его пребывания в кунацкой. Из «гостя кунацкой» — хьэщІэщ хьэщІэ он превращался в «гостя семьи» — унагъуэ хьэщІэ, а затем в близкого друга и даже родственника — члена семьи. Отсюда и звание, которое он получал — благъэ «родственник» (по свойству) или ныбжьэгъу благъэ «друг-родственник» или «родственник по дружбе» со всеми вытекающими отсюда последствиями и обстоятельствами, включая сюда передачу отношений куначества по наследству. У адыгов обычно престарелый отец сообщал сыновьям о своих кунаках, чтобы после его смерти они об этом не забывали и продолжали куначеские отношения. И сыновья свято чтили эту память. У народов Дагестана, в частности, у хваршин «гость, отец которого тоже был гостем в этом доме, был ближе чем любой родственник»². И отсюда мнемоническое правило: Обу ишедысыч эчу лълъар — «Гости предков выше, почетней (чем обычные гости)».

Специфика второй формы куначества в том, что его субъектом является не просто путник, ищущий крова, пищи и отдыха, а человек, попавший в беду, остро нуждающийся в покровительстве и защите. В первую попавшуюся ему на пути кунацкую такой человек не зайдет. Он поселяется в кунацкой человека сильного, знатного, влиятельного, способного защитить его (его жизнь и честь) от врагов и преследователей. И сразу дает понять хозяину, в чем именно он нуждается; дает понять, что он оказался в экстремальной ситуации, что его собственная жизнь и жизнь его родных и близких в опасности, что он надеется на покровительство и защиту хозяина дома (кунацкой). Кунацкая и институт гостеприимства в целом используется здесь лишь в качестве необходимой и очень удобной базы для достижения другой жизненно важной задачи – найти в лице хозяина надежную защиту от кровного врага, от соперника. От самосуда, наконец. Став одним из членов группы, которую возглавляет бысым или покровитель, гость становился членом его семьи, клана, общины, княжества. И потому был вправе рассчитывать на такую защиту. Так между ним и его покровителем устанавливалась особая форма куначества, близкая к дружбе и искусственному родству, но с акцентом на покровительстве, на неравенстве отношений. В слабой позиции внутри этих отношений оставался постоянно гость-проситель, а в сильной – хозяин-патрон. В отечественной этнографии такую форму куначества принято называть куначеством-патронатом³.

Куначество-дружба

Это классическая и генетически исходная форма куначества, близкая по своему содержанию к искусственному родству (побратимству). Мы видим здесь встречу и союз симпатизирующих друг другу лиц, основу которого составляет норма взаимности и равноправия: каждая из сторон может в любое время явиться к другой, рассчитывая на все, что в состоянии сделать для нее хозяин-кунак.

Куначество-дружба предполагает перемену ролей, когда каждая из сторон может поочередно находиться то в сравнительно сильной позиции хозяина, то в слабой – гостя. На практике это выражалось в том, что кунаки регулярно навещали друг друга с целью повидаться, обменяться подарками, посоветоваться, получить материальную поддержку или поддержку в решении каких-либо важных, деликатных, трудных проблем. Приличия требовали от горца, чтобы, посещая селение, в котором жил его кунак, он останавливался лишь в его доме. Нарушение

этого правила считалось со стороны гостя-кунака оскорблением хозяина-кунака и нередко приводило к охлаждению и даже разрыву их дружбы.

В таком виде институт куначества был распространен и у других народов Кавказа. Например, у аварцев, как утверждают, отдельные гости были особенно близки хозяину, «становились как бы членами семьи, живущими в другом селении»⁴. Это, по оценке А. Исламмагомедова, и есть категория гостей, «известная в кавказоведческой литературе под термином «кунак»»⁵. То же самое наблюдается и у ахвахцев, связанных этнически с аварцами. «Принимая у себя гостя и входя с ним в отношения куначества, – пишет С.А. Лугуев, – ахвахец тем самым обретал друга и союзника на все случаи жизни»⁶. Кунаки находили друг друга и в радости и в беде. Поздравляли друг друга с радостными событиями в их жизни, помогали и поддерживали в трудную минуту, в том числе и материально. Обязательными считались взаимопосещения по поводу свадьбы, похорон, каких-нибудь других радостных или печальных событий и ситуаций с той и другой стороны.

Наличие множества кунаков в различных концах Кавказа раздвигало границы возможностей человека. Куначество-дружба было и во многом остается сейчас престижной формой связей, своеобразной формой народной дипломатии и социального капитала. Чем больше было у человека кунаков в различных концах Кавказа, тем большим уважением и почетом пользовался он на своей малой родине как личность деятельная, масштабная, социально продвинутая — значительная.

Недостаточно, как мы видим, говорить лишь о конкретных и специфичных целях и задачах куначества. В основе этого института, как и других форм установления искусственного родства, лежит, несомненно, естественная потребность человека в расширении социальных связей для укрепления авторитета и упрочения своего положения, для увеличения своего влияния и возможностей. Л. Уайт следующим образом писал об этом: «Причина преумножения родственных связей путем искусственного их создания достаточно ясна на сегодняшний день: это происходит для того, чтобы увеличить число людей, с которыми индивид связан прочными узами взаимопомощи: чем больше родственников вам помогают, тем лучше»⁷.

Особого внимания заслуживает в этой связи семантика и прагматика терминов, используемая для обозначения различных форм искусственного родства. Так, адыгское куначество связывают обычно с побратимством. С.М. Броневский пишет: «Слово кунак или друг значит то же самое у черкесов, что у босняков побратим и в древности у наших предков крестовый брат»⁸.

Со славянским побратимством сравнивали и ассоциировали черкесское и общекавказское куначество Φ .И. Леонтович и М.О. Косвен⁹. К одной из форм искусственного родства относят куначество Г.Х. Мамбетов и К.Х. Унежев¹⁰. Бесспорно, такие оценки и сравнения имеют под собой реальную почву.

Однако, факты свидетельствуют о том, что куначество имело у адыгов специфические значения и функции и связанные с этим столь же специфичные обозначения. Так, хорошо известно, что в адыгской среде так же точно, как и в среде других кавказских народов, никогда не пользовались тюркским словом «конак» (ночлег, остановка, стоянка, квартира, особняк, дом) для обозначения побратима или побратимства. Обычно в этих целях применялся термин ныбжьэгьу-благьэ – букв. «друг-родственник» В большом ходу были и термины, в которых внимание акцентировалось на национальной принадлежности такого друга: урыс благьэ букв. «русский родственник», «русский побратим», къущхьэ благьэ — «балкарский (осетинский) родственник», къумыкъу благьэ — «кумыкский побратим», шэшэнблагьэ — «чеченский родственник» и т.д.

Вспомним в данной связи, что в системе родства адыгов классификационный термин благьэ является обозначением родства по свойству, четко противопоставленного родству по крови – Iыхьлы¹³. И отсюда известное мнемоническое правило: Sилхьу зэрысрэ уинысэ и дышрэ (уиблагьэщ) — «Род, в который перешла после

замужества твоя дочь, и род твоей невестки (твои родственники по свойству)». Это, кстати, лишний раз свидетельствует о том, что, если быть до конца последовательным, то родство по свойству является одной из форм (главных форм) искусственного родства.

В таком же виде был представлен институт куначества-дружбы у других народов Кавказа. Как форму «искусственного родства близких по духу и питающих взаимную привязанность людей» определяет куначество у сюргинцев (народ, родственный даргинцам) М.-З.Ю. Курбанов¹⁴. Аналогично этому у гунзибцев, по свидетельству М.Ш. Ризахановой, кунака рассматривали одновременно как близкого родственника и друга. И эти отношения передавались из поколения в поколение, как передаются отношения родства¹⁵.

Таким образом, следует признать, что куначество-дружба — это особая форма искусственного родства, основанная, с одной стороны, на традиционном гостеприимстве народов Кавказа и возникающая на почве гостеприимства, а с другой — на чувстве дружбы, взаимной симпатии и привязанности гостя и хозяина.

Куначество-патронат

В сущности, мы имеем здесь принципиально иную форму социальной связи. Куначество-патронат – разновидность столь же важных и близких, но преимущественно односторонних связей между хозяином и гостем. Он исключал равноправие и перемену ролей и получил большое развитие в период феодализма как институт, позволявший человеку страждущему, преследуемому противниками, найти постоянный приют и защиту у какого-нибудь могущественного феодала. Хорошо раскрывает суть такой формы куначества Хан-Гирей. «По введенному в Черкесии обыкновению, – пишет он, – слабый человек, находя свое положение опасным, ограждает себя посредством покровительства могущественной особы таким образом: он является к лицу, сильному властью, знатностию рода, обстоятельствами, и поручает себя, свое семейство и все достояние его покровительству, в чем ему и не отказывают никогда, ибо не соблюдающий обыкновения – оказать защиту просящему – наносит тем собственному своему достоинству величайшее посрамление в мнении народа, что делает неизгладимое пятно всему его роду» 16

Е.Дж. Налоева отмечает и на множестве примеров показывает, что у адыгских народов возник на этой почве и распространился даже на словарь царской администрации термин канако – κ ъэнакIуэ. При этом она предлагает три варианта перевода этого слова на русский язык: 1) «идти под опеку», 2) «покровительствуемый, получивший убежище», 3) «оставшийся при ком-то»¹⁷. Это удачные переводы. Но все же они не отражают всю полноту внутренней формы слова κ ъанакIуэ. И в связи с этим важно отметить, что перед нами сложное слово, состоящее из двух элементов: κ ъэнэн — «оставаться» и κI уэ — «идти», «хождение». Поэтому более точный смысловой перевод термина выглядит следующим образом: «хождение или визит с целью остаться». Одновременно термин κ ъанакIуэ является обозначением субъекта визита. И в этом случае означает: «пришедший с целью остаться», «пришедший», «оставшийся».

Таким образом, адыгское слово *къэнакІуэ* (в русской транскрипции канако) является в одно и то же время обозначением куначества-патроната как института и обозначением отдельного человека или группы лиц, воспользовавшихся этим институтом для сохранения своей жизни и чести.

Любопытно, что об употреблении черкесами слова канако (conacco) в применении к гостю писал еще в конце XV в. Дж. Интериано. Причем речь идет здесь об особой форме покровительства – о покровительстве в отношении чужестранца или кунака-чужестранца, который по понятным причинам особенно остро нуждался не только в обычных услугах гостеприимства, но и в защите от посягательств на его имущество, свободу и жизнь¹⁸. По всей видимости, не только

институт куначества, но и само слово «кунак» возникло на адыгской почве — от слова κ ъэнакIуэ «визит с целью остаться», «пришедший», «оставшийся».

Остается сказать, что созвучный тюркскому слову *кунак* — «гость» термин *къэнакТуэ* совсем недавно имел широкое хождение в старшем поколении кабардинцев. Принимая человека, остро нуждающегося в защите под свое покровительство, сильный и влиятельный хозяин дома или кунацкой (обычно феодал) брал на себя обязательство сделать его и всех членов его семьи членами общины — канаками. Это означало, что покровитель обязуется снабдить канако жильем, орудиями производства, а главное — готов защищать его, используя все находящиеся в его распоряжении силы и возможности.

Понятно, что дальнейшее преследование людей, получивших статус канако, считалось не только предосудительным и противоправным, но и весьма опасным. Они становились неприкосновенными лицами, приближенными к князю. Согласно обычному праву, к обидчику канако применялись санкции – от штрафа в пользу князя-покровителя до убийства.

С термином κ ъанак l y, а не с термином «кунак», как сказано выше, связывает Е.Дж. Налоева часто встречающийся в русских документах XVIII в. термин канаки. Отмечается, например, что термином «канак» обозначает пристав Кабарды А.Е. Ураков пришедших под его покровительство беглых рабов-бейголей Бейголи сделали это, боясь мести князей, против которых они выступили, отстаивая свои права 20 . П.Г. Бутков пишет о другом таком же случае, когда пристав Большой Кабарды Таганов принял у себя и поселил близ Малки тысячу бейгольских дворов 21 .

Это, кстати, особая форма так называемого «ухода канаками» — *групповая или массовая*. Пользуясь ею, в разное время под власть князей Большой Кабарды перешли терские казаки и большие массы абазинского населения, которые проживают сейчас главным образом в Зольском, Баксанском, Чегемском районах.

Обычно же в канаки уходила одна отдельная семья во главе со старшим в семье, и можно, следовательно, говорить в данном случае об *индивидуальной форме куначества-покровительства*. Обычно этот старший являлся к какому-либо могущественному феодалу и просил взять его и всю его семью под свое покровительство и таким образом защитить от преследования врагов. Феодал в таких случаях редко отказывал ему в своем покровительстве, следуя в этом отношении древней традиции гостеприимства и связанного с гостеприимством покровительства. Согласно этой традиции, «важнейшей обязанностью хозяина в отношении гостя было обеспечение его личной безопасности и сохранение того имущества, с которым гость прибыл в данный дом»²².

В публикациях прошлых лет мы указывали (основываясь в том числе и на архивных материалах), что приход под покровительство князя или знатного дворянина стал у кабардинцев обычной практикой урегулирования вопросов взаимной вражды, кровной мести и т.д. В частности, в начале XVII в. убийца князя Шужея Жансохова дворянин Плешуко избрал в качестве патрона могущественного Шолоха Сунчалеевича, фактического властителя Терского города на Каспии²³.

По мнению В.К. Гарданова, под патриархальной оболочкой куначества-патроната скрывалось стремление феодала увеличить клиентелу — число лично зависимых от него людей, что позволяет отнести отношения куначества-патроната к типу тех, что складывались в средневековой Европе в результате акта коммендации. С этим можно согласиться. Но данное обстоятельство нисколько не умаляет этической значимости отношений куначества-патроната или покровительства.

С другой стороны, не следует жестко связывать эти отношения с феодальным строем и феодальной иерархией. К примеру, хотя у ингушей, по словам Б.К. Далгата «сословного деления не было вовсе», тем не менее, покровительство получило большое распространение в виде защиты со стороны сильных фамилий, приставших (присоединившихся) к ним слабых фамилий. Слабые фамилии,

воспользовавшиеся такой возможностью, так и назывались — «неха карта йихи беха нах», т.е. «живущие около плетня сильных» (фамилий) 24 . Они оказывались, таким образом, в родственной связи с сильной фамилией и потому под ее безусловной защитой.

Иногда эта связь приобретала откровенно натуральные формы. Например, к двору Гайти Мальсагова, по сведениям Б.К Далгата, «проведены были из дворов покровительствуемых им слабых родов, расположившихся «у его плетня», веревки, и когда у последних происходило воровство или нападение, то они тянули за эти веревки, давая тем знать своему роду-патрону об угрожающей им опасности и прося у него помощи»²⁵.

При этом значительные повинности, которые несли такие слабые фамилии за принятие их под свою опеку, рассматривались «не как обязанность, вытекавшая из договора, а как услуга, оказываемая благодарными клиентами патронам, и происходила не постоянно, по требованию патронов и т.п., а иногда. Когда их патроны пригласят, угостят и предложат помочь в работе»²⁶.

Точно так же и у черкесов отношения между кунаками были особенно теплыми и доверительными, основанными на передаваемой из поколения в поколение признательности и благодарности покровительствуемой стороны и высокой оценки этой благодарности стороной покровителя.

Так, согласно сообщениям Шолоха Мезакошева (1890 г.р.), его предки, совершив убийство одного из князей Талостановых, скрывались в глухих лесах и поэтому получили фамилию МэзщІэкІуасэ — «Сбежавшие в лес». Затем они вышли из леса и отдались под покровительство и защиту князей Докшоковых, что спасло их от полного истребления. Сблизившись, таким образом, с Докшоковыми, Мезакошевы стали аталыками многих сыновей и дочерей Докшоковых. А один из Докшоковых, по имени Али нащхъуэ, стал, кроме того, молочным братом Шолоха²⁷.

Укрепление родства на основе покровительства через молочное родство наблюдалось также у карачаевцев. М.Д. Боташев приводит пример установления такого двойного родства у карачаевцев — между родами Солтана Алботова и Идриса Боташева²⁸. Сначала старшина аула Учкулан дворянин (езден) Солтан Алботов был осуем (кунаком) дворянина Идриса Боташева. «Впоследствии, племянник Солтана Туган Алботов и его жена Пердаус Байрамкулова стали молочными родителями сына Идриса Усея»²⁹.

То же самое наблюдалось у ингушей: «...слабые роды, – пишет Б.К. Далгат, – пользуясь долгое время покровительством сильных, если и не всегда вначале, то с течением времени роднились с последними, носили одну с ними фамилию и их родоначальника признавали своим, словом, образовывали с ними одну тайпу или вяр. Так происходило искусственное расширение родов, и в подобных случаях мысль о действительном, а не фиктивном только родстве членов всех родов, образующих тайпу, должна быть оставлена»³⁰.

Эти примеры свидетельствует еще и о том, что, во-первых, отношения куначества-патроната создаются не на пустом месте и не случайно, у них всегда есть своя – особенная в каждом случае – предыстория и основа. А, во-вторых, эта история, как правило, имеет свое продолжение, в том числе и в виде аталычества, молочного, а иногда, видимо, и кровного родства. Наконец, нельзя забывать об этической стороне данного института: сохранение, спасение не только жизни, но и чести, достоинства (или, как говорят адыги, – лица) преследуемого, гонимого человека. В этом, кстати, видел свою почетную миссию и сам покровитель, а вовсе не только в том, чтобы, пользуясь случаем, увеличить клиентелу, подчинить себе или закрепостить прибившегося к нему беззащитного человека. К слову сказать, обычно князь не только сохранял место канако в феодальной иерархии, но, нередко, и перемещал на ступень выше в рамках полномочий, которые давало ему обычное право.

С другой стороны, канако и его семья, помимо того, что они становились полноправными членами нового для них сообщества и княжества, приобретали еще одно важное качество – качество близких или приближенных к князю людей, связанных с князем отношениями искусственного родства, а также дружбы, привязанности, преданности.

Заключение

Как видим, перед нами тот случай, когда семантика и прагматика терминов искусственного родства позволяет более точно представить его различные формы и функции, вскрыть не только правовые, но и ценностные, морально-этические координаты каждого конкретного вида такого родства — в данном случае, куначества. Учитывая связанную с этим сложность и двойственность самого понятия «куначество», правильно подчеркивается иногда, что эта форма социальных связей может быть в одном случае союзом равноправных лиц и сторон, а в другом — неравноправных³¹.

Определяя этот союз как разновидность искусственного родства, следует учитывать, что само по себе это родство берет свое начало в гостеприимстве и является логическим продолжением гостеприимства, усилением отдельных пунктов этого института.

С другой стороны, куначество, как и гостеприимство в целом, являлось и остается составной частью культуры эмпатии — системы принципов и правил сочувственного мышления и поведения³². В сущности, перед нами расширение первоначальных функций и значений гостеприимства на основе своего рода этической экстраполяции.

Возникнув в глубокой древности на черкесской почве, в период Кавказской войны и после нее, куначество устанавливалось и поддерживалось не только между горскими народами, но и в отношениях горцев с казаками, с русским населением. Хорошо известно, что это способствовало смягчению противостояния и заживанию ран войны, налаживанию дружеских, толерантных отношений в регионе. Куначество стало вместе с тем одной из важных форм народной дипломатии³³.

Примечания

- 1. *Бгажноков Б.Х.* Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгов // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
 - 2. *Мусаева М.К*. Хваршины. XIX начало XX в. Махачкала, 1995. С. 152.
 - 3. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
 - 4. Исламмагомедов А.И. Аварцы. Махачкала, 2002. С. 386.
 - 5. Там же.
- $6.\,\mathit{Лугуев}$ С.А. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование. XIX начало XX в. Махачкала, 2008. С.175.
 - 7. *Уайт Л.* Избранное: Эволюция культуры. М., 2004. С. 179.
- 8. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 128.
- 9. $\ensuremath{\mathit{Леонтович}}\ \Phi.\ensuremath{\mathit{И}}.$ Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 389; $\ensuremath{\mathit{Kocseh}}\ M.O.$ Очерки первобытной культуры. М., 1953.
- 10. *Мамбетов Г.Х.* Общественный и семейный быт кабардинцев и балкарцев в XVI первой половине XIX в. // История Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1967. Т. 1. С. 284; *Унежев К.Х.* Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997. С. 96.
 - 11. Турецко-русский словарь. М., 1977. С. 558.
- 12. Бгажноков Б.Х., Кумахов М.Г. Межэтнические и внутриэтнические связи и культура общения // Новое и традиционное в быте кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1986. С. 11-12.

- 13. Бгажноков Б.Х. Социальная организация семьи. Нальчик, 2010.
- 14. *Курбанов М.-З.Ю*. Сюргинцы. XIX начало XX в. Махачкала, 2006. С. 144.
- 15. Ризаханова М.Ш. Гунзибцы. XIX начало XX в. Махачкала, 2001. С. 148.
- 16. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 302.
- 17. *Налоева Е.Д*. К вопросу о термине «кунак» // УЗ КБГУ. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 143-152.
- 18. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII первая половина XIX в.) С. 311.
- 19. Бейголи крепостные рабы, выполнявшие при князьях и больших дворянах функции оруженосцев, телохранителей, сборщиков подати и дани. Общее число бейголей достигало у кабардинцев десятки тыс. человек и было сопоставимо с числом низшего дворянства См.: Бгажноков Б.Х. Бейголи в социальной структуре феодального адыгского общества // Генеалогия Юга России: история и современность. Нальчик, 2004.
 - 20. Там же. С. 147.
- 21. *Бутков П.Г.* Материалы по истории Кавказа с 1727-го по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1. С. 224.
- 22. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII первая половина XIX в.). М., 1966. С. 298.
- 23. *Бгажноков Б.Х.* Аффилиативные свойства ритуалов // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2012. № 1 (19). С. 13.
- 24. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: Исследования и материалы 1892-1894 гг. М., 2008. С. 120.
 - 25. Там же. С. 120-121.
 - 26. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей... С. 120.
 - 27. Из сообщений Ш.А. Мезакошева, 1890 г.р., сел. Старый Черек. Кабардино-Балкария.
- 28. *Боташев М.Д.* Патронат в системе искусственного родства у карачаевцев // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения 2000–2001 гг. СПб., 2002. С. 40–41.
 - 29 Там же
 - 30. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей... С. 120.
- 31. *Битоков А.М.* Искусственное родство кабардинцев и балкарцев: рукопись диссертации. Нальчик, 2003. С. 35.
 - 32. Бгажноков Б.Х. Культура эмпатии // Толерантность и культурная традиция. М., 2002.
- 33. *Бгажноков Б.Х., Кумахов М.Г.* Межэтнические и внутриэтнические связи и культура общения; *Бурда Эд.* «Русский родственник» // Газета Юга. 2015. 14 мая. № 20 (1105).

B.H. Bgazhnokov

KUNACHESTVO FOR THE CIRCASSIANS AND OTHER PEOPLE OF THE CAUCASUS

There are two forms of kunachestvo: friendship kunachestvo and protectorship kunachestvo. The first one was more spread and was known as affection based on customary hospitality. In such case hospitality has a definition of a social institution which needs each local resident to give a wayfarer food, shelter and privacy. Specifics of the second form of kunachestvo is that his subject is desperately needy people. If they find protection artificial kinship is set with a patron.

Keywords: guest, kunak, hospitality, kunachestvo, circassians, people of the Caucasus, artificial kinship.

УДК 94 (398)

Ф.А. Озова

КНЯЗЬЯ БОЛЬШОЙ КАБАРДЫ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII в.

Одной из наиболее драматических страниц истории Кабарды является междоусобная война последней трети XVII в. Она, как это бывало чаще всего в истории Черкесии, была связана с коллизией внешнеполитического выбора союзников владельцами княжеств. В рассматриваемом случае речь шла о выборе князей Большой Кабарды между двумя акторами кавказской политики той эпохи: османским султаном и его вассалом крымским ханом – с одной стороны, и царем – с другой. Эти события практически не имели отражения в историографии. Данная статья посвящена выяснению подоплеки этой междоусобицы и показывает влияние кабардинских князей на расклад политических сил в регионе в последней трети XVII в.

Ключевые слова: Большая Кабарда, князья, коллизия, царь, султан, хан, военный союз.

Одной из наиболее драматических страниц истории Кабарды является междоусобная война последней трети XVII в. Она, как это бывало чаще всего в истории Черкесии, была связана с коллизией внешнеполитического выбора союзников владельцами княжеств. В рассматриваемом случае речь шла о выборе князей Большой Кабарды, в их лавировании между двумя наиболее активными акторами кавказской политики той эпохи: османским султаном, с одной стороны, и царем – с другой. Эти события практически не исследованы в отечественной историографии¹. Наибольшего внимания они удостоились в ряде исследований современных историков – В.Н. Сокурова и С.Х. Хотко². В.Н. Сокуров выделяет в них два этапа: между 1671-м и 1687 г. и между 1693-м и 1711 г.³. Родословные черкесских (кабардинских) князей указывали лишь на одну причину междоусобной войны: род Алегуко «побит ... за гордость»⁴. Данная статья посвящена выявлению подоплеки этой междоусобицы в ее первый период и показывает степень влияния кабардинских князей на расклад политических сил в регионе в последней трети XVII в.

1. О причинах похода хана Селим-Гирея I в Кабарду

1670-е гг. были отмечены для Терского города, перенесенного в 1669–1670 гг. под руководством градостроителя Т. Бейли на новое место — на Копань⁵, дальнейшим ослаблением его позиций в кабардинских делах. Это было связано присоединением части калмыков к восстанию Степана Разина и бегством другой их части под Астрахань (15 тыс. кибиток), откуда они были уведены за Кубань в подданство крымского хана мурзами Малого Ногая (1670). Эти события фактически разрушили антикрымский союз царя и калмыцких тайшей, лишив Москву крупной силы для военных акций на Кавказе и на Украине. Именно в этой связи был совершен поход тайши Аюки при содействии и помощи князя Казбулата Муцаловича в верховья Кубани, в результате которого калмыки были возвращены обратно на Волгу⁶.

Это вторжение на находившиеся в сфере влияния крымского хана земли создало хану Селим-Гирею I^7 (1670–1677, 1684–1691, 1692–1698, 1702–1704)

повод совершить демарш на территорию Кабарды (сентябрь 1671 — май 1672), находившейся к тому моменту в сфере российского влияния⁸. Впоследствии, в ходе дипломатической перепалки, крымская сторона объясняла причины этого похода так: «...та де ссора чинитца от кабардинского Казбулата старо крымско подданной, заворовав сословся с калмыцкими тайши, чинит ссору на обе стороны»⁹.

Устроив ставку в Бесленее, хан Селим-Гирей разослал оттуда своих представителей для переговоров с кабардинскими, ногайскими, дагестанскими и калмыцкими владетелями. Переговоры с калмыцкими тайшами, ногайскими мурзами, дагестанскими шамхалами и кабардинскими пши (князьями) могли включать как военно-политические, так и торгово-экономические вопросы. Обострение русско-турецких отношений в конце 1660–1670-х гг. было во многом связано с попытками царя переориентировать всю торговлю Персии с Европой на себя (Иран-Астрахань-Архангельск - «немецкие земли» или Иран (Дербент) - владения шамхала Тарковского-Терский город – Астрахань), исключив из нее Османскую империю, торговля которой осуществлялась по пути: Иран-Северный Кавказ-Азов. Шамхал Тарковский был привлечен к важнейшему договору (1667) между Россией и Ираном (в лице армянской торговой компании Нор-Джуги)¹⁰. Крымские войска были продвинуты на территорию Кабарды, отсюда «ратные люди его (хана. $- O.\Phi.$) подбегали под Терки и Терским жителям и кочевым людям чинили шкоды»¹¹. Эти нападения привели Терки в окончательный упадок. Из «расспросных речей» в Посольском приказе терского стрельца П. Фатьянова (1672) явствовало, что здесь было в то время голодно и малолюдно. Основным военным контингентом крепости были калмыки из Астрахани. Город, слободы и имение князя Казбулата страдали от частых приступов Каракасай-мурзы (ногайского. – $O.\Phi.$), инициированных «пересылками» хана с мурзами Малого Ногая. Один из очевидцев тех событий свидетельствовал: «...Князь Каспулат, ходил под Астрахань и в Калмыки, и в то время без него Каракаса-мурза улусы его разорил, и узденей многих побил и в полон поимал, и учинил ему, князю Каспулату, многое разоренье. И от того ныне он, князь Каспулат, обесконел и оскудал. А Каракаса-мурза беспрестанно приходит на Терек, русских людей и князя Каспулатовых узденей бьет и берет в полон многих. И князь Каспулат де и русские люди против ево, Каракасая, на бой не ходят за большим малолюдством да и для того, что у них на Тереке и у князя Каспулата лошадей нет»¹².

Угроза крымского вторжения заставила кабардинцев эвакуироваться с равнин и удалиться в горы. Пребывание ханской армии на пустой Кабардинской равнине на протяжении 8 месяцев (сентябрь 1671 – май 1672) вылилось для нее в катастрофу. Вследствие холода и голода погибли 6000 человек 13. Многие части армии дезертировали. В мае 1672 г. крымчаки покинули Кабарду, взяв с собой 50 черкесских и 7 ногайских заложников ¹⁴. Выдача заложников свидетельствовала, что переговоры представителей хана с кабардинскими князьями и мурзами Малого Ногая имели успех и завершились союзом¹⁵. Этому, несомненно, способствовал и калмыцкий фактор, созданный усилиями князя Казбулата Муцаловича Черкасского, ставшего «представителем правительства России для связи со ставкой калмыцкого правителя». В 1664 г., с приходом к правлению калмыками тайши Аюки (1664) (первого калмыцкого хана в 1673–1724 гг.), их войска были признаны «составной частью русской армии» во главе с Казбулатом Муцаловичем Черкасским¹⁶. Селим-Гирей I, преследовавший своим походом ликвидацию такого русско-калмыцкого военного союза и возвращение незадолго до того выселенных тайшой Аюкой из верховьев Кубани к Волге калмыков снова в Закубанье¹⁷, не достиг этой цели. Все эти обстоятельства не могли не повлиять на решение князей Большой Кабарды о возвращении политического центра княжества в зону гегемонии османо-крымской коалиции.

2. О причинах междоусобной войны в 1670–1690-х гг.

В 1671/2 г. после смерти Хатокшоко¹⁸ Казыева, пщышхуэ (великим князем, государем) Большой Кабарды был избран его младший брат Мисост I (Мусост Мурза Казыев сын) Казиев (1671/2–1695). Шерть царю Алексею Михайловичу, как это было принято после смены пщышхуэ, была подтверждена Мисостом Казиевым, Адил-Гиреем Хатокшоко (Адел Гирей Мурза Хотожуко сын), Тенгизбеем Алегуковым (Денгизбий Мурза Алегукин сын), Куцмимурзой Хапыховым (Куцми Мурза Хапыко сын), Бекмурзой (Бек Мурза Женбулатов сын) и Кайтуко Джанбулатовыми (Кайтука Мурза Женбулатов сын), Алчагыром Исламовым (Алчагыр Мурза Исламов сын) и Клычыко (Клычевна Мурза) (?)¹⁹. Таким образом, в отличие от шертей 1645-го и 1662 г., под которыми была поставлена единственная подпись соответственно князя Алегуко и князя Хатокшуко, в 1672 г. под аналогичным договором подписались восемь князей. Такая ситуация в полной мере свидетельствовала о негативных тенденциях, наметившихся в политическом развитии Большой Кабарды. Одна из них заключалась в трансформации традиционной системы управления и девальвации сана пщышхуэ.

Выдача кабардинских аманатов и их отъезд в Бахчисарай свидетельствовал о смене настроений князей Кайтукиных. Если в начале 1660-х гг. они единодушно выступили за союз с царем, то через 10 лет, более 3/4 от числа всех князей Кабарды (из 67 в 1662 г.), о чем свидетельствует численность аманатов – 50, высказались за отказ от него. И в этом контексте подпись шерти в 1672 г. стала просто вынужденной формальностью, за ней уже не стояла былая консолидация князей. Очень наглядно эту ситуацию описывает, характеризуя период правления в Кабарде князя Мисота, один из документов Коллегии иностранных дел (1732), что при великом князе Мисосте Казиеве кабардинские князья «в город Терек давали аманатов с переменою, <...> и посыловали де от себя часто в Москву к российским государем послов за жалованьем; и в то ж время, боясь кубанцов, чтоб их не разорили, давали в Крым кабардинцы вместо дани – в год по десяти человек...»²⁰. Здесь очень точно обрисовано тяжелое положение Кабарды, находившейся между двумя имевшими на нее виды государствами, словно в тисках, между Сциллой и Харибдой. Таким образом, заключение договоров между царем и кабардинскими князьями, непременным условием которых была выдача аманатов в Терский город, с одной стороны, и выдача «подарков» в виде невольников, аргамаков и оружия Крыму – с другой стороны, являлись составной частью политики, которую кабардинские князья вынуждены были вести ради сохранения независимости своей страны. Русский царь не мог никоим образом повлиять на взаимоотношения крымского хана с кабардинскими князьями, так как и сам продолжал платить «поминки» хану. Хан также не был в состоянии повлиять на экспансионистские амбиции царя, форпостом которых на Кавказе выступала тогда Астрахань. Как отмечал Н.Ф. Грабовский, хотя в крепости Терки были кабардинские аманаты и вообще кабардинцы заявляли себя под покровительством России, они фактически оставались в сфере влияния крымских ханов 21 .

В таких условиях главным инструментом терских воевод для расширения своего влияния в Кабарде оставалось давнее и хорошо испытанное средство – провоцирование и разжигание междоусобных противоречий. В новых условиях начавшейся девальвации власти пщышхуэ, когда клан Кайтукиных перестал представлять собой монолитное и сплоченное политическое целое, что ярко подтверждается наличием восьми подписей под шертью 1672 г., это сделать было достаточно несложно. Вскоре процесс рассредоточения верховной власти между различными княжескими линиями пошел еще дальше. Выразилось это в том, что владетельные князья двух уделов Тенгизбей (Телгизбий) Алегуков, пребывавший в 1640–1644 гг. и в 1647–1652 гг. в аманатах²², и Адил-Гирей, старший, а по другим данным, второй сын Хатокшоко, который также в период правления его отца был

в аманатах²³, вступили в русскую службу. К ним примкнул и Алчагыр Исламов²⁴. До этого времени степень зависимости князей Большой Кабарды от царя выражалась в подписании шерти и выдаче дипломатических заложников как гарантов этой шерти, т.е. в некоем российском подобии протектората²⁵. Превращение Тенгизбея и Адил-Гирея из кабардинских пщы (князей) в русских служилых князей трансформировало их статус от суверенного до полувассального. Очевидно, что признание верховной власти русского царя должно было осуществляться за счет их отказа от верховной власти пщышхуэ Кабарды. Таким образом, добрая половина Большой Кабарды, причем в силу той роли, которую играли их отцы на протяжении полувека до этих событий, центральная и лучшая ее половина, должна была выйти из-под юрисдикции пщышхуэ Кабарды и оказаться под протекторатом царя. Особый гнев Мисоста и Бекмурзы в данном случае могло вызывать то, что своими прерогативными правами кабардинского князя поступился именно Тенгизбей Алегуков, потомок старшей линии Иналидов (Инал–Табула–Жанхот–Беслен–Кайтуко–Пшеапшоко–Шогануко–Алегуко²⁶).

Смена статуса Тенгизбеем вела к тому, что его удел должен был перейти под юрисдикцию царя. Сепаратизм удела, являвшегося сердцем Кабарды, от которой она получила наименование, - это тот кошмар, принять который не мог настоящий черкесский князь ни при каких обстоятельствах. Такая идея могла быть поддержана только таким человеком как Тенгизбей, фактически воспитанным в Терской крепости, проведшим свои детские и юношеские годы в аманатстве (1640–1644 гг. и в 1647-1652 гг. 27). Таким образом, надежды на сохранение независимости в прочном союзе с царем, желание покончить с пагубной политикой лавирования между Османской и Российской империями, послужившие, как представляется, причиной возвращения Казыевых на Баксан, окончательно развеялись. Большая Кабарда оказалась на грани расчленения и перехода половины ее земель под протекторат царя. В контексте этой новой угрозы Мисост I предпочел вернуть Большую Кабарду в ее целостном виде в сферу гегемонии крымского хана. Князья двух уделов Мисостея²⁸ и Джамботея²⁹ во главе с пщышхуэ Мисостом Казиевым и его племянниками Бекмурзой и Кайтуко Джамбулатовыми решили в целях сохранения политического и территориального единства Большой Кабарды вновь перенести ее политический центр в Пятигорье. Именно это намерение стало главным последствием раскола в правящем сословии Большой Кабарды, спровоцированного из Терской крепости. Вся эта внутрикабардинская коллизия легла в русло давней политики лавирования между султаном и царем, противостояние которых в Черкесии к тому времени насчитывало уже больше столетия (1560–1670-е гг.). Каждый из этих государей безуспешно пытался ограничить любые взаимоотношения кабардинских князей с соперником и рассчитывал на использование военного потенциала Кабарды в своих целях. Участие в том же 1672 г. Бекмурзы Джамбулатова в успешном походе на Польшу на стороне османо-крымской коалиции свидетельствовало о наличии договора между кабардинскими князьями и ханом о военном союзе. Возможно, именно в тот период этот союз был скреплен браком Бекмурзы и дочери хана Селим-Гирея I³⁰.

Планы пщышхуэ Мисоста I удалиться на запад Кабарды, в Пятигорье, вызвали агрессивную реакцию со стороны оппонентов в лице как терских воевод, так и князя над нерусским населением Терского города Казбулата Муцаловича и новоявленных³¹ служилых князей Тенгизбея и Адил-Гирея. Так как после шерти 1672 г. от пщышхуэ Мисоста I, видимо, в связи с форс-мажорными обстоятельствами крымской агрессии не был получен аманат, наличие которого должно было по представлениям Посольского приказа гарантировать лояльность князей, то терские воеводы решили забрать такого аманата силой. В 1672 г., уже после ухода войск хана Селим-Гирея I, в удел Мисоста I был направлен тайша Аюка со своими воинами, Кайтукины были вынуждены отправить своего аманата в Терскую

крепость. Несмотря на это, в конце лета — начале осени 1673 г. князь Тенгизбей вместе с калмыцкими тайшами «разорили и разграбили» владения Мисоста І. Эти враждебные акты со стороны Тенгизбея и терских воевод ввели противостояние в фазу междоусобной войны³², т.к. Мисост І, по законам своего сословия и для сохранения своего реноме, был обязан нанести Тенгизбею Алегукову и Казбулату Муцаловичу ответный удар.

Возвращение князя Бекмурзы Джамбулатова из Крыма в Кабарду осенью 1673 г. 33 как раз совпало с обострением здесь политического кризиса. Пщышхуэ Мисост I в это время пытался создать коалицию для отмщения терским воеводам и князю Тенгизбею. В «Памяти из приказа Казанского дворца в Посольский приказ...» (позднее 3 мая 1674 г.) прямо отмечалось, что «Мусост-мурза з братьями и с племянники прямит крымскому хану». Здесь указывалось, что «кабардинской де Мусост-мурза» сначала писал крымскому хану, прося о помощи, потом — ездил «в Крым для ратных людей, а хочет итти с тою ратью на кабардинских мурз на Илдигирея да на Тенгизбея» (до 3 мая 1674 г.) 4. Но хан, занятый в войне за Украину, смог только предложить «кочевать на старые кочевья на Кум[у] — ре[ку] и на Балк да на Бештов» 55. Однако энергичная дипломатическая деятельность Мисоста I по получению военной поддержки от князей Джиляхстанея и тарковского шамхалата 36, осталась без успеха, так как никто из черкесских и кумыкских владетелей не пожелал участвовать в этом противостоянии.

В июне 1674 г. князь Казбулат Муцалович по поручению царя в рамках выполнения условий русско-польского соглашения (1672) отправился «на крымские улусы и на Азов» во главе со 150 вассалами, 5000 калмыков и 3000 донских казаков³⁷. Во время удачной атаки на Азов ему донесли, что его владение в Кабарде атаковано крымским отрядом³⁸: «крымские владельцы ево князь Каспулатовых узденей и мурз побивают и кабаки, которыми он князь Каспулат, владел отняли и хотят, разоря ево князя Каспулатово владенье уйти в Крым»³⁹. В своей «Отписке...» (между 22 февраля и 5 апреля 1675 г.) в Посольский приказ он доносил об этих событиях, что Мисост I «...[с детьми] своими и с племянниками Жембулатовыми детьми, с Бек-мурзою и детьми убили кабардинского Адил-Гирея-мурзу»⁴⁰. Отмечалось, что владенье Адиль-Гирея они «разобрали по себе»⁴¹. Согласно документам, после убийства Адиль-Гирея Мисост I направился «в Крым со всем владеньем» и с владением Казбулата Муцаловича⁴². Князь Казбулат с вассалами и калмыками, догнав их, преградил им путь «и до Крыму их не допустил, и поворотил их назад на прежнее их жилище»⁴³.

Пщышхуэ Мисост I был вынужден совершить обряд шертования в связи с воцарением Алексея Михайловича и выдать князю Казбулату Муцаловичу в аманаты своего сына Хатокшоко. Также он согласился отправить с К.М. Черкасским в Москву сына Али. Мисост I отказался дать шерть за своего племянника, говоря «и впредь де он, Бек-Мурза, от крымского не отстанет»⁴⁴. Согласно отпискам терских воевод в Посольский приказ, отданный в аманаты Хатокшоко по пути в Терский город бежал в Азов, откуда был возвращен крымским ханом в Кабарду. Поездка князя Али в Москву также не состоялась⁴⁵.

3. Фактография междоусобицы 1671-1693 гг.

Неудачная попытка Мисоста I перебраться в Пятигорье и его возвращение на Баксан привели к дальнейшей эскалации конфликта. Последовавшие за этим события называются «одной из самых трагических страниц кабардинской истории эпохи пши-уорков», составившей «чуть ли не главное содержание политической истории Кабарды конца XVII — начала XVIII столетия». Такая оценка этих событий связана с той ролью, какую играли кланы пщышхуэ Алегуко (Алегука) Шеганукова и Хатокшоко Казиева, правившие в Большой

Кабарде почти полвека (1624–1672). В этой борьбе В.Н. Сокуров выделяет два этапа: между 1671-м и 1687 г. и между 1693-м и 1711 г. 46

Генерал-поручик Павел Потемкин писал, что род Алегуко был в Кабарде «во особливом уважении», «но в конце прошлого века (XVII в. – $O.\Phi.$) по ненависти к нему других князей, не терпя его гордости, учинен был заговор и истребили сие колено даже до младенца»⁴⁷. В родословных списках также указывается, что род Алегуко «побит ... за гордость» ⁴⁸. На самом деле причина истребления рода Алегуко, представленная в преданиях и родословных кабардинских князей (гордыня Алегукиных)49, не объясняет истинных мотивов такой внезапной ненависти к особо почитаемому семейству. Здесь также можно вспомнить и историю с заносчивостью князей Тохтамышевых, которая, скорее всего, также прикрывала какую-то междоусобную борьбу, возникшую по более тривиальным причинам. Тохтамышевы были изгнаны, а впоследствии по обоюдному согласию всех заинтересованных сторон согласились на снижение своего статуса с княжеского до тлекотлешского (тлекотлеши – первостепенные уорки-рыцари, благородные, дворяне. $-O.\Phi.$)⁵⁰. Ш.Б. Ногма сообщал, что в результате заговора «Шогенуковы были истреблены некоторые тайно, а другие явно, так что поколение Шогенуковых прекратилось и ныне не существует»⁵¹. Важно здесь отметить два обстоятельства, что вся эта история не была единовременным актом, а продолжалась на протяжении нескольких десятилетий, а значит причины междоусобных столкновений могли быть самыми различными в соответствии с обстоятельствами того или иного времени. Кроме того, принципиально, что уничтожение Алегуковых началось с убийства князя Адил-Гирея Хатокшоко. Князь Казбулат Черкасский отмечал, что Мисостовы и Джамбулатовы «убили кабардинского Адил-Гирея-мурзу за то, что он, Адил-Гирей, и Денгизбей мурзы з братьями своими и з детьми и с племянники учинились тебе, великому государю, в вечном холопстве и х крымскому хану не приставали»⁵². В этой фразе и заключается смысл событий 1670–1680-е гг. Истинной причиной кровавого конфликта, оформленного как междоусобица, стала не просто шерть царю, ведь ее принесили все князья Казыевой Кабарды, а сепаратизм владевших половиной Кабарды князей Тенгизбея и Адил-Гирея. Смена статуса суверенных кабардинских князей на статус русских служилых князей Тенгизбеем и Адил-Гиреем влекла за собой ряд последствий, главным из которых было, помимо территориального раскола и вывода половины населения Большой Кабарды из-под юрисдикции пщышхуэ, фактическое разрушение ее политической и общественной системы.

Сутью первого этапа междоусобной войны 1671–1687 гг. стала борьба вокруг вопроса о расположении политического центра Большой Кабарды — на Баксане или в Пятигорье. Пщышхуэ Мисост I, князья Бекмурза и Кайтуко Джамбулатовы стремились уйти в Пятигорье, подальше от Терского города, в распоряжении которого были многочисленные калмыцкие войска и артиллерия. Терские же воеводы, в свою очередь, предпринимали меры по предотвращению такого развития событий

Некоторый свет на события в Кабарде 1670–1690-х гг. проливают «Протокол расспроса кабардинского посла Магомета Атажукина в Коллегии иностранных дел...» (7 марта 1732 г.) и «Изъяснение о кабардинских народах...» (26 апреля 1732 г.)⁵³. Во втором документе утверждается, что кабардинские князья вскоре после убийства Адил-Гирея перебрались все вместе в Пятигорье. «...Жили кабардинцы по Куме реке и служили российским государем, и в город Терек давали аманатов с переменою, а кого не помнят, и в то де время был у них, кабардинцов, старшей князь Масаус Казиев сын, а по нем князь Тензбей, Бекмурза, Казий Масаусов и протчие...»⁵⁴. Переселение в Пятигорье произошло до Русско-турецкой войны (1676–1682)⁵⁵. Об этом же свидетельствует ситуация 1676 г., когда в связи со сменой российского монарха началась кампания по приведению к шерти

кавказских владетелей. Посольский приказ направил князю Казбулату Муцаловичу Черкасскому грамоту о необходимости прибытия его в Терский город для приведения к шерти «горских владельцов» царям Ивану и Петру Алексеевичам (8.01.1676)⁵⁶. Несмотря на отсутствие отчетов, наличие «памяти из Посольского приказа в приказ Казанского дворца о посылке в Терский город человека для приведения кабардинских мурз к шерти»⁵⁷ и аманатов в Терском городе, позволяет сделать вывод, что в русско-кабардинских отношениях этого времени никаких формальных изменений не произошло. По сути же ситуация сложилась так, что акт шертования имел исключительно номинальный характер, наличие аманатов в Терках было данью дипломатической традиции и было призвано удерживать от нападений на Терский город, а также для того, чтобы получить разрешение ездить к Теркам для рыбной ловли и пасти скот в районе Терской крепости⁵⁸.

Номинальность акта шертования в 1676 г. подтверждает и информация о положении князя М.К. Черкасского. Причастность к междоусобной войне в Казыевой Кабарде заставила его прибегнуть к переезду с левого на правый берег Терека, «в соседство с воеводским городом» (1674). Позднее он просил царя (9.04.1676) построить «городок» около его терского двора в связи с тем, что «неприятелей де ныне у него умножилось⁵⁹, что свидетельствует о радиусе влияния Терской крепости в те годы (Имеющиеся документы говорят о том, что основное поле деятельности Казбулата Муцаловича в этот период времени было сопряжено не столько с Кабардой, сколько с операциями шедшей тогда Русско-турецкой войны⁶⁰).

На фоне сужения русско-кабардинских отношений до уровня формальной дипломатической процедуры в условиях Русско-турецкой войны, восшествие на престол нового крымского хана Мурад-Гирея в 1678 г. ознаменовалось в очередной раз внесением в ханский титул всех черкесских земель. Он стал именоваться в числе прочего «государем <...> кабардинских и горских черкас *правой и левой* стороны» (курсив наш. $-O.\Phi.)^{61}$. Этот шаг свидетельствовал о вновь возникшей надежде крымского престола расширить свое влияние на всю Черкесию. Эти сведения указывают и на то, что путем неимоверных усилий и кровопролития князьям Большой Кабарды удалось практически избавиться от коллизии: Стамбул или Москва.

Несмотря на значительный успех Мисоста I по консолидации всех владетелей Большой Кабарды вокруг себя и перенос политического центра в Пятигорье, благодаря чему удалось избежать ее территориального и социально-политического распада, противостояние Тенгизбея и остальных князей не прекратилось. Бекмурза стремился довести свой успех до логического конца путем переноса политического центра княжества за Кубань. Этому продолжали противиться Тенгизбей и его сыновья. В итоге «Бек-Мурза, убив дву владельцов, Танбеевых (Тангизбеевых. – O.Ф.) детей, ушел в Крым»⁶². Князь Бекмурза ушел в Крым со старшим сыном Шолохом⁶³. Затем, «выпрося там от крымского хана войска, при котором был командир Сават-Гирей салтан, пришед, черкесских всех князей и с их подвластными побрали в полон и перевели на Орб реку (Уарп (черк.), Уруп. $-O.\Phi.$) и там их поселили; а во время того их взятья в полон в Тереке были от черкес в аманатах Бек-Мурзы сын Давлет-Гирей (которому по крещении дано имя Александр)...»⁶⁴. Дополнить картину переноса центра Большой Кабарды в Закубанье позволяют выше названные документы: «Протокол расспроса кабардинского посла Магомета Атажукина в Коллегии иностранных дел...» и «Изъяснение о кабардинских народах...». Из них явствует, что при подходе к Пятигорью крымского отряда во главе с князем Бекмурзой и, по одной версии, во главе с «Шахбаз-Гирей ханом» 65 , по другой – с «Сават-Гирей салтаном» 66 , многие владетели бежали – кто к Аюке-хану, кто – «в Кумыки» 67 . Потом – «подлый народ весь крымский Шахбаз-Гирей хан взяв отвез на Кубань, а потом и их, пятигорских владельцов, к себе на Кубань призывал. И оные владельцы по совету калмыцкого Аюка-хана, как от него, так и с кумыков все на Кубань перешли»⁶⁸. Таким образом, можно, говорить о переселении всех князей, в том числе и Тенгизбея, в долину р. Уарп (Уруп).

Вопрос о том, когда состоялось это переселение, возможно решить, установив время отъезда в аманаты сына Бекмурзы Девлет-Гирея, а также идентифицировав «Шахбаз-Гирей хана» или «Сават-Гирей салтана». Так как среди крымских ханов отсутствует «Шахбаз-Гирей хан», а с другой стороны, зная, что хан не занимался непосредственно делами Черкесии, то, очевидно, что это переселение было совершено «Сават-Гирей салтаном». Известно, что титул султана член династии Гиреев получал в случае назначения его на должность первого наследника – калги или второго наследника – нуреддина⁶⁹. Обычно, «испокон века», делами Черкесии ведал именно калга⁷⁰. Остается выяснить, кто скрывается за именем «Сават-Гирей салтан» и на какое время приходилось правление хана, при котором он был калгой. Очевидно, что это переселение состоялось в период царствования хана Мурад-Гирея (1678 – сентябрь 1683). Подтверждает этот тезис и то, что калгой при хане Мурад-Гирее был Саадет-Гирей, которого можно идентифицировать как «Сават-Гирей салтана»⁷¹. В пользу этой точки зрения говорит и то отношение к черкесскому вопросу, которое демонстрировалось ханом Мурад-Гиреем на протяжении всего периода правления. Помимо дополнения в ханский титул как Западной Черкесии, так и Кабарды (1678)72, одним из главных условий, выдвинутых им при подписании русско-турецкого договора по итогам войны 1676–1682 гг., был вопрос о Черкесии: «...аще великого государя, салтанова величества, по желанию будет, и от черкас и от Киева руку отоймут»⁷³. Таким образом, можно говорить о том, что хан Мурад-Гирей был настроен решительно по поводу упрочения своего влияния во всей Черкесии. Для такой политики шаги по передвижению князей Большой Кабарды в сферу влияния крымско-османской коалиции смотрятся вполне органично. Таким образом, мы можем говорить о том, что именно при хане Мурад-Гирее его калга «Саадет-Герай-салтан» и князь Бекмурза Джамбулатов организовали перемещение центра Большой Кабарды на реку Орб (Уарп, Уруп). Оно состоялось, скорее всего, на рубеже 1670–1680-х гг., т.е. до заключения Бахчисарайского договора (3 января 1681)74. Этот вывод подтверждается и сведениями, что князь Девлет-Гирей Бекмурзин сменил в аманатах своего брата князя Шолоха (Шевлох), находившегося в Терках в конце 1670-х гг. ⁷⁵.

Со смертью князя Казбулата в 1681 г. и назначением на его место его сына Адил-Гирея Казбулатовича⁷⁶ (по другой версии – его звали Солтанбек Казбулатович⁷⁷) влияние терских воевод на кабардинские и кавказские дела в очередной раз свелось на нет. Влияние кабардинских князей на расклад сил в регионе подтверждается фактами из османо-крымско-русского противостояния в Крыму в 1684-1685 гг. Тогда в войнах османо-крымской коалиции со Священной Лигой (Союз Австрии, Польши, Венеции и Мальты (1683)) черкесы выступили на стороне первых 78. В 1686 г. Россия, заключив договор с Польшей, присоединилась к Лиге. Выполняя свои обязательства перед антиосманской коалицией, Россия предприняла два похода в Крым (1687, 1689), чтобы воспрепятствовать участию войск крымского хана в военных действиях на европейских фронтах. Несмотря на огромную (100 тыс.) армию князь В. В. Голицын отступил, не приняв боя против крымской армии⁷⁹, в которой в 1689 г. находился 50 тыс. контингент кумыков, черкесов и ногаев⁸⁰ под командованием азовского коменданта царевича Шегбаз-Гирея. В это же время в войсках Голицына насчитывалось всего 222 горца, из которых 100 были служилыми людьми из Терской крепости⁸¹. Эти факты наглядно демонстрируют возникшие в результате разрыва отношений между царем и князьями Большой Кабарды последствия для расклада военно-политических сил в регионе.

Таким образом, попытки кабардинских князей окончательно избавиться от разрывавшей их страну на две части внешнеполитической коллизии Москва—Стамбул в 1660-е гг. не увенчались успехом. Союз Иналидов с царем был истолкован последним как предпосылка для попыток установления протектората над Кабардой. Именно в этой связи пщышхуэ Мисост I через десятилетие после возвращения на Баксан был вынужден вновь перенести политический центр Большой Кабарды в Пятигорье, а потом и в Закубанье. Именно стремление к сохранению независимости страны лежало в основе междоусобной войны начала 1670-х. гг. в Большой Кабарде. Разрыв кабардино-русских отношений в начале 1670-х гг. пагубно отразился не только на характере двусторонних связей, но и на взаимоотношениях России со всем кавказским регионом.

Примечания

- 1. Ногмов Ш.Б. История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев // Вступ. ст. и подг. текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1994. С. 149.
- 2. Сокуров В.Н. Об изменении династической идеологии адыгских князей и возведение рода к Ною // Архивы и общество. 2007. № 1. С. 73–75; Хотко С.Х. Цивилизация Кабарды. СПб., 2008. С. 363–369.
 - 3. Сокуров В.Н. Об изменении династической идеологии адыгских князей... С. 75.
- 4. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее УЦГА АС КБР). Ф.Р-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 6; *Потоцкий Я*. Путешествие в астраханские и кавказские степи // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБКИЕА). Нальчик, 1979. С. 230–231.
- 5. Сюда переселилось 1000 дворов кабардинцев, окочан и восточных купцов, 500 русских служилых людей и 500 казаков. Для аманатов были построены 3 двора. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. // Документы и материалы в двух томах. Т. І. XVI–XVII вв. // Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов // Ред. Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. М., 1957. С. 328, 421.
- 6. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Часть III. Хронологический и алфавитный указатели / Сост. Л. Броссе. С. 3; *Сокуров В.Н.* О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. Х. С. 10, 11.
- 7. Д. Кантемир характеризовал хана Селим-Гирея I как личность большой мудрости и доблести (Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII вв. Нальчик, 2006. С. 101).
- 8. Потто В.А. Два века терского казачества (1577—1801). Ставрополь, 1991. С. 99—100; Сокуров В.Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. ... С. 14.
- 9. Сокуров В.Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. . . . С. 10, 11.
- 10. *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 140, 141.
 - 11. Потто В.А. Два века Терского казачества... С. 100.
- 12. КРО. Т. І. С. 333; *Сокуров В.Н.* Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII начале XVIII в. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. Х. С. 31.
- 13. *Андреев А.Р.* История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М., 1997. С. 151. Цит. по: *Хотко С.Х.* Цивилизация Кабарды... С. 361.
- 14. *Сокуров В.Н.* Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII начале XVIII в. ... С. 31.
- 15. Османский султан оказался недоволен взятием заложников, и они были отпущены в июле 1673 г. (*Сокуров В.Н.* Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII начале XVIII в. . . . С. 32).
- 16. *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI конец XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 162, 163; *Хотко С.Х.* Цивилизация Кабарды... С. 355.
- 17. Потто В.А. Два века Терского казачества... С. 100. Задача разрушения русско-калмыцкого альянса преследовалась и позже. Так, например, во время предварительных консультаций по поводу заключения русско-турецкого договора по итогам войны 1677—1682 гг. одним из двух условий мира турецкой стороной было высказано требование

«калмыков от себя отложить» (Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (АИГИ КБНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 313).

- 18. В документах 25 вариантов транслитерации его имени на русский язык.
- 19. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 112. Дела едисанских татар, 1673. Д. 1. Оп. 1. Л. 1, 2; Сокуров В.Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. ... С. 8.
- 20. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. // Документы и материалы в двух томах. Т. II. XVIII в. // Сост. В. М. Букалова // Ред. Н. А. Смирнов, У. А. Улигов. М., 1957. С. 64.
- 21. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г.: Извлечения. Нальчик, 2001. С. 285; *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и борьба ее за независимость: Исторический очерк. 1876 г. Нальчик, 2008. С. 7.
 - 22. KPO. T. I. C. 181.
- 23. Братья Адил-Гирея: Мамат, Кургоко, Измаил. УЦГА АС КБР. Ф.Р-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 6; Ногма перечисляет сыновей князя Хатокшуко в другом порядке: Кургоко, Адилгирей, Мухамет, Смаил; *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа... С. 137; По родословной росписи Лобанова-Ростовского, «у Хотожуки-мурзы один сын был на Тереке в аманатах». (КРО. Т. I. С. 386).
- 24. КРО. Т. І. С. 346; *Сокуров В.Н.* О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. . . . С. 11.
- 25. *Трепавлов В.В.* «Шертные» договоры: российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: III Международная научная конференция: тезисы докладов. Челябинск: 1995. Ч. І. С. 28–30.
 - 26. KPO. T. I. C. 385.
 - 27. Там же. С. 181.
- 28. Родословная, хранящаяся в РГВИА, называет пятерых или четверых (в этом месте документ испорчен) сыновей князя Мисоста Казиева: ?, Кази, Али, Хатокшуко, Ислам // УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 6; Ногмов называет трех сыновей князя Мисоста: Хатожуко, Али, Ислам // Ногмов Ш.Б. История адыхейского народа... С. 137.
- 29. Сыновья князя Джамбулата (в документе Джанбулата): Бекмурза, Кайтуко, Алимурза, Солтанали // УЦГА АС КБР. Ф.Р-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 6.
 - 30. Бгажноков Б.Х. Канжальская битва. Нальчик, 2008. С. 44.
- 31. Интересно, что Э. Челеби отметил статус каждого из уделов Большой Кабарды, два их которых были «подвластны беям Кабарды». Относительно остальных двух уделов его данные носят, на первый взгляд, противоречивый характер: «... а двое других повинуются султану Дагестана. Иногда кто-либо из них с целью сближения с калмыками объявляет себя подвластными калмыцкому Тайша-шаху и Мончаку, посылает в начале года в подарок калмыкам некоторое количество жеребят и буйволов и тем самым ограждает себя от калмыцкой напасти, от грабежей и разбоев калмыков, став их подданными» // Челеби Э. Книга путешествия...С. 89.
- 32. КРО. Т. І. С. 334; *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г.: Извлечения... С. 285.
- 33. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. // Под ред. акад. Б.Б. Пиотровского. М., 1988. С. 354; Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII начале XVIII в. ... С. 31; Кампанию 1672 г. против Польши, в которой участвовал князь Бекмурза на стороне османо-крымской коалиции, выиграла последняя, захватив крепость Каменец и все Подолье. Имперские интересы султана и царя вплотную столкнулись вокруг территории Украины. Претензии Османской империи на территорию Украины, которые она в ультимативной форме высказывала России в 1669 г., сделали неизбежной Русско-турецкую войну 1677—1682.
 - 34. KPO. T. I. C. 334, 335.
 - 35. Там же. С. 334.
 - 36. Там же.
 - 37. Там же. С. 353, 359.
- 38. КРО. Т. І. С. 342; *Вилинбахов В.Б.* Совместные русско-кабардинские военные действия // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1959. Вып. VII. С. 120.

- 39. KPO. T. I. C. 344.
- 40. Там же. С. 345.
- 41. Там же. С. 346.
- 42. KPO. T. I. C. 345.
- 43. Там же.
- 44. Там же.
- 45. Сокуров В.Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. ... С. 12.
 - 46. Сокуров В.Н. Об изменении династической идеологии адыгских князей... С. 75.
- 47. Краткое описание о кабардинских народах, сделанное в 1784-м г. генерал-поручиком Павлом Потемкиным (Опубликовано Б.А. Гардановым) // Сборник по истории Кабарды. Нальчик, 1956. Вып. V. С. 140.
 - 48. УЦГА АС КБР. Ф.Р-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 6.
- 49. УЦГА АС КБР. Ф.Р-1209. Оп. 13. Д. 3. Л. 6; *Потоцкий Я*. Путешествие в астраханские и кавказские степи... С. 230–231.
 - 50. Ногмов Ш.Б. История адыхейского народа... С. 103, 113, 114.
 - 51. Там же. С.149.
 - 52. KPO. T. I. C. 345
 - 53. KPO. T. II. C. 59, 64.
 - 54. Там же. С.64.
 - 55. Там же. С. 59.
 - 56. KPO. T. I. C. 358.
 - 57. Там же. С. 423.
- 58. Жемухов С.Н. Кабардино-крымская война 1720—1721 гг. и ее историческое значение // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в.: Исследования и материалы. Нальчик, 2008. С. 276.
 - 59. Там же. С. 423; *Потто В.А.* Два века Терского казачества... С. 100.
 - 60. KPO. T. I. C. 358, 364, 365, 369–375, 423.
- 61. Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII начале XVIII в. ... С. 32.
 - 62. KPO. T. II. C. 64.
- 63. *Мальбахов Б.К.*, *Дзамихов К.Ф*. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом... С. 204.
 - 64. KPO. T. II. C. 64.
 - 65. KPO. T. II. C. 59.
 - 66. KPO. T. II. C. 64.
 - 67. KPO. T. II. C. 59.
 - 68. KPO. T. II. C. 59.
- 69. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2-х т. Т. І. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. Ответ. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. С. 510.
- 70. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2-х т. Т. II. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. Ответ. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. С. 12.
- 71. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. . . . С. 426, 427.
- 72. Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII начале XVIII в. . . . С. 32.
 - 73. KPO. T. I. C. 367.
- 74. Этот договор носил трехсторонний характер: Османская и Российская империи и Крымское ханство. Бахчисарайский договор, заключенный крымским ханом с царем «на самых полюбовных взаимных условиях», установил двадцатилетнее перемирие между ханом и царем: «договорено было насчет казаков, чтобы обеим сторонам «в них не вступатца и под державу не перезывать»: это составляло прямую выгоду для Крымского ханства, постоянно вынужденного вести войну из-за казаков то с Польшей, то с Россией». Вторая выгода этого договора для хана состояла в обещаниях царя три года платить трехгодичные «поминки» (что было выполнено), а затем ежегодно, в течение 20 лет, годичные. (Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. ... С. 448, 430, 423).

- 75. KPO. Т. II. С. 30; *Опрышко О.Л*. По тропам истории. Нальчик, 2007. С. 238.
- 76. Потто В.А. Два века Терского казачества... С. 102.
- 77. KPO. T. I. C. 376, 424.
- 78. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001. С. 273.
 - 79. Потто В.А. Указ. соч. С. 109–111.
- 80. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в... С. 440.
 - 81. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе... С. 274.

F.A. Ozova

GRAND DUKES OF KABARDA IN THE CONTEXT OF FOREIGN-POLICY COLLISIONS DURING THE LAST THIRD OF THE 17TH CENTURY

The intestine war of the last third of the 17th century is one of the most dramatic pages in the history of Kabarda. It was connected more frequently as before in the history of Cherkessia with the problem of a choice of foreign-policy allies by the owners of duchies or lands. In the case under review it was a matter of a choice made by grand dukes of Kabarda between the two executors of Caucasian policy of that epoch, namely between the Ottoman sultan and his vassal, the Crimean Khan, on the one hand and the tsar, on the other hand. Those events didn't have practically any reflection in the historiography. The article in question is devoted to the elucidation of the hidden motives of that intestine war and shows the influence that Kabardinian grand dukes exerted on the state of political forces in the region during the last third of the 17th century.

Keywords: grand dukes, collision, tsar, sultan, khan, military alliance.

И.Б. Нагоев

ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И КАБАРДЫ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Рассматривается обострение политических противоречий Российской империи и Кабарды в конце XVIII — начале XIX века. Процесс возникновения шариатского движения в Кабарде и ее влияние на кабардинское общество в борьбе за независимость. Карательные походы Россиийской империи на территорию Кабарды и их последствия.

Ключевые слова: Российская империя, Шариатское движение, Адыльгирей Атажукин, восстание, Кабарда, карательные походы.

С конца XVIII в., когда Россия стала одерживать верх над Турцией и Ираном в борьбе за кавказский регион, она стала отходить от «политики ласканий» по отношению к горским феодалам и одним из проявлений этого стало то, что в Петербург больше не допускались их делегации.

После победы над Турцией в войне 1787–1791 гг. Россия решилась приступить к политическим и административно-судебным преобразованиям в Кабарде. Учреждение здесь в ноябре 1793 г. «родовых судов и расправ», подчинение их Верхнему пограничному суду в Моздоке, рассматривавшему серьезные уголовные преступления на основе российских военных законов, а также запрещение созывать общественные собрания в значительной степени ограничили «внутреннюю автономию» Кабарды¹.

Усиление мер, предпринимаемых царской администрацией, вызывало недовольство со стороны всего кабардинского общества. В 1794 г. в Кабарде началось крупное восстание, в котором принимали участие все слои кабардинского общества: феодальная знать, представители духовенства, феодально-зависимое население. Последняя категория выступала за освобождение не только от колониального режима, но и от социального гнета. Восстание возглавлялось Измаилом и Адильгиреем Атажукиными, Атажуко Хамурзиным из рода Кайтукиных и другими князьями. Как свидетельствуют источники, в схватках с царскими войсками участвовало до нескольких тысяч человек. Восстание было жесточайшим образом подавлено, а его руководители отправлены в ссылку².

В среде кабардинского общества в конце XVIII в., когда разгоралась борьба за независимость против завоевательной политики Российской империи, не было единства. Вот как описывает состояние адыгов топограф и очевидец событий И.Ф. Бларамберг: «К счастью, они никогда не могут собрать эти силы (более 60 тысяч воинов) воедино по причинам внутренней вражды и полнейшего отсутствия дисциплины, средств для содержания определенное время такой массы людей. Не будь этих препятствий, они представляли бы большую угрозу для своих соседей, имея в виду и их воинственный характер; они были бы просто непобедимы»³.

Нужна была социальная интеграция на основе объединительной идеи, где групповые и частные интересы были бы подчинены общекабардинским интересам. Объединительные тенденции находят свое идеологическое оформление в исламе, который провозглашал равенство людей перед Богом и оправдывал войну с неверными. Возникло так называемое шариатское движение⁴. Оно, в отличие от всех прошлых интеграционных процессов, принципиально было ориентировано

не на восстановление прежних порядков, а на их радикальное преобразование. Новый социальный порядок должен был стать основой политического единства нового типа 5 .

В результате к концу XVIII в. в Кабарде разворачивается мощное освободительное движение под религиозными лозунгами. Активизации этого процесса способствовало бегство Адильгирея Атажукина из ссылки и появление его в Кабарде в 1799 г. Вокруг него начинают группироваться представители мусульманского духовенства во главе с эфендием Исхаком Абуковым. Адильгирей Атажукин и его сторонники достигли определенных успехов по объединению всех общественных слоев кабардинского общества, а также превращению отдельных разрозненных выступлений кабардинцев (в некоторых случаях в союзе с абазинами, бесленеевцами и карачаевцами) против царизма в массовое движение. Особый интерес представляет привлечение Адильгиреем Атажукиным на свою сторону широких слоев среднего и мелкопоместного дворянства, среди которых большой популярностью пользовалась идея социального равенства. Ислам стал господствующей формой вероисповедания, собирающей людей под свои зеленые знамена⁶.

В 1799 г. в Большой Кабарде вспыхнуло восстание под религиозными лозунгами. Причиной для восстания послужили новые выборы в родовые суды и родовые расправы. Выборы в судебные органы Кабарды 1799 г., вокруг которых разгорелась острая политическая борьба, затронули не только кабардинское общество, но и другие народы Северного Кавказа.

Царское самодержавие было весьма обеспокоено таким развитием событий. В рапорте генерал-лейтенанта Кнорринга от 5 июля 1799 г. на имя императора отмечалось, что «девять ветреных владельцев и много узденей, быв руководимы советами его, Адильгирея Атажукина, сошлись в одном месте и взяли дерзкое намерение установить в Кабарде духовный суд, который бы правилами Корана решал все народные тяжбы и который бы совершенно ослаблял действие учрежденных Императорским Величеством в Кабарде родовых судов и расправ, до сего времени с довольным успехом удерживающих порядок в кабардинцах и умножающих зависимость их к Высочайшему Вашего Императорского Величества престолу...»⁷.

Большая часть князей и дворян во главе с Адильгиреем Атажукиным и Исхаком Абуковым, понимая, что для организованного сопротивления царскому режиму необходимо было сплотить в единое целое всех кабардинцев, перешла к практическому решению вопроса мобилизации и политического объединения всех слоев кабардинского общества.

В уже упомянутом рапорте генерал-лейтенанта Кнорринга от 5 июля 1799 г. прямо отмечалось: «Далее осведомляем, что они, ветренники, присягнули на Коране поступать единодушно в сем новом начинании, на тот конец, дабы потом способнее приступить ко введению равенства между владельцами и узденями, разглашая: «Почему де нам оного между собой не иметь, когда оное существует во Франции?» Что многие узденя, обольщаясь сими видами, обещавшими им мнимые выгоды, отходят от своих благонамеренных владельцев и со злоумышленниками соединяются» Отголоски идей Французской буржуазной революции простирали свое влияние не только до украинских земель и до глубины самой Сибири, но и до гор Кавказа⁹.

Идея равенства во многом была мерой вынужденной, так как ислам виделся лидерами кабардинского общества единственным средством, которое могло устранить угрозу ликвидации независимости Кабарды. Такое переплетение религиозных мотивов с борьбой кабардинцев за свою независимость означало, что шариатское движение в истории Кабарды было религиозным политическим явлением.

Размах этого движения достиг таких размеров, что царские власти вынуждены были вновь прибегнуть к военной силе. Мероприятия, проводимые царскими чиновниками, способствовали поляризации сил в Кабарде, четкому размежеванию противоборствующих политических групп.

Адильгирей и его сподвижники пытались привлечь на свою сторону и другие народы Северного Кавказа. Однако российские войска под командованием генерал-лейтенанта Кнорринга смогли отрезать дорогу в Закубанье, в результате чего объединение не состоялось, и восставшие вынуждены были вернуться в Кабарду.

В мае 1800 г. царское правительство выдвинуло ультимативное заявление, в котором требовало немедленного проведения выборов в родовые суды и родовые расправы. Под угрозой применения военной силы съезд кабардинского народа принял решение о проведении выборов.

При этом власти Российской империи, понимая, что движение имело определенный успех в среде кабардинского общества, пошли на некоторые уступки. В одном из высочайших повелений Его Императорского Величества отмечалось: «...как можно меньше мешаться в дела горских народов, пока оные не будут касаться до границы нашей»¹⁰.

Проблема обеспечения безопасности границ требовала от царского правительства комплексного подхода к решению вопроса укрепления российского владычества в Кабарде. Ведь к началу XIX в. вся горная полоса Северного Кавказа, простиравшаяся к югу от линии Кубань — Терек, фактически еще не находилась под контролем русской военной администрации¹¹. Помимо непосредственно военных действий, особое значение царское правительство придавало административным преобразованиям, которые также были формой реализации геополитических замыслов Российского государства.

Характерным примером можно считать тот факт, что астраханский военный губернатор князь Цицианов был весьма недоволен деятельностью института приставства, выдвигая при этом весьма резонные и убедительные с позиции царской администрации доводы. Так, в рапорте № 7 от 23 марта 1804 г. Цицианов отмечал: «С одной стороны, такая малая деятельность начальника Линии, с другой – совершенная слабость пристава Стемаковского, не имеющего способности в 3-летнее свое пребывание при сем народе завести хотя бы какую-либо партию с своей стороны, суть причины ослушания кабардинского народа, требующего к управлению сколько кротости, сколько или вдвое строгости, справедливости и бескорыстия» 12.

Обеспокоенный таким положением, Цицианов в своем рапорте также изложил довольно подробно целый комплекс административных мер: «Вникая в сие важное обстоятельство, тем паче, что год неповиновения может вести за собою, буде не решительно гибельные следствия, то по крайней мере большие дерзости, приемлема смелость всеподданейше изложить В. И. В. мнение как о всей системе, принятой с установления Кавказской линии в управлении кабардинского народа есть чиновник под именем пристава... слово пристав в Азиатском народе никакого почтения и уважения к себе не привлекает... поэтому слово начальник предпочтительнее... что сии последние названия само собою напоминает им что оный есть как будто отдельное тело от Российской империи, хотя сия цель должна состоять в том, чтобы в грядущие времена кабардинский народ мало-помалу, оставе лютость свою и хищничество, обратился к последней для империи народ подобно казанским татарам» ¹³.

Предложенные Цициановым меры, при многих положительных чертах, отражали в себе целый спектр геополитических замыслов России, который в итоге должен был полностью отвлечь кабардинцев от борьбы за свою независимость. Цицианов писал: «...стараться всеми мерами наклонять их разными прелестями

отдавать детей своих в училища, нарочно именующиеся быть заведенным в Георгиевске и Екатеринограде, где ничему больше не обучать, как российскому и татарскому языку, и потом под видом усовершенствования наук отсылать княжеских детей в кадетские корпусы... таковые школы завести для узденей или дворян кабардинских, но в полки выпускать с понижением чинов против княжеских детей, дабы не оскорбить сих при начале чего благотворного действия... позволить ввозить и продавать беспошлинно, тамошние от этого мало потеряют, но во взаимность империя в последующие времена получит ощутительную пользу... Необходимо в Георгиевске и Константиногорске построить мечети и позволить, имея муллу, отправлять служения, особливо в торговые дни, ибо всякий народ, привязанный к вере, питает в душе своей почтение к тому, что покровительствует оною»¹⁴.

Император Александр I полностью поддержал инициативу князя Цицианова. В своем высочайшем рескрипте император отмечал: «Приемле за благо все изложенное Вами в рапорте ко мне вашем от 23-го минувшего марта, о преобразовании системы, доныне существующей, управления Большой Кабардою и о заведениях, которые находили Вы нужными, дабы удобнее сделать сию обширную часть Кавказа полезною для России и отвлечь народ, обитающий, от хищничества, водворив посреди его просвещение. Я дал надлежащее повеление тем из министров, до которых частно все то относиться будет, дабы они приступили к распоряжениям, тому сообразным, и к проведению в исполнение всего, что по предмету сему в помянутом рапорте Вашем содержится» 15.

Вместе с тем император предложил несколько отложить вопрос о переименовании названии кабардинского народа в область, а также пристава в начальники. Это обстоятельство было вызвано тем, что Александр I исходил из принципа целесообразности не торопясь развивать события, так как в Кабарде не утихало шариатское движение и еще не нашли должного понимания новые институты управления.

Царское правительство продолжало строительство крепостей на территории Кабарды, что способствовало развитию антагонизма к политике Российской империи и ее методам. Толчком к усилению волнений в Кабарде послужило строительство Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в Пятигорье, а также очередные выборы в родовые суды и родовые расправы. О значимости этих событий историк-эмигрант Р. Трахо пишет: «Постройкой в 1803 г. укреплений Минеральных Вод (Кисловодск) связь с Закубаньем окончательно прервана, а присоединение Грузии к России и создание князем Цициановым Военно-грузинской дороги в 1804 г. завершает изоляцию Кабарды» Отличительной чертой этих волнений можно считать то, что они были «самыми массовыми, в которых приняли участие не только кабардинцы, закубанские черкесы, но и соседние северокавказские народы: осетины, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы» 17.

Царское правительство было очень напугано таким объединением горцев. В рескрипте царя на имя Цицианова от 31 июля 1804 г. отмечалось: «Весьма нужно было бы обратить внимание Ваше на способы, какие нам действительно могли бы послужить к водворению сколь возможно там спокойствие, употребя на то вооруженные действия или переговоры, основанные на пользе народов сих. Я буду ожидать соображений Ваших по сему предмету, предоставляя собственному Вашему усмотрению, «нужно ли будет в Кабарде иметь судей, коих выбор, сколько из рапортов генерала Глазенапа судить можно, был один из поводов восстания их» 18.

В 1804 г. волнения перешли в открытое выступление. В этот момент особенно усилилось влияние турецкой агентуры. Думается, что именно это обстоятельство заставило российскую администрацию укрепить Линию войсками, сосредоточив в границах Кабарды специальные воинские формирования. Обострение отношений между русскими войсками и кабардинцами достигло высшей

степени. Царское правительство поняло, что уступками делу не поможешь, и решилось на крайние военные действия. Цицианов в одном из своих отношений на имя Глазенапа (командующего войсками Кавказской линии) отмечал, что «...меру строгости употребить не могу я Вам запретить – тем паче, что мои правила всегда были таковы, что когда доказательство не действует, то ядра и штыки должны подкреплять приказания начальника и войск российских, лишь бы распоряжениям были верны»¹⁹.

Астраханский военный губернатор Цицианов в письме «почетным князьям, узденям и эфендиям Большой и Малой Кабарды от 4 апреля 1804 г.» обратился к кабардинцам с прокламацией, в тексте которой уже не было места каким-либо компромиссам: «Кровь во мне кипит, как в котле, и члены все во мне трясутся от жадности напоить земли ваши кровью прислужников. Я слово мое держать умею... ждите, говорю вам, по моему правилу штыков и ядер и пролития вашей крови реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная»²⁰.

Надо признать, что такие угрозы не смутили кабардинцев, и они продолжали нападать на русские укрепления. Глазенап получил приказ привести кабардинцев в спокойствие в течение 15 дней. В мае 1804 г. произошло столкновение между царскими войсками и восставшими кабардинцами. Резерв, введенный русским командованием, решил исход битвы. Глазенап с трудом подавил восстание, разорив полностью 80 населенных пунктов и принудив многих кабардинцев переселиться за Кубань²¹. 1804 г. был самым тяжелым для России в ее борьбе с Кавказом: она не располагала достаточными войсками, так как война с Персией и постоянные волнения в Грузии отвлекали их²².

Несмотря на столь мощный удар, кабардинцы, насколько это было возможно, продолжали борьбу. В одном из рапортов генерал-майора Дельпоццо графу Гудовичу от 3 августа 1806 г. отмечалось, что «...народы оные в возмущении и от повиновения Российскому правительству совершенном от падения уже третий год; почему генерал-лейтенант Глазенап по повелению главноначальствовавшего здешним краем и в Грузии, покойного ген. от инф. князя Цицианова, в прошлом 1805 г. марте месяце для приведения в повиновение и спокойствие выступил в их пределы с отрядом войск уже в 3-й раз с тем, чтобы оных наказать и привести до совершенного повиновения и благоустройства, и дабы после оного перестали делать возмущение и в границах российских грабежи и убийства...»²³.

Подавив восстания, царское правительство вынуждено было несколько отступить от поставленных задач и пойти на нетрадиционные для завоевательной политики уступки. В 1807 г. в Кабарде был учрежден духовный суд. С введением шариата усилилась роль духовенства, которое совместно с князьями и дворянами ужесточило социально-правовое положение зависимого населения.

Обострение кабардинского вопроса во многом было связано с ухудшением положения России на международной арене. Обстоятельства побудили правительство искать мирного решения вопроса с Кабардой²⁴.

Как ни парадоксально, но идея социального равенства с достижением поставленной цели себя исчерпала, хотя и способствовала утверждению мусульманской религии. Несмотря на то, что социальная программа шариатского движения оказалась нереализованной, успехи исламизации адыгов были налицо»²⁵. Шариат стал не только социальным орудием зависимого населения, но и орудием, которое, прикрываясь идеей равенства, направило дворян и духовенство против царизма.

Обострение напряжения в Кабарде приводило к тому, что власти Российской империи все больше прибегали к военным методам, нежели к дипломатичным, что имело свои отрицательные стороны в деле освоения региона.

Нельзя не остановиться на чрезвычайно интересном явлении: в то время, когда распространение русского владычества на Северный Кавказ шло с востока на запад, русская колонизация двигалась совершенно в обратном направлении. Толчком к такому движению послужило прежде всего занятие Моздоко-Азовской линии, а затем почвенные преимущества западной части губернии сравнительно с ее восточной частью. Последствием этих фактов было то, что в 1804 г. русский элемент составлял в Ставропольском — 44,3 %, Александровском — 19,4 %, Георгиевском — 28,4 %, Моздокском — 5,1 %, Кизлярском — 3,1 %. Такие результаты были плодом семидесятилетних трудов и военных успехов, начиная с основания Кизляра и до вторичного открытия Кавказской губернии» 26 .

Тяготение царского правительства к военным методам вызывала у кабардинцев явно выраженные ответные антиколониальные меры. Исходя из анализа складывавшейся ситуации и приведенных выше примеров деспотических действий царского военного начальства, можно сказать, что одной из причин нового восстания в Кабарде было поведение и самого генерала Булгакова, который своими ультимативными требованиями провоцировал кабардинцев на антироссийские выступления²⁷.

В то же время возрастало влияние и популярность протурецкой группировки во главе с Каспулатом Кильчукиным, Пшемахо Наурузовым, Эфенди Исхаком, которые были «сторонниками сепаратизма и рьяными противниками русско-кабардинского сближения» Эта группировка имела очень тесные связи с персидскими и турецкими агентами. Представители антирусской ориентации в переписке с агентурой турецкого и персидского правительств неоднократно отмечали, что не желают «находиться под управлением неверных россиян, а охоту имеют служить персидскому шаху» ²⁹.

Деятельность турецко-персидской агентуры особенно возросла в период очередной Русско-турецкой войны (1806–1812). Они распространяли слухи, что на фронте русские войска терпят одно поражение за другим и уже близок тот момент, «когда русская армия окончательно будет разгромлена, что лозунг всеобщего вооруженного выступления мусульманских народов против России выставлен на султанском знамени» Что же касается иранских планов на Кавказе, то в канун начала Русско-иранской войны 1804–1813 гг. Фетх-Али шах, вдохновляемый тем же Наполеоном, замышлял захват у России Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни (не говоря уже о Восточной Грузии) Северном Кавказе создавали благоприятную почву для веры в подобные измышления и нелепости деятельности.

Карательные методы покорения кабардинцев и активизация деятельности Турции и других держав, которые не хотели мириться с укреплением России на важном стратегическом участке Северного Кавказа, послужили главными причинами усиления освободительной борьбы кабардинского народа.

Зависимое население Кабарды наивно надеялось, что с установлением шариатского суда оно будет освобождено от непосильного гнета князей и дворян; более того, на основе мусульманского вероучения оно требовало социального равенства. В одном из своих донесений в 1810 г. пристав Кабарды генерал-майор Дельпоцо отмечал: «Оно (подвластное население), следуя, сей системе, ныне и восстали против владельцев и узденей своих вооруженною рукою с тем, или получить себе то право, или когда не в силах будут против их устоять, быть все побитыми и тогда бы последние их семейства остались вечные рабы»³³.

Вопросы социальных противоречий в Кабарде достигли таких размеров, что во многом способствовали ослаблению борьбы за независимость. Борьба внутри кабардинского общества приняла настолько сильный, острый характер, что она на некоторое время заслонила антиколониальную борьбу, и крестьяне даже стали посылать своих представителей к царским властям с просьбой освободить их от гнета местных феодалов и разрешить им переселиться в русские пределы³⁴.

В рапорте генерал-майора Дельпоццо управляющему обеими Кабардами от 12 февраля 1810 г. № 43 отмечалось: «Весь кабардинский черный народ три года сряду присылали ко мне выбранных от себя депутатов, что они, будучи чрезвычайно от владельцев и узденей своих притесняемы и разоримы, желают, чтобы российское правительство приняло их под свое покровительство, и они согласны во всякое время оставить Кабарду и поселиться в границах наших, там, где благоугодно будет начальству назначить им места к поселению на здешней линии. За несколько дней перед сим также были присланы от оного два человека (неразборчиво), но я не доверял оным о справедливом их намерении, приказал, чтоб прислали выбранных от всего общества своего таких людей. Человек шесть, на которых можно положиться, что они имеют доверенность от своих собратий действительно справедливую о их намерении переселиться в наши границы с обстоятельными условиями, которые отзывались, что не могут прислать таковых. Явным образом днем боясь своих владельцев, просили позволения приехать ночью...»³⁵. Принятие решений о подданстве занимало иногда немало времени, так как этот процесс был сложным, и нередко перед Россией возникали новые геополитические вызовы и военные угрозы³⁶.

Дельпоццо же всецело поддерживал идею переселения крестьян, так как видел в этом процессе выгоду в вопросах ослабления освободительной борьбы кабардинского народа. Процесс этот четко укладывался в политику «разделяй и властвуй», которая столь изощренно использовалась на протяжении многих лет. В вышеуказанном рапорте генерал-майор Дельпоццо отмечал: «Я представлял о сем добровольно от кабардинского черного народа желание переселиться в наши границы, на рассмотрение Вашего Высокопревосходительства, покорнейше осмеливаюсь просить к удовлетворительному отзыву моему опалу народу, почтить меня скорейшим Вашего Высокопревосходительства в резолюцию с повелением»³⁷.

Между тем необходимо отметить, что при всей благосклонности к обращению «кабардинского черного народа» Дельпоццо выдвигал четыре условия переселения, которые сочетают в себе элементы сдержек и противовесов: «1-е – поселить их здесь на Линии на дико поросших местах, где оные окажутся, 2-е – дать им на десять лет льготы избавле их от всяких податей, 3-е – позволить свободное отправление исповедовать многолетний закон и держать у себя мулл, 4-е – поминовение данной льготы обязываются вступить в казенные обыватели; с понесением всех тех обязанностей, каковые они отправляют, с тем различием только, чтобы рекрут с них не брать, а взыскивать за оных деньгами» 38.

Столь конкретные действия командующего давали большую перспективу развитию социального антагонизма в среде кабардинского общества. Российское правительство видело в зависимом населении то противодействие, которое могло бы окончательно решить вопрос о неблагонадежной группе кабардинских владельцев.

Политика заигрывания с зависимым населением возымела свои плоды. Следствием стали многочисленные обращения крестьян с просьбой о переселении на Линию. Так, в 1810 г. в письме к главнокомандующему армией Малиновскому отмечалось, что «...после предписания моего г-н генералу от инфантерии Булгакову от 24 декабря относительно переселения 2000 семейств кабардинского народа на Линию, что г-н генерал-майор Дельпоццо обнадежил присланных депутатов от кабардинцев переселением, когда генерал Булгаков обратится с войсками из экспедиции, что депутаты остались тем довольны. Между тем сие общее с генерал-лейтенантом Мусиным-Пушкиным предполагается водворить оный народ по р. Куме, между сел. Просковейской и Привольным до границ Моздокского уезда... Я же представляю обстоятельств их местному соображению генерала Булгакова, повторил ему только о том, чтобы он по возвращении из Закубани не упустили время заняться оным переселением как таким делом, которое послужить может к

умножению обывателей губернии Кавказской, учредив общие с Вами предварительно меры, как не счесть поселений их, так и карательного очищения: а с тем вместе и составить акт, с какими обязанностями имеют быть они в подданстве империи... Подпись неразборчива»³⁹.

Помимо внутренних противоречий, особую роль в ослаблении освободительного движения сыграла также эпидемия чумы, во время которой погибли десятки тысяч человек. В рапорте генерала Булгакова от 10–20 января 1807 г. к графу Гудовичу отмечалось: «Управляющий обеими Кабардами генерал-майор Дельпоццо рапортует мне, что по справкам, им чинимым и полученным теперь сведениям, народы Малой Кабарды Гилястановой фамилии, живущие по Грузинской дороге, от свирепствующей там заразительной болезни почти все вымерли, и осталось оных весьма малое число, в числе коих владельцев только двое; в Большой Кабарде болезнь сия свирепствие свое также не прекращает и начали уже умирать в немалом количестве уздени и владельцы, которые прежде по сие время весьма мало и редко умирали»⁴⁰.

В целях приведения в повиновение Кабарды, воспользовавшись противоречиями внутри кабардинского общества, а также последствиями эпидемии чумы, царские власти в 1810 г. снарядили карательную экспедицию, которую возглавил генерал Булгаков. Кабардинцы, истощенные внутрисоциальными распрями, не смогли оказать какого-либо сопротивления. Результат этой карательной экспедиции был весьма негативным для жителей Кабарды. Полностью были разорены 200 аулов. Потери кабардинцев по тем временам были очень ощутимыми: «6150 рогатой скотины, 515 лошадей, 125 буйволов, 44 015 овец, 6310 пудов медной посуды, 5895 пудов меду, 52 панциря, 180 ружей, 300 шашек, 145 сабель, 2900 серебряной монеты, 5800 разного товару по цене серебряной монеты, 1420 арб проса; убито Куденетовой и Тамбиевой фамилий узденей и прочих 31 человек, пожжено домов 9585, панцирных шишаков 34, мечетей 111, хуторов 1000, в плен взята 41 душа»⁴¹.

Говоря об итогах карательной экспедиции, Булгаков указывал, что «кабардинский народ доселе никогда таковой чувствительной не имел потери, и никогда еще войска не доходили туда, где ныне чинили поиски, и что они потеряли много имущества, которое сожжено с двумястами селений»⁴².

Помимо того, что во время карательной экспедиции благосостояние Кабарды было основательно подорвано, еще в довесок ко всем страданиям кабардинцев Кавказская администрация использовала методы экономических ограничений. Несмотря на высочайшую грамоту кабардинскому народу, подписанную императором Александром 20 января 1812 г., где начальнику Кавказской линии предписывалось «расследовать вопрос о свободных землях и можно ли их будет отвести кабардинскому народу без стеснения других жителей» дарская администрация на Кавказе не решала этот вопрос положительно. Грамота 1812 г. — уникальный документ, определяющий кабардино-русские отношения с 1812-го по 1818 г. Грамота является взаимовыгодным мирным договором между Кабардой и Россией, дипломатическим успехом не только Каспулата Кильчукина, Мухамеда Докшукина и других влиятельных кабардинских князей, но и Александра I. Российский император путем мирного договора с самым влиятельным народом Кавказа сумел предотвратить попытки французских властей использовать кавказские народы в войне с Россией⁴⁴.

Генерал-майор Дельпоццо в 1814 г. в обращении к императору писал о разрешении кабардинскому народу производить хлебопашество в Кавказской губернии: «Кабардинский народ просит меня позволить оному произвести хлебопашество в Кавказской губернии на пусторожных местах по установленному в карантин... Я покорно прошу Вашего Превосходительства почтить меня своим уведомлением, могут ли кабардинцы быть удовлетворены в их просьбе, в чем я не нахожу препятствий, ибо через ее будем иметь в руках своих некоторую собственность этого народа»⁴⁵.

Дельпоццо пытался закрепить вопросы хлебопашества в сферу надзора и регулирования администрации. Однако такая постановка вопроса не нашла должного понимания в полном объеме. Это объяснялось прежде всего вопросами, которые носили политический характер: «...честь имею уведомить, что табуны сего народа, которые составляют их собственность, впущены в губернии и сами творят шалости и грабежи... здешние народы поддерживают у себя горцев, снабжают их оружием и скрывают их при обратном возвращении, а поэтому считаю отклонить намерение кабардинцев пахать на сей стороне и держать табуны внутри губернии, т.к. этого требуют необходимые политические виды, принять также обезоружив и другие благонадежные способы, которые могли бы обеспечить губернии от грабежей»⁴⁶.

Несмотря на столь жесткие меры, царским властям не удалось усмирить Кабарду. Даже после карательных экспедиций кабардинцы нападали на крепости Кавказской линии, вызывая тем самым переполох и тревогу у царской администрации из-за неустойчивого положения как в Кабарде, так и за ее пределами.

Подводя итог политическим событиям в Кабарде в конце XVIII — начале XIX в., необходимо отметить, что царские власти исходили не из мирных, договорных отношений, а из принципа военной силы. Методы покорения, используемые властями Российской империи, естественным образом вызвали серьезное противостояние со стороны всех слоев кабардинского общества.

Примечания

- 1. *Кажаров В.Х.* Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60–90-х гг. XVIII в. // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006. С. 252.
 - 2. *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008. C. 50.
- 3. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБКИЕА) / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 401.
- 4. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты и их кризис в конце XVIII первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 287.
- 5. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 22.
- 6. *Маремшаова И.И*. Северный Кавказ: проблемы этнокультурного взаимодействия // Научная мысль Кавказа. 2002. № 4. С. 65.
 - 7. Туганов Р.У. Страницы прошлого. Нальчик, 1989. С. 143.
 - 8. Там же. С. 14.
- 9. Кумыков Т.Х. Общественно-политические взгляды Измаил-бея // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик, 1989. С. 13.
- 10. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2. С. 50.
 - 11. Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С. 51.
- 12. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (АКАК). Тифлис, 1869. Т. 2. С. 951.
 - 13. Там же. С. 951, 952.
 - 14. Там же. С. 952.
 - 15. Там же. С. 952-954.
 - 16. Трахо Р. Черкесы. Мюнхен, 1956. С. 37.
- 17. \dot{K} асумов А. \dot{X} ., Kасумов Х. \dot{A} . Освободительная борьба адыгских народов в XIX в. // Черкесия в XIX в. Майкоп, 1991. С. 42.
- 18. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 2001. С. 90–95.
- 19. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 173.
 - 20. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Нальчик. 2000. С. 117.
- 21. Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII начале XIX в.: Политико-правовой аспект. Нальчик, 2003. С. 90.

- 22. Трахо Р. Указ. соч. С. 37.
- 23. АКАК. Т. 3. Док. 1096.
- 24. *Туганов Р.У.* Шариатское движение против царизма 1799–1807 гг. // Живая старина. 1991. № 1. С. 15.
- 25. *Ляушева С., Яхиев С.* Объединит ли адыгов зеленое знамя? // Электронная версия «Независимой газеты».
 - 26. Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1990. Т. 6. С. 8.
 - 27. Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик, 1998. С. 180.
- 28. *Кумыков Т.Х.* О характере движения в Кабарде в 1804, 1809–1810 гг. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1957. Т. 11. С. 439.
 - 29. АКАК. Т. 3. Док. 1121.
- 30. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 177.
- 31. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII 80-е гг. XIX в. М., 1984. С. 107–108.
 - 32. Кумыков Т.Х. О характере движения в Кабарде... С. 441.
- 33. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX в. // Черкесия в XIX в. Майкоп, 1991. С. 45.
 - 34. Там же. С. 40.
 - 35. Маремкулов А.Н. Указ. соч. С. 96.
- 36. *Матвеев М.* Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе // Россия XXI. 2002. № 2. С. 29.
 - 37. Маремкулов А.Н. Указ. соч. С. 97.
 - 38. Там же. С. 97.
 - 39. Там же. С. 98.
 - 40. AKAK. T. 3. C. 53.
- 41. Дзамихов К.Ф. Национально-освободительная борьба Кабарды в конце XVIII первой половине XIX в. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994. С. 116.
 - 42. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды... С. 178.
- 43. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Нальчик, 2000. С. 334.
 - 44. Жемухов Ср.Н. Кабардино-русская война. 1810–1812 гг. Нальчик, 2000. С. 160.
 - 45. *Маремкулов А.Н.* Указ. соч. С. 102.
 - 46. Там же. С. 102.

I.B. Nagoev

EXACERBATION OF POLITICAL CONTRADICTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND KABARDA IN LATE XVIII - EARLY XIX CENTURY

This article discusses the worsening political contradictions of the Russian Empire and basin at the end of XVIII – early XIX century. The process of the emergence of the Sharia movement in Kabarda and its impact on society Kabardian in the struggle for independence. Punitive expeditions of the Russian empire to the territory of Kabarda and their consequences.

Keywords: The Russian Empire, Shariah movement, Adylgirey Atazhukin, insurrection, Kabarda, punitive expeditions.

С.Н. Савенко

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СКАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ В БАССЕЙНАХ РЕК КУМЫ, МАЛКИ И БАКСАНА

(К 130-летию начала изучения данной категории памятников в регионе)

В статье представляется краткая, но емкая, содержащая малоизвестные детали, характеристика хода изучения скальных погребений эпохи раннего Средневековья в центральных районах Северного Кавказа (Кавказские Минеральные Воды и контактные территории) начиная с 1885 г. до конца 2014 г. Из содержания работы следует вывод о том, что в области исследования этой особой разновидности погребальных памятников в регионе не все проблемы решены, а остаются актуальными и спустя 130 лет после начала их постановки.

Ключевые слова: археологические памятники, скальные погребения, центральная часть Северного Кавказа, история изучения.

С пещерами и скальными навесами в истории Кавказа, как и в истории всего человечества, связано много важных явлений, начиная с самых ранних ее этапов. Они использовались как укрытия, первые жилища, загоны для скота, мастерские, культовые места, убежища для спасения от преследований, отшельничества, духовного уединения и др. В гротах и пещерах же открыты наиболее ранние погребения людей. По образному выражению кавказоведа И. Стеллецкого, «пещеры - колыбель человечества», благодаря которым люди вообще смогли выжить в процессе эволюции в противоборстве с дикими животными и природными катаклизмами¹. Использование пещер имело место не только в эпоху камня, но и в последующие эпоху бронзы и раннего железа. В предгорьях Предкавказья знаменитый античный географ I в. до н.э. - I в. н.э. Страбон помещал троглодитов - пещерников, занимавшихся земледелием, но живущих в связи с холодами в пещерах и «звериных берлогах»². Совершенствуясь в трудовых операциях и осваивая новые производственные технологии, люди стали не только использовать естественные полости в скалах, но создавать искусственные пещеры для различных целей. Тесная связь с пещерами прослеживается вплоть до самых поздних этапов традиционного быта народов горных районов, к каким относится Кавказ. Так, турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, посетивший Кавминводы в 1666 г., отмечал, что возле древней крепости Боргустан (Рим-Гора) «в пещерах селятся ногайцы Арсламбека со своим скотом – каждая семья в отдельной пещере»³. Швейцарский ученый, археолог Дюбуа де-Монпере, проезжавший по долине реки Подкумок в 1834 г., также обращал внимание на многочисленные пещеры, которые он отождествлял с местом расселения уже упомянутых древних троглодитов⁴. В связи с этим жители объективно соприкасались со следами древней жизнедеятельности в естественных и искусственных пещерах.

Скальные захоронения эпохи раннего Средневековья западных и центральных районов Северного Кавказа начали исследоваться учеными относительно поздно — в середине 1880-х гг. В этот период стали известны и были зафиксированы подобные могилы возле знаменитого средневекового городища Рим-Гора в окрестностях г. Кисловодска и в ущелье реки Хасаут, левого притока р. Малки, в пограничной зоне между Кабардой и Карачаем. Известия же о них были получены

от местных жителей, которые сталкивались с погребениями в скалах значительно раньше.

Первый, достоверно засвидетельствованный факт ведения работ на скальных могильниках указанного периода связан с научными поездками в горы окрестностей Кисловодска известного этнографа М.М. Ковалевского (1851–1916) в июле 1885 г. В поездках М.М. Ковалевского сопровождали проф. экономист И.И. Иванюков; знаменитый композитор, музыкант, директор Московской консерватории С.И. Танеев и другие известные личности. Поэтому сведения об экспедициях к скальным могильникам содержатся в публикациях и изданных письмах их участников. Первая поездка была проведена в район Рим-Горы, где М.М. Ковалевский заметил курганы и решил раскопать один из них. Для нашей темы важно то, что в ходе этих работ, проводившихся 2 дня, были осмотрены и частично раскопаны и объекты в скалах. Об этом, в частности, сообщается в письме С.И. Танеева А.С. Аренскому из Кисловодска около 10.07.1885 г. В письме говорится, что во время работ по раскопке кургана состоялись контакты с представителями местных жителей из числа кабардинцев из окружения землевладельца Тамбиева, которые хотели сначала помешать работам, а потом сообщили важные дополнительные данные. Сын Тамбиева, гимназист Ставропольской мужской гимназии, показал С.И. Танееву пещеры вблизи Рим-Горы, куда они доехали верхом. Это были высеченные в скале пещеры, числом около 12, «...небольшие, так что один человек может в каждой поместиться на боку. Раскапывать в них ничего нельзя было, ибо земли в них нет». Понятно, что это были скальные камеры одного из могильников в округе Рим-Горы, к тому времени уже полностью вычищенные. Молодой гимназист также лазил по скалам у городища, с целью отыскать на них «какие-то надписи, о которых ему говорил брат». К сожалению, надписи тогда не были выявлены. Но на «высокую и крутую гору», поднялся М.М. Ковалевский с тремя рабочими и стал раскапывать большую яму, по его предположению - тюрьму. Небольшие раскопки вещевых находок не дали.

Вторая поездка была направлена в Хасаутское ущелье. В ней принимал участие и балкарский владетель И. Урусбиев. Жители Хасаута сообщили, что «... в 12 верстах от аула находится на высокой скале пещера, в которую можно войти только с помощью лестницы, и что в этой пещере двое пастухов нашли недавно следы человеческих сооружений». По лестнице они взобрались к месту, где был замазанный глиной четырехугольник. Отбив глину и разобрав правильно сложенные каменные плиты, проникли в грот и нашли в нем несколько трупов, а также различные предметы, часть которых ими была унесена⁶.

Когда в сопровождении около 40 человек группа Ковалевского направилась к пещере, то после того как все проехали около 8 верст на восток по Хасаутской долине, они повернули к северу в скалистую местность – в «ущелье Сулухор». По пути движения на левом берегу реки путники видели «подобного рода пещеры, а на вершинах горы следы полуразрушенных башен и укреплений». На правом берегу были спускающиеся к руслу правильные земледельческие террасы, типа известных в Англии⁷. Последнее указание является, возможно, первым научным фактом фиксации древних искусственных террас в окрестностях Кисловодска.

По прибытии на место была связана и сбита лестница, по которой часть смельчаков поднялась в пещеру, «висевшую над высоким обрывом». Они вынесли для образца труп с сохранившемся костюмом и ряд предметов, однородных с найденными в 1883 г. В.Ф. Миллером в окрестностях Чегема. Всего в пещере было 8 погребенных, часть которых лежала головами на восток, а другие — у них в ногах — на запад. К груди одного из женских трупов прислонен младенец. Черепа без признаков монголоидности и деформации. Трупы лежали на свиной коже. На верхнем платье одного из погребенных был крестообразный орнамент из шелковой материи. Из предметов были найдены: деревянный приземистый столик на

четырех ножках, ковер, вышитое, полотенце, шляпа из кожи, сердоликовые бусы, византийское стекло, нанизанные на ремень зубы какого-то животного⁸.

На скальных погребениях Хасаутского могильника М.М. Ковалевский работал и в 1886 г. В результате была получена интересная и выразительная коллекция находок, поступившая в Императорский Российский исторический музей в г. Москве (ГИМ)¹⁰. Анализ этих находок впервые сделал 1886 г. В.И. Сизов¹¹. Они были внесены во второе издание Указателя памятников Музея¹².

В 1889 г. район Рим-Горы обследовал художник и любитель древностей Д.М. Струков¹³. Он сделал ряд рисунков городища, составил его первый схематический план с нанесением выявленных объектов, зачертил несколько искусственные пещер с изображениями крестов и надписями¹⁴. Последние, вероятно, не удалось найти во время поездки к Рим-Горе М.М. Ковалевского, С.И. Танеева и других в 1885 г. Изображения в пещерах, зарисованные Д.М. Струковым, опубликовал после поездки на Кавминводы в 1907 г. Н.Е. Макаренко¹⁵.

Новый этап внимания к скальным захоронениям в районе Кавминвол пришелся на начало XX в. В это время они посещались и обследовались членами Кавказского Горного общества в Пятигорске, основанного в конце 1901 г. и начавшего собственные археологические работы с 1902 г.¹⁶. Увлекался археологией инициатор создания Общества и основатель его музея Р.Р. Лейцингер (1844–1910), являвшийся председателем КГО с 1906 г. и вплоть до своей смерти. Он был лично знаком с В.Р. Апухтиным и работал с ним на одном из крупнейших средневековых археологических объектов региона – Рим-Горе в 1904 г. В 1906 г., на основе выданного КГО Открытого листа на право ведения археологических работ в Пятигорском отделе. Нальчикском округе Терской области и Баталпашинском отделе Кубанской области, Р.Р. Лейцингер организовал выезды, в том числе и в Эшкаконское ущелье, с целью проверки известий о богатых захоронениях в пещерах в районе аула Байчорова. В отчетной публикации об Эшкаконской экспедиции содержатся описания и чертежи погребений в долине реки под горой Шкокены в квадратных обкладках и под насыпью с крестообразной выкладкой; приводятся сведения о пещерных могильниках в ущелье реки, полученные «...от чрезвычайно глубокого старика, туземца-пастуха, он же доктор и хиромант, своеобразно гадает и знает много примет ... преданий глубокой старины»; характеризуется Рим-Гора и могильники у ее подножья из небольших групп курганов¹⁷.

Рим-Гора, пещеры у аула Байчорова и другие объекты отражались на фотоснимках знаменитого кавказского фотографа, члена КГО Г.И. Раева¹⁸. Археологические экскурсии с посещением таких памятников, как Рим-Гора, продолжались вплоть до 1917 г. (барон А. Лорч, Г.И. Раев и др.). Негативы фотографий Г.И. Раева, отображающие скальные камеры в районе Рим-Горы во время посещения их членами КГО, сохранились в фондах Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»¹⁹.

В дореволюционный период стали обследоваться скальные могильники и в более восточных районах региона — в горах Балкарии, Ингушетии и Чечни. В скальном грунте были вырублены катакомбы, открытые В.И. Долбежевым в 1890 г. у сел. Гоузд в Джерахском ущелье²⁰. Т.М. Минаева отнесла этот могильник к скальным²¹. В 1892 г. В.И. Долбежев на обрывистом берегу р. Фортанги в Малой Чечне обнаружил группы искусственных пещерок, располагавшихся на высоте несколько десятков метров от уровня воды компактными группами до 10 камер со сводчатыми потолками²². В последующем на территории Горной Чечни были выявлены скальные могильники, относящиеся к эпохе позднего Средневековья²³. Зона распространения раннесредневековых некрополей со скальными погребениями, по всей вероятности, располагалась значительно западнее.

В начале 1900-х гг. был известен «городок мертвых» у сел. Чегетель в Верхней Балкарии. О нем писали многие путешественники, отмечавшие многочисленные

захоронения в разрушенных пещерах, наполненных скелетами с «высохшей кожей»²⁴. На это обстоятельство обратила внимание Т.М. Минаева в монографии 1971 г., но сам объект в верховьях р. Черек она не выделила в отдельный пункт распространения раннесредневековых скальных могильников, вероятно, в связи с его поздним характером²⁵.

Изучение скальных могильников региона практически не велось в первые десятилетия советского периода, но исследовались более ранние находки. Так, находившийся в эмиграции известный русский искусствовед Н.П. Кондаков находки тканей из Хасаутского могильника описал в очерках по истории средневекового искусства²⁶.

В 1926—1927 гг. активизировалось внимание к Рим-Горе. Экспедиции на памятник в это время организовывались Кавказском Горным обществом и Терским окружным музеем краеведения (Пятигорский краеведческий музей). В 1927 г. были проведены небольшие раскопки вырубленных в скальной куэсте катакомбных захоронений на основном некрополе городища. Работы проводились с участием казанского профессора (позже — сотрудник ПКМ) В.Ф. Смолина²⁷. По типу и технике сооружения данные катакомбы были сходны со скальными камерами.

В последующие предвоенные годы никаких работ на раннесредневековых скальных могильниках Кавминвод и центральных районов Северного Кавказа не велось (или нам о них ничего не известно). Н.М. Егоров в первом неопубликованном обобщающем очерке о древностях региона Кавминвод 1939 г. о скальных могильниках не сообщает²⁸. Новые сведения о них были получены уже в 1950-е гг. Так, в 1958 г. группа альпинистов с участием А.П. Рунича племянника известного кавминводского археолога-краеведа Александра Вадимовича Рунича, обнаружила в одном из скальных захоронений Хасаута интересное захоронение с набором культовых предметов²⁹. Комплекс поступил в фонды Государственного Исторического музея в Москве³⁰.

С 1958—1959 гг. скальные могильники в районе Рим-Горы и сел. Учкекен стали обследовать члены Кисловодской археологической секции под руководством Н.Н. Михайлова и А.П. Рунича. В публикации А.П. Рунича 1971 г. представлены 7 скальных могильников в окрестностях Кисловодска, включая и Хасаутский³¹. Этот могильник периодически посещался членами Кисловодской археологической секции в середине 1960 — начале 1970-х гг. Доследовались отдельные захоронения и собирался подъемный материал. Часть его отложилась в фондах Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»³². Первым из них фигурирует Учкекенский могильник, открытый краеведами в конце 1958—1959 гг.³³. Фактически же этот памятник был известен членам КГО с начала XX в., а местным жителям значительно раньше. Т.М. Минаева назвала этот могильник Кая-Баши и указала, что в 1963 г. его еще раз обследовала А.Л. Нечитайло, на отчетных данных которой было основано опубликованное описание памятника³⁴. Эта же информация была использована Е.П. Алексеевой в своде археологических памятников Карачаево-Черкесии³⁵.

В 1959 г. П.Г. Акритас впервые сообщил о скальном могильнике возле крепости в окрестностях сел. Гунделен в Кабардино- Балкарской Республике³⁶.

С 1960 г. специальным изучением скальных могильников Северного Кавказа занялась Т.М. Минаева, определившая новый этап в исследовании данной категории памятников. В фонде Т.М. Минаевой, хранящемся в Ставропольском государственном музее-заповеднике им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, большинство документов, связанных с исследованием скальных могильников, относится к периоду с 1960-го по 1965 г., хотя имеются данные, датированные 1953 г. В 1963 г. исследовательница работала на памятниках Верховьев р. Подкумок³⁷, а в 1965 г. впервые выступила с докладом о «новом виде» погребальных сооружений в верховьях Кубани на итоговой сессии археолого-этнографических исследований в СССР 1964 г. в г. Баку³⁸. Ею, в частности, были зафиксированы могильники Уллу-Кол и Кзыл-Кол в верховьях Подкумка. На Уллу-Кольском некрополе (или двух могильниках) в середине 1970-х гг. работал А.П. Рунич и члены Кисловодской археологической секции, а Кзыл-Кол после Т.М. Минаевой не посещал и не упоминал никто из специалистов до осени 2014 г. В 1962 г. был выявлен еще один скальный могильник в верховьях р. Баксан в районе Касбаш, западнее Хаймаши³⁹. Памятник был открыт и описан научным сотрудником Кабардино-Балкарского НИИ А.К. Шафиевым.

Помимо Хасаутского и Учкекенского могильников краеведами Кавминвод в 1960-е гг. был зафиксирован, вероятно, самый северный из известных скальный некрополь в урочище Тихий уголок на правом берегу р. Подкумок к северу от г. Кисловодска, возле юго-восточной части пос. Подкумок. Ранние сведения о нем содержатся в рукописном архиве Н.Н. Михайлова⁴⁰. Сведения о памятнике опубликовал в 1971 г. А.П. Рунич⁴¹. В его архиве, среди материалов, не включенных в полевые отчеты по Открытым листам ИА АН СССР, имеются и некоторые другие материалы 1970-х гг. из данного памятника, которые краевед готовил к публикации.

В полевом отчете за 1963 г. и указанной публикации А.П. Рунича фигурирует скальный могильник у моста на р. Аликоновке по пути к Замку коварства и любви в окрестностях Кисловодска⁴². В 1966 г. велось доследование скальных захоронений в могильнике Джагинском (1-м)⁴³. В публикации А.П. Рунича 1971 г. названы также Аликоновский скальный могильник выше Замка и почти полностью разрушенный могильник Острый мыс⁴⁴. Материалы о них также отсутствовали в отчетах исследователя.

С интенсификацией исследования и выявления скальных могильников в 1960-е гг. совпало усиление интересов к материалам из них и, прежде всего, изделиям из шелка и других тканей. Скальные захоронения были тесно увязаны с темой северных ответвлений Великого Шелкового пути А.А. Иерусалимской, которая с начала 1960-х гг. стала заниматься изучением торговых связей населения Северного Кавказа в эпоху раннего Средневековья⁴⁵. И действительно, не только известный ранее Хасаутский могильник, но и открытые в конце 1960 – в начале 1970-х гг. 7 Эшкаконских могильников (найдены краеведом В.А. Лученковым по информации местных жителей), и выявленный Т.М. Минаевой некрополь Уллу-Кол содержали, нередко выразительные шелковые ткани. Материалы ряда таких погребений Уллу-Кола были включены в отчет А.П. Рунича за 1974 г. 46 Эшкаконские скальные могильники (не включенные в отчеты) описаны краеведом в статье, помещенной в журнале «Археология» за 1975 г., издаваемом на Украине⁴⁷. Один богатый воинский комплекс «аланского дружинника» с палашом, серебряным поясным набором и другим погребальным инвентарем был описан А.П. Руничем совместно с В.А. Кузнецовым 48. Основная часть материалов из Эшкаконских могильников поступила в фонды Ставропольского краеведческого музея, в настоящее время - Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве⁴⁹.

Еще один могильник в урочище Митькин-Кутан у пос. Луначарского под Кисловодском отражен в последнем отчете А.П. Рунича за $1975~\rm r.^{50}$, а открыт он был случайно в $1973~\rm r.$ во время отдыха археологов-краеведов на пути к могильнику Мокрая Балка.

В книге Т.М. Минаевой «К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным» (Ставрополь, 1971) были сформулированы важные обобщения об историко-культурной принадлежности, хронологии скальных могильников Предкавказья и причинах их появления в регионе. В этническом отношении скальные могильники были увязаны с аланскими племенами, проживавшими в

горных районах Верхнего Прикубанья и Центральных районов Северного Кавказа; датировка этих могильников определялась в пределах VI–XIII вв. н.э., а причиной появления захоронений в скалах определялись малоземелье и дефицит удобных участков земли в горах⁵¹. Последнее положение вскоре нашло не только своих сторонников, но и оппонентов.

В монографии по докторской диссертации Е.П. Алексеева также приводит данные о скальных могильниках Верхней Кубани, Хасаутском, Рим-Горе и некоторых других. В работе они уверенно соотносятся с западными аланами, датируются в пределах VIII-XII вв. н.э. 52 Интересные рассуждения были связаны с трактовкой особенностей могильника Мощевая Балка у пос. Курджиново в верховьях р. Большая Лаба. Несмотря на то, что знаменитый памятник выходит за географические границы нашего очерка, эти положения следует упомянуть, т.к. они могут относиться и к скальным могильниках верховьев Подкумка, Малки и Баксана. Е.П. Алексеева сформулировала версию о том, что скальные могильники Мощевой Балки под навесами в прямоугольных каменных гробницах могли быть не аланскими, а адыгскими по чертам погребального обряда и особенностям инвентаря⁵³. В пользу такого предположения приводилось мнение антрополога В.П. Алексеева, отмечавшего, что на основе черепов из Мощевой Балки в населении, хоронившем на этом некрополе в VIII-IX в., можно видеть основу, на которой сформировались физические особенности предков современных адыгов, оставивших и могильники XIV-XVI вв. 54

Помимо этих точек зрения об этнической принадлежности носителей обряда захоронения в скалах важны были и замечания А.П. Рунича о том, что между обрядом и инвентарем, в частности, керамикой, захоронений в грунтовых катакомбах и скальных могилах отмечалось не только сходство, но и определенное различие. Краевед обратил внимание на некоторые аналогии предметам из скальных захоронений в салтово-маяцкой культуре. Было указано на то, что скальные погребения появляются позже катакомб, во время, когда в регионе распространяются болгары⁵⁵. Однозначных выводов об этнической принадлежности скального обряда исследователь не делал, но фактически предварял версию о связи данных погребений с древними болгарами.

В это время предпринимались и другие попытки высказать свое отношение к рассматриваемой категории средневековых археологических памятников, уточнить хронологию и вопросы этнической принадлежности скальных могильников региона. В.А. Кузнецов в кандидатской диссертации (1961) и книге 1962 г., посвященной аланским племенам Северного Кавказа, ничего еще не говорил о скальных могильниках. В докторской диссертации и монографии 1971 г. об Алании в X–XIII вв. в разделе о ремесленном производства алан, в сюжете об обработке кожи, ученым приводится редкая находка альпиниста А.В. Рунича из скального захоронения Хасаутского могильника – украшенный узором сафьяновый сапог⁵⁶. Понятно, что В.А. Кузнецов принял версию Т.М. Минаевой об аланской принадлежности скальных захоронений. Кавказовед высказался и по поводу датировки некрополя, отметив, что она окончательно не установлена и определяется примерно в пределах VIII—XII вв.⁵⁷

В обобщающей статье об аланской культуре Центрального Кавказа V–XIII вв. и ее локальных вариантах, опубликованной в 1973 г., В.А. Кузнецов использует скальные могильники как один из определяющих аргументов для выделения западного варианта аланской культуры наряду с «каменными городищами». Он выборочно привлекает материалы около 30 скальных могильников, выявленных и обследованных «главным образом Т.М. Минаевой и А.П. Руничем»; рассуждает о конструктивном сходстве скальных и земляных катакомб; об исключительной трудоемкости высечения камер в скалах, говоря, что причины перехода от создания грунтовых катакомб к скальным не ясны. Ученым предлагалось общее

направление эволюции скального обряда от полноценных вырубленных камер к «полукатакомбам» в естественных полостях с их доработкой и достройкой и к «каменным ящикам» в скальных навесах и гротах (Мощевая Балка), т.е. от сложного к простому («вырождение»), но не как непрерывный хронологический и типологический ряд, а как более сложный процесс сосуществования отдельных звеньев этой цепи. В этнокультурном отношении В.А. Кузнецов отмечал, что на изменения обряда влияли процессы интеграции и ассимиляции в горской среде. Затронул исследователь и вопрос о поздних катакомбных и скальных могильниках XIV—XVI вв. на территории Чечни (Ушкалой, Шатойская котловина), считая их аланскими, но сильно смешанными с местным населением⁵⁸. Ученый придерживался и продолжает придерживаться сейчас многих из высказанных в данной статье положений о трактовке скальных погребений, несмотря на то, что в литературе появилось немало публикаций с уточнениями и иными точками зрения. Некоторые из них он учитывает в работах 1990—2000-х гг. (см. ниже).

Выявление и исследование скальных могильников в рассматриваемых районах продолжалось и в 1970–1980-е гг. В 1972–1973 гг. членами Кисловодской археологической секции С.Н. Пьянковым и М.А. Гуськовым были выявлены еще 2 могильника (или 2 участка одного могильника) в окрестностях с. Джага. В отчеты А.П. Рунича они не попали, но материалы из камер поступили в фонды Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве⁵⁹.

С 1972 г. самостоятельные работы на территории Мало-Карачаевского района КЧАО (КЧР) периодически проводил научный сотрудник Карачаево-Черкесского НИИ Х.Х. Биджиев. В поле его зрения попадали и скальные могильники верховьев р. Подкумок и Эшкаконского ущелья. Так, в 1973 г. скальные погребения были обнаружены в окрестностях с. Терезе и в 20 км к юго-востоку от него⁶⁰. Тогда же был впервые зафиксирован могильник в Гришкиной Балке, где в 1972 г. житель с. Учкекен Б.М. Тамбиев доследовал скальную могилу с интересным инвентарем (амулеты, браслеты, зеркало, туалетные принадлежности, бусы и др.)⁶¹.

В книге 1976 г. Е.П. Алексеева опубликовала материалы из скальной катакомбы из контактного с рассматриваемыми района Новой Джегуты в Карачаево-Черкесии, которую она связала с аланами и отнесла к IV в. н.э. ⁶² Данная датировка вряд ли оправдана в связи с тем, что сосуды комплекса обладают чертами, типичными для VI–VII вв. До настоящего времени пока не выявлено ни одной скальной могилы, которую можно было бы обоснованно датировать ранее VII в.н.э.

А.А. Иерусалимская, преимущественно исследовавшая ткани и предметы одежды из скальных могильников, в ранних работах также придерживалась версии об аланской принадлежности этих некрополей⁶³, но вскоре она склонилась к позиции, высказанной в 1971 г. Е.П. Алексеевой, о присутствии, помимо аланских, адыгских черт в обряде западных скальных могильников с могилами в гробницах под скальными навесами и в естественных гротах⁶⁴. В дальнейшем исследователь не раз высказывалась об адыгско-аланском этнокультурном содержании скального обряда погребения в западных районах региона. Из памятников окрестностей Кисловодска она привлекала материалы Хасаутского могильника, но они для нее представлялись менее выразительными, чем многочисленные коллекции из Мощевой Балки⁶⁵.

В.Б. Ковалевская, много занимавшаяся вопросами классификации раннесредневековых погребальных сооружений Северного Кавказа, уделяла внимание и скальным могильникам⁶⁶. Кавказовед в ходе разведок и раскопок 1970-х гг. в Аликоновском и Эшкаконском ущельях в окрестностях Кисловодска обобщила и пополнила перечни скальных могильников данного района, присвоив им собственную нумерацию. В частности, ею были зафиксированы в 1977 г. 2 скальных могильника на правом берегу р. Эшкакон в районе Гришкиной Балки (Эшкаконский

№№ 11 и 24)⁶⁷. В результате детального подхода В.Б. Ковалевской были выделены скальные катакомбы, скальные подбои и скальные склепы. Путем статистических подсчетов было подтверждено, что центром распространения этого обряда являлась верхняя Кубань, где выявлены более ранние захоронения рубежа VII—VIII вв. н.э. Затем они распространяются в Пятигорье и далее на восток. Она же высказалась по поводу возможной связи появления обряда с «вновь пришедшими тюрками»⁶⁸ и о тюркском этническом участии в развитии раннесредневекового скального обряда погребения Северного Кавказа, указав, что в скальных могилах погребали своих умерших не только (а может, и не столько) ираноязычные аланы, но и тюркоязычные народы, очевидно, болгары⁶⁹. Данная версия, развивавшая догадку А.П. Рунича, нашла своих сторонников⁷⁰ и особенно среди ряда ученых Балкарии и Карачая, которые во второй половине 1980-х гг. стали активно причислять к тюркам не только древних болгар, но и самих западных алан⁷¹.

В 1984 г. проводились разведки с целью нанесения на карту-схему города Кисловодска археологических объектов, которые выполнялись начальником Кавминводского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР, тогда кандидатом исторических наук С.Н. Кореневским. В ходе этих работ было учтено и несколько скальных могильников в городской черте и в непосредственной близости от нее, в том числе и новые объекты, как то: Катыхинский №№ 1 и 2⁷².

В конце 1980-х гг. в изучение вопросов, связанных с интерпретацией скальных могильников, стали вовлекаться и другие авторы⁷³. А.А. Демаков в специальной статье об этнической принадлежности скальных могильников связал их с аланоболгарским союзным объединением, сформировавшимся под эгидой Хазарского каганата для контроля за северокавказскими участками Шелкового пути. Все разновидности скальных захоронений он предложил разделять на два типа: 1) вырубленные в отвесной скале, морфологически связанные с грунтовыми катакомбами; 2) захоронения, устроенные под скальными навесами, образовавшимися в результате ветровой эрозии. Именно тип 2, по мнению А.А. Демакова, был связан с тюркскими скальными захоронениями Западной Сибири⁷⁴.

С 1992-го по 1994 г. проходила инвентаризация археологических памятников региона Кавминвод, которую проводили сотрудники КНИФСЦ «Великий Шелковый путь» С.Н. Савенко, Я.Б. Березин, В.А. Фоменко с привлечением археологов-любителей, бывших членов Кисловодской археологической секции Н.Н. Михайлова и А.П. Рунича (В.А. Лученков, М.А. Гуськов, С.Н. Пьянков). В ходе этой работы были поставлены на государственный учет и охрану ранее известные и некоторые вновь выявленные скальные могильники региона⁷⁸.

Во время проведения XVIII «Крупновских чтений» в г. Кисловодске в 1994 г. в обобщающем докладе о состоянии и перспективах изучения раннесредневековых памятников Кавминвод мною была затронута тема скальных могильников и их этнокультурной атрибуции. Были приведены 3 основные версии с фамилиями

их основных выразителей: аланская (Т.М. Минаева, В.А. Кузнецов, В.Н. Каминский); алано-адыгская иди адыгско-аланская (А.А. Иерусалимская); тюркско-болгарская (В.Б. Ковалевская, А.А. Демаков). Была названа еще одна возможная линия происхождения данного обряда в связи с зороастрийским среднеазиатско-иранским влиянием, распространявшимся в том числе и по ответвлениям Великого Шелкового пути (версия предложена кисловодским археологом-любителем В.А. Лученковым)⁷⁹. В ходе обсуждения доклада А.А. Демаков указал, что он связывает скальные погребения не с тюркской, а с алано-болгарской этнокультурной и социальной средой⁸⁰. Т.о., в начале 1990-х гг. определилось не менее четырех вариантов трактовки происхождения и этнокультурного содержания скального погребального обряда.

В.А. Кузнецов в обобщающей статье по проблемам иранизации и тюркизации Центрально-Кавказского субрегиона вновь обратился к оценке скальных могильников. В ней он вновь подчеркнул сходство грунтовых и скальных катакомб, которые образуют единый ареал могильников второй половины I — начала II тысячелетия н.э. По мнению кавказоведа, у грунтовых и скальных катакомб были единый источник и единая идея сооружения. Конструктивно, функционально и литургически с ними были связаны варианты гробниц под навесами и в гротах. Все они связывались с кавказскими аланами, но то, что их могли использовать и тюрки, осторожно допускалось⁸¹.

В том же 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию по материалам масштабно раскопанного в 1980—1982 гг. уже неоднократно упоминаемого нами могильника Мощевая Балка Е.И. Савченко. Еще раз следует указать, что без учета данного памятника вряд ли можно изучать и скальные могильники верховьев рек Подкумка, Малки и Баксана, тем более, что на нем вскрыто около 600 погребений. Для нашей темы важно и то, что Е.И. Савченко говорил о смешении в погребальном обряде могильника как местных черт, так и сармато-аланских элементов салтовской культуры⁸².

Вопросы изучения скальных могильников были специально рассмотрены Р.Р. Рудницким в связи с проблемой зороастризма у алан. В статье приведен довольно обстоятельный обзор взглядов на происхождение и этническую принадлежность обряда захоронения в скалах. Основной упор сделан на обосновании версии В.А. Лученкова о зороастрийском азиатском происхождении данного типа захоронений⁸³.

Следует назвать монографию 2001 г. З.В. Доде по исследованию средневекового костюма народов Северного Кавказа VII–XIV вв., в которой широко привлекались материалы из скальных могильников, включая Хасаут, Рим-Гору, Эшкаконские некрополи⁸⁴.

Большое значение для сбора сведений о скальных могильниках Кисловодской котловины, их учета и выявления новых объектов имели комплексные и систематические разведки Кисловодского отряда в данном районе, а затем и экспедиции ИА РАН под руководством Д.С. Коробова, развернутые в 1996 г., продолжающиеся до настоящего времени. В 2001 г. состоялась и самостоятельная экспедиция Г.Е. Афанасьева, в ходе которой были вновь осмотрены Эшкаконские скальные могильники и обнаружены 2 новых памятника в долине р. Теплушки — Нязбековский 1 и 2. Промежуточные результаты этих работ были опубликованы в коллективной монографии Г.Е. Афанасьева, С.Н. Савенко и Д.С. Коробова⁸⁵ в 2004 г.

Всего на начало 2000-х гг. в Кисловодской котловине, в непосредственно прилегающих к ней районах и верховьях р. Подкумок были зафиксированы 33 скальных могильника. Скальные захоронения встречались А.П. Руничем и Н.Н. Михайловым в 1960-е гг. в районе аула Красный Восток, в верховьях р. Кумы⁸⁶. Но сведения о них крайне ограничены. Помимо этого, 4 объекта известны в бассейнах Малки (2 Хасаутских могильника) и Баксана (Гунделенский и Касбашский могильники).

Рассматриваемые могильники по долинам и ущельям рек распределяются следующим образом. Больше всего – по 10 скальных некрополей – открыто в долине р. Подкумок с ее малыми притоками и в ущелье Эшкакона. По течению Подкумка они находятся на значительном пространстве от самых верховьев (Уллу-Кол) до той части долины реки к северу от Кисловодска, где песчаные скальные выходы заканчиваются (Тихий уголок, Острый мыс). Расстояние от крайних юго-западных до северо-восточных памятников составляет около 50 км. Большая часть – 9 некрополей Эшкакона, сосредоточена в районе водохранилища и к югу от него на обеих сторонах реки. Учкекенский могильник примыкает к долине Подкумка. Местоположение некрополя Ой-Орула (Х.Х. Биджиев) точно не устанавливается.

Из 9 могильников на р. Аликоновке 5 располагаются в районе Катыхинской Балки, 1 — выше на речке Эчкиваш, 2 — в районе Замка Коварства и Любви и 1 — возле пос. Луначарка (Митькин Кутан).

В бассейнах рек Теплушки (между Эшкаконом и Аликоновкой), Березовки и Ольховки открыты и зафиксированы пока по 1–2 скальных могильника с одним или несколькими захоронениями. Специализированных сплошных разведок с целью выявления скальных могильников в рассматриваемых районах пока не проводилось. Поэтому представленная картина далеко не окончательная.

В рассматриваемых могильниках в целом присутствуют фактически все варианты захоронений на скалах: в полностью выдолбленных камерах, в подработанных нишах («подбоях». – В.Б. Ковалевская) с доложенными стеками, в каменных гробницах без входов и со входами («склепах». – В.Б. Ковалевская), на скальных уступах под навесами, в естественных гротах и пещерах. В конкретных могильниках различается соотношение этих разновидностей. Вероятно, достаточно широко было распространено неодноактное использование погребальных камер. Встречается ярусное расположение погребальных конструкций (например, могильник Уллу-Кол, Хасаут), возводимых на перекрытиях ранее сооруженных захоронений. Выделяются явные группы и обособленные участки скальных погребений. Абсолютное большинство скальных погребений частично или полностью разграблено в древности и в новое время. Поэтому возможности для суждений о деталях погребальной практики ограничены. С другой стороны, позитивным моментом является хорошая сохранность органических материалов в погребениях.

Д.С. Коробову принадлежит и одна из последних специальных публикаций о скальных погребениях окрестностей Кисловодска, в которой введен в научный оборот вновь выявленный могильник Мосейкин Мыс в Березовском ущелье⁸⁷. В статье была подвергнута критике «зороастрийская версия» происхождения скального обряда захоронений в изложении Р.Р. Рудницкого.

В 2010 г. к этнокультурным версиям происхождения скального обряда погребения добавилась христианская, опубликованная С.Н. Малаховым. Погребения в скальных нишах могли быть, по мнению ученого, «возрожденной репликой древнехристианской обрядности, принесенной сюда сторонниками иконопочитания». Допускалось при этом наложение древнехристиансткой традиции на этнические особенности погребальной обрядности носителей салтовской культурной общности⁸⁸.

В конце сентября – октябре 2014 г. в рассматриваемом регионе работала очередная совместная научная экспедиция Государственного музея искусств народов Востока (г. Москва) и ГУП «Наследие» (г. Ставрополь) по проблемам изучения северокавказских участков Великого шелкового пути, объективно затронувшая скальные могильники. В поле зрения попали некрополи Рим-Горы, Эшкакона, Уллу-Кола и Кызыл-Кола. Результаты работ данной экспедиции сейчас обрабатываются.

Данная обзорная характеристика позволяет составить общее представление об уровне исследованности данной категории памятников в очерченном районе.

Понятно, что вопросов в изучении скальных могильников остается значительно больше, чем обоснованных однозначных ответов. Необходим как дальнейший анализ уже полученных данных, так и выявление новых информативных памятников. В связи с этим научные работы на скальных могильниках региона остаются актуальными и перспективными.

Примечания

- 1. Стеллецкий И. По забытому Кавказу. М.-Л.: Культура и туризм, 1931. С. 8.
- 2. *Страбон*. Описание Кавказа // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. В.Ф. Патракова и В.В. Черноус. Ростов-н/Д.: Изд-во «Русская энциклопедия» Ростовский на-Дону филиал, 1990. С. 193.
- 3. Челеби Эвлия. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. С. 90–91.
- 4. Соснина Е. Край этот причудлив... Малоизвестные страницы истории Кавказских Минеральных Вод. Пятигорск: Северо-Кавказское изд-во «МИЛ», 2000. С. 31–46.
- 5. *Танеев С.И*. Материалы и документы. Т. І. Переписка и воспоминания. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 126–128.
- 6. Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. 1886. 01–02. С. 86, 101.
 - 7. Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса... С. 102.
 - 8. Там же ... С. 102.
- 9. $\mathit{Миллер}$ В.Ф. Терская область: археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. І. С. 104.
- 10. Нальчикский округ, аул Хасаут: Раскопки М.М. Ковалевского. 1885–1886 гг. (зеркала, 3 брон. амулета всадника, жел. секира); М.М. Ковалевский (кувшин с носиком-сливом, 24 см, кувшин, фрагменты тканей) / ГИМ. Отдел археологических памятников. Инв. № 78607. Оп. XI/462. Картотека КФ 53/56; По отд. Р.И.А. № 86. Инв. № 78607. Оп. XI/46.
- 11. *Сизов В.И.* Доклад о предметах, найденных М.М. Ковалевским в одной из пещер на Кавказе в 1885 г. // Древности: Труды Московского Археологического общества. Т. XII. Вып. І. Протоколы заседаний 16 мая 1886 г. М.: МАО, 1888. С. 41–42.
- 12. Императорский Российский исторический музей: Указатель памятников. 2-е доп. изд. М.: Типография А.И. Мамонтова и K° , 1893. С. 289–294.
- 13. Савенко С.Н. Еще раз о роли Д.М. Струкова в исследовании средневековых памятников Северного Кавказа (в связи со 100-летием со дня смерти) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас: Археологический центр им. Е.И. Крупнова, 2010. С. 312–315.
 - 14. Архив ИИМК. Ф.Р-І. Д. ИАК. № 273. Л. 38–40, 44.
- 15. Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1911. Вып. 43. С. 125–129.
- 16. Савенко С.Н. Тайны Эшкаконской экспедиции и другие // Наследие: Вестник Кав-казского Горного общества. Пятигорск: КГО, 2000. № 2. С. 31–35.
- 17. В ущельях Эшкакона: Из отчета действительного члена Е.М. // Ежегодник Кав-казского Горного общества в г. Пятигорске за 1904—1907 гг. Пятигорск: Электропечатня «Сукиасянц и Лысенко», 1908. С. 133—137.
- 18. *Боглачев С.В.* Первые фотографы Кавказа. Пятигорск: Изд-во СНЕГ, 2013. С. 3,130–259.
 - 19. Рим-Гора. Экскурсия членов КГО 1905 г. (?). КИКМ «Крепость». Нвф. 2585.
- 20. Долбежев В.И. В Терской области // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1890 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. С. 87–95.
- 21. *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1971. С. 105–106.
- 22. Долбежев В.И. В Терской области // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1894. С. 89.
 - 23. Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука, 1965. С. 65-72.

- 24. Кавказ: Живой отголосок прошлого. Жизнь и творчество писателя Евгения Баранова / Авт.-сост. Е.С. Тютюнина. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. С. 137–139.
 - 25. Минаева Т.М. К истории алан... С. 106.
- 26. *Кондаков Н.П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства. Прага, 1929. С. 333–339.
- 27. *Смолин В.Ф.* Катакомбы на Рим-горе близ Кисловодска // Краеведение на Северном Кавказе: Периодический орган Северо-Кавказского бюро краеведения. 1928. № 1–2. Ростов-н/Д., 1928. С. 87–90.
- 28. *Егоров Н.М.* Краткий очерк древней истории района Кавказских Минеральных Вод (по материалам Пятигорского межрайонного краеведческого музея и по личным наблюдениям): Машинопись / Фонды КИКМ «Крепость».
 - 29. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 187.
 - 30. Фонды ГИМ. № 97714.
- 31. *Рунич А.П*. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. 1971. № 2. С. 167–178.
- 32. КИКМ «Крепость». Фонды. ОФ № 2471/ 1–8; №2580; № 4928/5–7; № 4929/ 1–24; № 5016/ 1–3.
- 33. *Рунич А.П*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1959 г.: Архив ИА РАН. Р–І. № 2036. С. 28–30. Табл. VII–VIII. Фото 1–3.
 - 34. Минаева Т.М. К истории алан... С. 96-98.
- 35. *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1992. С. 149.
 - 36. Минаева Т.М. К истории алан... С. 104.
- 37. СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ф. 79. Оп. 1. Т.М. Минаева. 1923—1973 гг. Д. 38.
- 38. *Минаева Т.М.* Новый вид погребальных сооружений в бассейне Верхней Кубани // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: тез. докладов. Баку, 1965. С. 136–137.
 - 39. Минаева Т.М. К истории алан... С. 104–105.
- 40. *Рунич А., Гуськов М.* Урочище «Тихий уголок». Скальные погребения: Рукописные полевые и архивные материалы Н.Н. Михайлова / Научная библиотека ПКМ. Папка 82.
 - 41. Рунич А.П. Скальные захоронения... С. 173–173.
- 42. *Рунич А.П*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1963 г.: Архив ИА РАН. Р–І. № 2694. С. 6. Рис. 4, 16–20.
- 43. *Рунич А.П*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1966 г.: Архив ИА РАН. Р-I. № 3251. С. 14–19. Рис. 19–22.
 - 44. Рунич А.П. Скальные захоронения... С. 167–171, 173.
- 45. *Иерусалимская* А.А. К вопросу о торговых связях Северного Кавказа в раннем Средневековье // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 24. Л.: ГЭ, 1963. С. 35–39; *Иерусалимская* А.А. О Северокавказском «Шелковом пути» в раннем средневековье // СА. 1967. № 2. С. 55–74; *Иерусалимская* А.А. Великий Шелковый путь и Северный Кавказ. Л.: Наука, 1972.
- 46. *Рунич А.П*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1974 г.: Архив ИА РАН. Р–І. № 5249. С. 9–12. Рис. 19.
- 47. Рунич А.П. Скельні могильники у верхівях р. Ешкакон на Півничному Кавказе // Археология-16. Киев, 1975. С. 5–16.
- 48. *Кузнецов В.А., Рунич А.П.* Погребение аланского дружинника IX в. // СА. 1974. № 3. С. 196–203.
- 49. *Кравцова С.Л.* Археологические коллекции А.П. Рунича из фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов: Сборник материалов межрегиональной научной конференции 17–18 ноября 2011 г. Пятигорск: Пятигорский краеведческий музей, 2011.С. 138–141.
- 50. *Рунич А.П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1975 г.: Архив ИА РАН. Р–І. № 5624. С. 9–12. Рис. 19–22.
 - 51. Минаева Т.М. К истории алан... С. 136–141, 157.

- 52. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. С. 81, 84–86, 92–93.
 - 53. Там же. С. 99-100.
- 54. *Алексеев В.П.* Антропологический тип адыгов в эпоху позднего Средневековья // Труды Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп–Краснодар, 1961. Т. II. С. 219.
 - 55. *Рунич А.П.* Скальные захоронения... С. 177–178.
- 56. *Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв.: Историко-археологические очерки: Автореф. дисс... докт. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1970. С. 23; *Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: ИР, 1971. С. 144–146. Рис. 23.
 - 57. Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 144.
- 58. *Ќузнецов В.А.* Аланская культура Центрального Кавказа V–XIII вв. и ее локальные варианты // СА. 1973. № 2. С. 61, 68–74.
 - 59. СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Фонды. ОФ. № 16913/1-8.
 - 60. Алексеева Е.П. Археологические памятники... С. 155.
- 61. *Биджиев Х.Х.* Некоторые итоги исследования памятников Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура). Черкесск: КЧНИИИФЭ, 1982. С. 69. Рис. 8.
- 62. Алексееева Е.П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н.э. IV в.н.э.). Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1976. С. 80–81. Рис. 3, 5–7.
- 63. *Иерусалимская А.А.* Одежда раннесредневекового населения глубинных предгорий Северного Кавказа как исторический источник (по материалам могильника VIII–IX вв. Мощевая Балка): VI Крупновские чтения. Краснодар, 1976 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа: Тезисы. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 147.
- 64. *Иерусалимская А.А.* Новые данные к этнической истории Северо-Западного Кавказа: VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа: Тезисы. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971—2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 214—215.
- 65. *Иерусалимская А.А.* Кавказ на Шелковом пути. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1992. С. 6–7.
- 66. Ковалевская В.Б. Анализ погребальных сооружений эпохи раннего Средневековья на Северном Кавказе. VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа: Тезисы. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 199.
- 67. Ковалевская В.Б. Отчет Средневекового Мало-Карачаевского отряда за 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6209; Ковалевская В.Б. Научный отчет об археологических исследованиях в зоне затопления проектируемого Эшкаконского водохранилища Мало-Карачаевского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6904.
- 68. *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху Средневековья // Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 88–89.
 - 69. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М.: Наука, 1984. С. 174.
- 70. Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983. С. 59; Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3. Нальчик: КБНИИИФЭ; Эльбрус, 1987. С. 120.
- 71. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986. С. 153–156.
- 72. *Кореневский С.Н.* Отчет о работах Ставропольской экспедиции на Кавминводах в 1984 г. //Архив ИА РАН. Р-1. № 10552а-г.
- 73. Каминская И.В. Лабинские варианты торговых дорог Северо-Западного Кавказа // Византийский временник. Т. 49. М., 1988. С. 201–204; Демаков А.А., Чумак И.Л. Транскав-казский Шелковый путь // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов. Ставрополь, 1990. С. 34; Орфинская О.В. Реконструкция одежды населения Нижне-Архызского городища VII–IX вв. // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкессии: Сборник научных трудов. Черкесск: КЧНИИИФЭ, 1991. С. 112–123.
- 74. Демаков А.А. К вопросу об этнической принадлежности скальных погребений // Вопросы древней и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск: КЧНИИ, 1990. С. 45.

- 75. Радкевич В.А. Великий Шелковый путь. М.: Агропромиздат, 1990. С. 7–8.
- 76. *Савенко С.Н.* От редакторов-составителей // Международное сотрудничество на великих торговых и культурных путях древности и Средневековья. Кисловодск: СЦВШП, КФ СГОКМ, КНИФСЦ, 1994. С. 3–8.
- 77. *Кузнецов В.А.* «Великий Шелковый путь» и Северный Кавказ: Алано-осетинские этюды. Владикавказ: СОИГИ, 1993. С. 5–79.
- 78. Постановление Главы администрации Ставропольского края от 1 ноября 1995 г. № 600 «О дополнении списка памятников истории и культуры Ставропольского края, подлежащих государственной охране как памятников местного и республиканского значения, утвержденного решением Крайисполкома от 01.10.1981 г. № 702».
- 79. Савенко С.Н. Состояние и перспективы изучения археологических памятников Кавминвод (по материалам эпохи раннего Средневековья): XVIII Крупновские чтения. Кисловодск, 1994 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа: Тезисы. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971—2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 499.
- 80. Березин Я.Б., Савенко С.Н. XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994 // XVIII Крупновские чтения. Кисловодск, 1994 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 493.
- 81. *Кузнецов В.А.* Иранизация и тюркизация Центрально-Кавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. № 1. М.: ИА РАН, 1997. С. 159–162.
- 82. Савченко Е.И. Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северо-Западном Кавказе в VIII–IX вв. (на материалах могильника Мощевая Балка): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2007. С. 20–21.
- 83. *Рудницкий Р.Р.* О зороастризме у алан в VII–IX вв. // Историко-археологический альманах. № 7. Армавир, 2001. С. 75–86.
- 84. Доде 3.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М.: Восточная литература РАН, 2001.
- 85. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир, 2004. С. 98, 102, 114, 122, 133, 141, 142–144, 149, 180–181, 190–192, 196. Рис. 51. 86. Алексеева Е.П. Археологические памятники... С. 164.
- 87. Коробов Д.С. К вопросу о скальных захоронениях Кисловодской котловины // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа: Сборник статей. М.: ИА РАН, 2004. С. 83–99.
- 88. Малахов С.Н. Материалы к церковной археологии Алании // Из истории и культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: СГУ, 2010. Вып. 2. С. 66.

S.N. Sawienko

FROM THE HISTORY OF EARLY MEDIEVAL ROCK-CUT TOMBS RESEARCH IN THE WATERSHEDS OF THE RIVERS KUBAN, MALKA AND BAKSAN

(For the 130 anniversary of the beginning of the mentioned category of the monuments research in the region)

The brief but comprehensive, containing the little known details characteristics of the process of the rock-cut tombs belonging to the epoch of the early middle ages research in the central region of the North Caucasus (the Caucasian Mineral Springs and the adjoining territories) is presented in the article, starting from the year of 1885 till the end of 2014. The conclusion that in the field of the given special kind of the burial tombs research in the region not all the problems have been solved but the assignments remain actual even 130 years after they were put forward comes from the contents of the research work.

Keywords: archeological monuments, rock-cut tombs, the central part of the North Caucasus, History of the research.

А.А. Остахов

ЩИТ В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ АДЫГСКОГО ОРУЖИЯ И ВОЕННОГО ИСКУССТВА (XIII–XVII вв.)

Щит рассматривается в статье как часть черкесского оружия, прослеживается его судьба в процессе эволюции военного искусства черкесов. Проводится историческая реконструкция тактико-технических характеристик черкесского щита и сравнительный анализ с европейскими и хевсурскими щитами. В ходе исследования выявлены конструкция, функциональное назначение и причины исчезновения черкесского щита.

Ключевые слова: черкесский щит, норманнский щит, баклер, хевсурский щит, конструкция щита, функциональное назначение щита, причина исчезновения щита.

Как только появилось человеческое общество, сразу возникли военные конфликты. Орудия охоты превратились в боевое оружие, но направленное уже не против животных, а против людей. Неразумные животные могли противопоставить этому только высокую скорость своих конечностей, позволявшую им уйти, а разумные люди — технические средства защиты, первым из которых был щит. С этого момента щит стал неотъемлемым атрибутом представителей любого воинства. Однако в процессе его эволюции выявилась интересная закономерность. У одних народов его роль в бою постоянно возрастала и он, наравне с мечом, стал главным оружием. Поэтому его конструкция непрерывно совершенствовалась, а форма постоянно менялась. Другие народы отводили щиту второстепенную роль, законсервировавшую процесс его развития. Отсюда конструкция и форма щита оставались статичными на протяжении столетий.

С одной стороны, щит можно рассматривать с тактической точки зрения просто как средство ведения боя, но это уже явно недостаточный подход. С другой стороны, его можно рассматривать в военно-историческом масштабе как индикатор процесса эволюции оружия и военного искусства определенного этноса. Наблюдая процесс эволюции щита в среде какого-либо народа, можно вывести стержневые основы, специфику и вектор эволюции его военного искусства. Поэтому такой подход к изучению адыгских щитов поможет выявить основную линию развития, специфику оружия и военного искусства черкесов.

Был ли у черкесов боевой щит? Сначала рассмотрим письменные источники. Большинство европейских авторов, посетивших Черкесию в XIII–XIX вв., не упоминали щит при описании адыгского оружия¹. Наряду с ними С. Хан-Гирей, И. Бларамберг и Н. Дубровин, ставшие классиками адыгской историографии, также указывали на отсутствие щита в оружейном комплекте черкесских воинов XIX в. Однако П.-С. Паллас, посетивший в 1793 г. Кабарду, указывал на наличие у местных князей гербовых щитов, использовавшихся как средство украшения. Ш. Ногмов на основе анализа фольклорных данных указывал на использование ранними адыгами крупного боевого щита. Из числа современных исследователей факт наличия щита у кабардинцев подтверждал Г.А. Кокиев, акцентируя внимание на его металлической основе².

Доводы П.-С. Палласа, Ш. Ногмова и Г.А. Кокиева подтверждаются археологическими данными. Среди материалов целого ряда адыгских могильников: Убинского, Вардановского, Хаджохского, Медовеевки 1, Казаково 1 и Казаково 3 – имеются остатки щитов³.

Из вышесказанного следует, что черкесы использовали щит до определенного периода, после которого он вышел из употребления. Поэтому многие авторы при описании адыгского доспеха указывают на отсутствие щита, отмечая данный момент как специфический.

Каковы были конструктивные характеристики адыгского щита? Данные об этом можно узнать по остаткам щитов, найденным в ходе археологических раскопок в перечисленных выше могильниках. Основа щита была сделана из деревянных дощечек, подогнанных друг к другу в форме круга и обтянутых кожей или войлоком. Предположительно породой этих дощечек был дуб или ясень. Внешняя сторона щита усиливалась круглым умбоном, представлявшим собой выпукло-вогнутую железную пластину с зубцами по краям. Диаметр умбонов варьируется от 15 до 17 см. Такая незначительная разница обусловлена кустарным изготовлением щитов и умбонов, а не функциональными соображениями. Поверх умбона крепились два железных прута длиною 25 см, которые перекрещивались в виде прямоугольного креста, заканчиваясь небольшим листовидным расширением. В центре крестовины и умбона имелись сквозные отверстия, через которые они крепились друг к другу с помощью заклепки. Листовидные концы крестовины также имели отверстия для заклепок, которые с внешней стороны имели клепаные выпуклые шляпки, а с внутренней – кольца-петли. Такая конструкция заклепок позволяла им играть двойную роль: с одной стороны, они прочно фиксировали пластины к щиту, с другой – служили основой рукоятки для удержания щита. Другой деталью был внешний обод, представлявший собой четырехгранный металлический прут круглой формы. Обод крепился к щиту с помощью расплющенных прямоугольных расширений, которые равномерно располагались через каждые 11-12 см и имели отверстия для заклепок. Количество таких расширений варьируется от 8 до 12. На некоторых адыгских щитах имелась еще и внутренняя обивка-обод. Средний размер щитов составлял примерно 60-70 см в диаметре. Большинство щитов имеет округлую форму, хотя в виде исключений встречаются отдельные экспонаты прямоугольной и восьмигранной формы⁴.

В чем заключалось функциональное назначение адыгского щита? Письменные источники по этому вопросу не содержат никакой информации. Поэтому придется обратиться к реконструкции, опираясь на такие детали щита, как форма, конструкция и рукоятка для удержания.

Выше уже говорилось, что адыгские щиты были круглой формы. Последняя была выбрана не случайно, т.к. давала бойцу ряд преимуществ: она упрощала ношение, исключала зацепы за другое снаряжение, не мешала обзору и наносению ударов. Самое главное, круглый щит оптимально сочетал ширину и средний вес, что делало его универсальным и позволяло быстро отражать удары, нанесенные с любой стороны⁵.

Интересные выводы позволяет сделать анализ конструкции черкесского щита. Комбинированное использование нескольких разных материалов: дерева, кожи, железа — позволяло решить двойную задачу: повысить прочность щита, не увеличивая его массы, что было крайне необходимо для черкесов, практиковавших высокоскоростной маневренный бой. Деревянная основа делала щит легким и не отягощала движений бойца. При изготовлении на деревянную основу надевалась влажная сыромятная кожа, которая высыхала и намертво стягивала детали. Помимо этого кожаная оболочка повышала «вязкость» щита, за счет которой вражеские стрелы застревали в нем, не пронзая навылет, а клинки при пробивании его основы увязали в ней. Умбон в сочетании с металлической крестовиной и круглым ободком защищал деревянную основу щита, повышая его прочность. Основное назначение умбона — защита руки воина от рассекающих щит ударов. Его выпуклая полусферическая форма обеспечивала соскальзывание рубящих и колющих ударов, минимизируя деформацию пластины. Поэтому адыгский щит был универсальным: он защищал от стрел, рубящих клинковых ударов и копейных тычков.

Стоит отметить еще один немаловажный момент. У древних германцев нередко использовался остроконечный конический умбон, позволявший наносить колющие удары щитом. Черкесы же не применяли аналогичных умбонов, поэтому их щиты не использовались в качестве дополнительного колющего средства.

Далее необходимо рассмотреть устройство рукоятки для удержания щита: с внутренней стороны выступали 4 кольца-петли, к которым крепились параллельно друг другу два ремня в несколько ослабленном состоянии, через которые щит надевался на предплечье. В случае, когда надо было мгновенно взять щит, достаточно было просто сжать ремни в ладони. Такая конструкция ручки позволяла воину свободно манипулировать щитом одной рукой, переводя его в любой сектор ближнего боя. В ситуации, когда нужно было переключиться на другое оружие, черкес мог так же легко передвинуть щит на локоть или прикрепить его к седлу⁶.

Из проведенного анализа следует вывод: круглая форма, небольшие размеры, легкий вес и конструкция рукояти превращали черкесский щит в универсальное высокомобильное защитное средство дистанционного и ближнего боя. Универсальность адыгского щита проявлялась в том, что он одновременно использовался для защиты от вражеских стрел и клинковых ударов. Круглая форма и небольшие размеры позволяли легко манипулировать им в бою, быстро переводя в нужный боевой сектор, что позволяло защищаться от стрел и отбиваться от ударов, выпущенных и нанесенных с любой стороны.

Для более полного определения функциональной специфики адыгского щита проведем сравнительный анализ с европейским баклером и хевсурским щитом. В период с XII по XVI вв. в Европе использовался баклер — малоразмерный фехтовальный щит, который нередко называли «кулачным». Основное его назначение — отражение вражеских ударов, что обусловило его главные конструктивные характеристики: малый диаметр (20–40 см), цельнометаллическую основу и жесткую рукоять для удержания. Баклер был маленьким, легким и твердым, что позволяло легко и быстро манипулировать им, отбивая удары. Выпуклая форма баклера облегчала парирование удара. Однако его функциональный потенциал был ограничен: баклер был непригоден для защиты от вражеских стрел, т.к. его малые размеры не могли полностью прикрыть туловище воина; он не мог выдержать рассекающего удара тяжелых видов оружия: алебарды, топора или двуручного меча⁷.

Аналогичной конструкцией обладал хевсурский щит: диаметр – 26–35 см, форма – круглая или овальная, основные материалы – листовое железо и кожа. Для облегчения массы хевсуры не делали его цельнометаллическим, как баклер, а конструировали по частям. Из листового железа вырезались полоски шириной 1,5–2 см и с помощью циркуля круглые ободы разного диаметра прибивались к кожаной основе щита. На центральную часть щита накладывались металлические квадраты, в середине которых выковывался круглый выступ. Кожа для щита приготовлялась из сыромятной шкуры быка, которую варили и высушивали, после чего вырезали круглую щитовую форму⁸. За счет этого хевсурский щит был чисто фехтовальным оружием.

Проведем параллели между адыгским щитом, баклером и хевсурским щитом: диаметр первого – 60–70 см, второго и третьего – 20–40 и 26–35 см; основной конструктивный материал первого – дерево, второго и третьего – железо. Отсюда четко видно, что сфера применения баклера и хевсурского щита ограничивалась ближним боем (отражение клинковых ударов), тогда как у черкесского щита – ближним и дистанционным боем (защита от ударов и стрел). Другими словами, первые были узкоспециализированным оружием, а второй – универсальным.

Далее встает интересный вопрос: когда черкесские воины отказались от использования щита? Археологические раскопки показывают, что щит присутствует в адыгских курганных могильниках XIII–XIV вв. (Убинский, Вардановский,

Казаковский 1 и 3, Медовеевский 1), тогда как в могильниках XV–XVII вв. (Ленинохабльский, Шенджийский, Белореченский, Чегемский II, Шалушкинский) его остатков не обнаружено. Следовательно, черкесы применяли боевой щит до XIV в., а в XV в. они отказались от него⁹.

Какова основная причина исчезновения щита у адыгов? Данный вопрос более чем интересен, т.к. отражает общую линию эволюции адыгского оружия и ее специфику. Пока нет точного ответа на этот вопрос, однако существует несколько точек зрения, которые необходимо рассмотреть.

По мнению А.Х. Нагоева, отсутствие щитов у черкесов объясняется двумя факторами: доминированием конницы и применением кольчуги. По мнению автора, щит был основным защитным оружием пехоты западно-европейских стран с Античного времени до позднего Средневековья включительно. Тогда как ни регулярная кавалерия Античного мира, ни средневековые рыцари не пользовались щитами, вместо которых всадники применяли панцири, кольчуги, латы и другие доспехи. Аналогичная ситуация наблюдалась и у восточной кавалерии, где щит был вытеснен кольчугой 10.

На наш взгляд, точка зрения А.Х. Нагоева сильно абстрагирована и не дает исчерпывающего ответа, т.к. автор не учитывает факты, противоречащие его концепции. Так, например, в эпоху Крестовых походов европейские рыцари параллельно с кольчугой применяли норманнские щиты. Даже с появлением латных доспехов рыцари не отказались от щитов, используя их для отражения копейного удара. Наряду с ними легкая арабская конница применяла круглые щиты в течение долгого периода времени, а курдские всадники применяли их вплоть до конца XIX в. Поэтому кавалерия и кольчуга не могут быть основными причинами исчезновения щита у адыгов.

Ценную информацию содержат материалы археологических раскопок вышеперечисленных адыгских курганов: щит присутствует в погребениях, где имеется меч или палаш, тогда как в могильниках, где в захоронении есть сабля, наблюдается его отсутствие. Это позволяет сделать вывод, что причиной исчезновения щита у адыгов было появление черкесской сабли.

Аналогичной точки зрения придерживается Д.Ю. Чахкиев, обосновывая ее следующим образом: мощный сабельный удар разваливал щит на части, разбивая металлическую оправу и кромсая его деревянную основу. Другими словами, щит не мог обезопасить воина от удара черкесской сабли, поэтому адыги перестали его использовать¹¹.

Однако Ф.Р. Наков считает, что здесь лежит целый комплекс основных и второстепенных причин. Главной причиной исчезновения щита было появление черкесской сабли. Уникальная конструкция этой сабли превращала ее в универсальное оружие, которым можно было рубить, колоть и защищаться от ударов. Такая сабля, по мнению Феликса Руслановича, могла быть одновременно булавой, мечом, шпагой, копьем и щитом. Ударная мощь адыгской сабли была настолько велика, что могла повредить рыцарские доспехи, не говоря уже о деревянном щите, который просто бы разлетелся на части. Здесь точка зрения Ф.Р. Накова совпадает с утверждением Д.Ю. Чахкиева¹².

Однако главную роль в процессе вытеснения щита саблей сыграло наличие в ее арсенале колющего удара, привносившего серьезные перемены. Колющий удар сильно отличается от рубящего: он в два раза быстрее его и имеет совершенно другую механическую основу. Поэтому искусство колющего фехтования требовало другой техники, для которой щит был абсолютно излишним, ибо он никак не совмещался с боковой стойкой и колющими выпадами. Да и процесс отражения щитом колющих ударов был в два раза сложнее, чем отбивание рубящих: помимо того, что нужно успеть поймать щитом вражеский укол, надо еще увести его в сторону, тогда как во втором случае достаточно только подставить щит под рубящий удар.

Такая система была явно неприемлемой для колющего фехтования, поэтому появилась новая система защиты — парирование, которое заключалось не в отбивании вражеского укола, а в его улавливании и уводе в сторону. Осуществить такое действие с помощью щита было крайне сложно, а чаще всего невозможно, поэтому в Европе баклеры вышли из употребления. Для парирования ударов европейцы стали использовать даги и плащи, а несколько позже отказались и от них, наработав приемы парирования шпагой¹³.

Аналогичный процесс наблюдался у черкесов, выработавших со временем приемы парирования саблей, которые отличались от европейских аналогов. Причина этого, по утверждению Ф.Р. Накова, заключалась в изгибе сабельного клинка, который позволил создать совершенно новый прием: воин изгибом своей сабли улавливал вражеский удар; поворотом кисти он вращал клинок вокруг своей оси на 900 изгибом и лезвием наружу, что автоматически отводило клинок противника в безопасное направление благодаря значительному радиусу сабельного изгиба; далее воин делал резкий колющий выпад, вонзая саблю в неприятеля. Данный прием был универсальным, т.к. одновременно содержал защиту и атаку. При этом первое действие быстро и органично переходило во второе в рамках одного приема. Благодаря этому прием был уникальным, т.к. европейский фехтовальный арсенал не содержал аналогичных приемов в силу отсутствия кривого изгиба у клинков рапиры и шпаги, что делало проведение черкесского приема невозможным. Европейское парирование ограничивалось только защитой. Черкесский парирующий прием делал бессмысленным применение щита, т.к. его функцию играла сабля, а точнее, изгиб сабельного клинка, дуга которого практически совпадала с окружностью щита. Однако данный прием был выработан не сразу, поэтому некоторое время адыги применяли саблю вместе с щитом. Отсюда в некоторых могильных курганах наряду с саблей присутствует щит¹⁴.

В качестве дополнительного доказательства того, что главной причиной исчезновения адыгских щитов был колющий удар черкесской сабли, можно привести боевой опыт хевсуров. Они проживали в высокогорных районах Кавказа, что оказало неизгладимое влияние на их историю и культуру¹⁵. Одним из законсервированных элементов хевсурского оружия был рассмотренный выше щит, который применялся вплоть до XX в. На наш взгляд, столь долгое его использование объясняется тем, что основным клинковым оружием хевсуров был палаш, конструкция которого не позволяла наносить колющие удары¹⁶. Следствием этого было сохранение хевсурских щитов.

Аналогичная ситуация наблюдалась у высокогорных чеченцев (кистин) и ингушей, в среде которых долгое время бытовали щиты. На это обращал внимание В.А. Потто, описывая клинковое оружие кистин: «По условиям местности они дерутся преимущественно пешком, и шашка встречается в их вооружении чрезвычайно редко, но зато их длинные лезгинские кинжалы, которыми они владеют в совершенстве, наносят страшные удары, и все, к чему прикасается лезвие их, разваливается пополам»¹⁷. Рубящий характер ингушских клинков отмечал в своих мемуарах подполковник Штедер¹⁸. Перечисленные факты подтверждают археологические исследования Д.Ю. Чахкиева, согласно которым, у вайнахских сабель отсутствовал штыковой конец для колющих ударов¹⁹.

Наряду с этим были еще другие факторы, способствовавшие вытеснению щита. В случае необходимости черкесы для парирования могли использовать бурку, которой улавливали вражеские удары. Аналогичная метода была в европейском фехтовании, где вместо бурки использовался плащ 20 . Бурка, как и адыгский щит, была универсальным средством защиты от вражеских ударов и стрел. Способы ее боевого применения у черкесов описываются в мемуарах Э. Челеби: «В битвах они держали эту «ткань» (бурку. -A.O.) перед собой. Если бы Афрасиаб, Рустем и Сиаб (воины-герои тюркского эпоса. -A.O.) вступили с ними в бой,

они не смогли бы устоять перед черкесами: эта накидка была словно щит. Действительно, эту «ткань» не пробивали стрелы и не рассекали мечи. Иногда перед битвой эту «ткань» мочат и набрасывают либо на спину, либо на грудь, либо, по потребности, на правое или левое плечо» 21 . По утверждению Д.Ю. Чахкиева, бурку пропитывали специально разведенной жидкостью, состав которой на сегодня утерян 22 . Позднее, когда саблю вытеснила шашка, черкесы стали полностью обматывать левую руку буркой и отбивать ею удары 23 . Другой способ ее применения описал X.X. Яхтанигов: бурку сворачивали в небольшой толстый клубок и, удерживая в руке как щит, отражали удары 24 . Из всего этого видно, что на смену щиту пришла бурка, которая также эффективно выполняла его функции, но была намного легче и удобнее.

Немаловажную роль в процессе вытеснения щита сыграло черкесское седло, обеспечивавшее мягкую посадку, благодаря которой всадник мог свободно увернуться от удара. Это делало ненужным применение щита. В Европе же наблюдалась совсем иная ситуация: рыцарское седло обеспечивало необходимую для копейного боя жесткую посадку, но практически лишало всадника возможности повернуться для отражения удара слева. Поэтому рыцари применяли норманнский каплевидный щит, который просто свисал на плечевом ремне, полностью прикрывая левый бок наездника. Всадник не мог управлять таким щитом в конном бою, т.к. его левая рука была занята поводьями, однако его роль была незаменима. Только с появлением латных доспехов рыцари стали отказываться от норманнских щитов²⁵.

В заключение отметим, что основной причиной исчезновения щита у адыгов было появление черкесской сабли и новых приемов фехтования. К числу вспомогательных причин следует отнести применение бурки вместо щита и мягкого черкесского седла, позволявшего уворачиваться от ударов. Специфика конструкции и сам процесс выхода из употребления адыгского щита как индикатор отражают основную линию эволюции военного искусства черкесов — постоянное возрастание роли мобильности и рукопашного боя, которые в свою очередь породили ряд других тенденций: универсализацию оружия, облегчение доспехов в целях повышения мобильности, совершенствование клинкового оружия и развитие уклона как основного средства защиты.

Примечания

- 1. Интериано Дж. Быт и страна Зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. (далее АБКИЕА) / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 50; Д'Асколи Э.Д. Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. // АБКИЕА. С. 63–64; Де Лукка Д. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625 // АБКИЕА. С. 71; Тавернье Ж.Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет... // АБКИЕА. С. 81; Витсен Н. Северная и Восточная Татария... // АБКИЕА. С. 87.
- 2. Паллас П.-С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793—1794 гг. // Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII вв. (далее СКЕЛ) / Сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 2006. С. 342; Ногмов Ш.Б. История адыхейского народа. Нальчик, 1982. С. 49; Кокиев Г.А. Военное воспитание у кабардинцев в прошлом // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 472.
- 3. *Стрельченко М.Л.* Вооружение адыгейских племен в X–XV вв. (По материалам Убинского могильника) // Наш край: Материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1960. Вып. 1. С. 156–157; *Схатум Р.Б.* Щит

в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сб. науч. тр. Краснодар, 2003. С. 223–224.

- 4. Схатум Р.Б. Указ. соч. С. 223–224; Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 172, 189.
- 5. *Край И*. Прирученная броня. Щиты в древности и Средневековье // http://burninghearts.clan.su/forum/19-316-1
 - 6. *Схатум Р.Б.* Указ. соч. С. 225–226.
- 7. Кастл Эгертон. Школы и мастера фехтования. Благородное искусство владения клинком. М., 2008. С. 31–39, 72.
 - 8. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М.-Нальчик, 1995. С. 165.
 - 9. Схатум Р.Б. Указ. соч. С. 226-227.
 - 10. Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 160–161.
 - 11. Чахкиев Д.Ю. личный архив автора.
 - 12. Наков Ф.Р. личный архив автора.
 - 13. Кастл Эгертон. Указ. соч. С. 147–163.
 - 14. Наков Ф.Р. личный архив автора.
 - 15. *Потто В.А.* Кавказская война. М., 2006. Т. 1. С. 385.
 - 16. Аствацатурян Э.Г. Указ. соч. С. 142–147.
 - 17. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 388.
- 18. Штедер. Дневник путешествия в 1781 г. от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // СКЕЛ. Нальчик, 2006. С. 267.
 - 19. Чахкиев Д.Ю. личный архив автора.
 - 20. Кастл Эгертон. Указ. соч. С. 72, 163.
- 21. *Челеби* Э. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и ответ. ред. А.Д. Желтяков. М., 1979. С. 59.
 - 22. Чахкиев Д.Ю. личный архив автора.
- 23. Ван-Гален X. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770—1820 гг. СПб., 2002. С. 445; Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // АБКИЕА. С. 83; Эллис Дж. Описание местностей между Черным и Каспийским морями // СКЕЛ. С. 309; Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М., 2003. С. 239.
 - 24. Яхтанигов Х.Х. личный архив автора.
 - 25. Край И. Прирученная броня... // http://burninghearts.clan.su/forum/19-316-1

A.A. Ostahov

A SHIELD IS IN AN USER OF EVOLUTION OF CIRCASSIAN WEAPON AND ART OF WAR STRUCTURE (XIII–XVII CENT.)

The paper considers a shield as part of circassian weapon and his fate in the process of evolution of art of war of adigas. The historical reconstruction of tactical and technical descriptions of Circassian shield and comparative analysis with the European and Hevsurian shields is conducted. During historical research a construction, functional setting and reasons of disappearance of Circassian shield, is educed.

Keywords: Circassian shield, Nordmanian shield, buckler, Hevsurian shield, construction, functional setting, reason of disappearance.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 73.03

Ж.М. Аппаева

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА КБР. ГЕНЕЗИС ЭТНИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Статья посвящена генезису изобразительного искусства Кабардино-Балкарии, возникновение которого было связано с политикой советских властей, проводимой в 20–30-х гг. Художники республики сумели преломить многочисленные влияния, полученные извне, и заложили основу местных художественных традиций, создав, по существу, этнический стиль.

Ключевые слова: этнический стиль, изобразительное искусство, монументальная пластика, национальная культура.

Возникновением и «ускоренным развитием» (по терминологии литературоведа и культуролога Георгия Гачева) новых для себя видов изобразительного искусства, которые по аналогии с «младописьменными литературами» позволительно назвать «младоизобразительными искусствами», кабардинцы и балкарцы целиком обязаны политике советских властей, проводившейся в 20–30-х гг. прошлого столетия в области культуры. Хотя вопрос культивирования изобразительных видов искусства носил идеологический характер, процесс был прогрессивным.

Коренные народы, воспитанные на иных традициях и художественных ценностях, ни психологически, ни эстетически не были подготовлены к восприятию новых для них видов искусства; их возникновение не было связано с их культурными запросами. Оттого реализация этого замысла растянулась на долгие три десятилетия.

Сложность развития изобразительного искусства в республике в 50–60-х гг., когда в республике появились первые кадры скульпторов, заключалась в том, что в Кабардино-Балкарии не было собственной базы для его становления. Необходимо было преломить многочисленные влияния, полученные извне, и заложить основу местных художественных традиций, то есть создавать образы, близкие мировосприятию кабардинского и балкарского народов. На умонастроение художников оказала влияние господствовавшая в ту пору в стране идея нивелирования национальных черт искусства. Художественная культура развивалась в строго очерченных рамках соцреализма. Разговоры же о создании национального по форме искусства носили сугубо декларативный характер.

Местные власти, боясь быть обвиненными в национализме, всячески избегали всего, что было связано с чем-то традиционным, этническим. Дело доходило до казусов. Даже на выставку творчества кабардинских художников, посвященную 400-летию присоединения Кабарды к России (1957), которая должна была пройти в Дни декады Кабардинской АССР в Москве (балкарский народ в это время находился в ссылке в Средней Азии), местные чиновники решили представить произведения художников на темы, весьма далекие от местных, к примеру, по мотивам русских народных сказок. Приехавшие для оказания творческой помощи столичные художники Богаткин и Шепелюк были буквально шокированы

этим фактом и настоятельно рекомендовали Министерству культуры КАССР перезаключить договор, к примеру, на скульптуру Ф. Калмыкова «Сказка о рыбаке и рыбке» на его же композицию «Коневод Кабарды»¹. В отличие от местных чиновников столичные художники стремились отобрать произведения с национальным колоритом.

Особенно отчетливо это качество было заметно в творчестве первого кабардинского скульптора Федора Калмыкова. Его однокурсник по Саратовскому художественному училищу Лев Николаевич Головницкий, народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР им. И.Е. Репина, сумел разглядеть в нем национального скульптора еще в годы учебы. «Сознавал ли он свою ответственность первого национального скульптора, которую уготовила ему судьба? — писал он в своих воспоминаниях. — Ни в чем это не проявлялось: ни в разговорах, ни в поступках. Он был занят постижением основ скульптуры, упорно овладевал знаниями конструктивного построения, анатомией и пластикой... И вот, когда наступила пора, что глина стала послушной в руках ученика, Федя все чаще и чаще стал обращаться к родным мотивам в скульптуре, бережно прикасаться к своей культуре, как бы изнутри извлекая национальную мелодию в простых, на первый взгляд, композициях. И в этом была их неповторимость»².

Нельзя не отметить природное чутье Ф. Калмыкова, который очень тонко понимал природу национального и в то же время обладал умением мыслить образно и современно. Конечно же, Ф. Калмыков «извлекал национальную мелодию» по наитию, не отдавая себе в этом отчета, поскольку в годы учебы, в первую очередь, был озабочен точностью решения задач, поставленных перед ним педагогами. Это одно из свидетельств того, что способность мыслить категориями своего народа передается человеку на генетическом уровне. Как писал русский философ и публицист Н.А. Бердяев, «человек входит в человечество через национальную индивидуальность, он существует не как абстрактный, а как «национальный человек»³. Художник-кабардинец Ф. Калмыков интуитивно преломлял формы европейского искусства, придавая им национальный курсив.

Проблема этнического в искусстве начала волновать некоторых местных художников еще в 50-е гг. Они мечтали о создании искусства, близкого менталитету своего народа. Однако для ее решения в те годы не было соответствующей базы. А главное, эта цель противоречила общесоюзной программе развития советской культуры. Потому понемногу эту идею предали забвению. Возрождена она была вновь лишь в конце 70–80-х гг.

Национальный колорит, как известно, обогащает творения художника, именно он делает их неповторимыми. Национальное в искусстве —это нечто настолько неуловимое, что его невозможно облечь в строгую словесную оболочку. Это концентрированное выражение национального духа. Но у нас в стране долгие десятилетия процветало идеологическое понимание «национального».

Несмотря на сдерживающие факторы со стороны государства, местные ваятели занимались поисками уникального способа вписаться в мировое искусство. Они стремились найти такие художественные координаты, которые бы вывели формулу бытия народа или, по крайней мере, позволили бы в определенной степени отразить национальные черты этноса. Эта цель послужила сильным катализатором их творческих поисков.

Проблема создания этнического стиля в искусстве не может решиться в одночасье и одним человеком. Многие художники КБР внесли свой вклад в решение этого вопроса. Прежде всего они использовали, разумеется, в несколько преображенном виде элементы местного народного декоративно-прикладного искусства и архитектуры (повторюсь, традиций изобразительного искусства не было). Какието художественные открытия, нежданно найденные удачные элементы подхватывались другими кабардино-балкарскими скульпторами, шлифовались, и на их

основе складывались устойчивые формы. Активно использовалась система кодовых онтологических знаков, архаические формы, этнически маркированные элементы и мотивы, чисто местные архетипы, такие, как кавказская бурка, черкеска, всадник, меч, кинжал, воин, национальные орнаменты и узоры.

Очень оригинальной оказалась мысль использовать в монументальном искусстве каменную кладку в балкарском стиле (хуна) в качестве постаментов или подпорных стенок. Таких примеров в республике немало. Это памятники Кязиму Мечиеву и Бекмурзе Пачеву в Атажукинском саду (ск. Х. Крымшамхалов и М. Тхакумашев), С.М. Кирову (ск. В. Славников, арх. Р. Палагашвили), К. Мечиеву в сел. Бабугент (ск. Х. Крымшамхалов, арх. М. Каркаев), Чеченову в В. Балкарии, погибшим в Великой Отечественной войне в сел. Урвань (ск. А. Денисенко), и в сел. Булунгу (ск. М. Горлов, арх. В. Бублик), «Первовосходителям» (ск. Х. Крымшамхалов, М. Тхакумашев, арх. В. Асанов) и многие другие.

Использование валунов, монолитных кусков скал, имитирующих кавказский ландшафт, также придавало произведениям кабардино-балкарских ваятелей местный колорит. Таких памятников множество: Пушкину в Нальчике, (ск. Н. Кузнецов-Муромский, арх. А. Тарарин), Г. Головко в г. Прохладном (ск. Х. Крымшамхалов, арх. Р. Палагашвили), воинский памятник, выполненный ск. А. Шекояном в сел. Плановское, надгробие К. Кулиеву в сел. Чегем (ск. М. Тхакумашев, арх. В. Бублик), памятник К. Кулиеву в Нальчике, на котором поэт изображен сидящим на природном камне, что вполне естественно, поскольку его образ всегда ассоциируется с камнем. Список можно продолжить: это и памятники водителям-фронтовикам, афганцам, пионерам-героям войны в г. Прохладном, памятник 50-летию ВЛКСМ в Нальчике.

Весьма своеобразны памятники Б. Фиапшеву и М. Лермонтову (ск. А. Гушапши), А. Соттаеву (ск. М. Узденова) и другие, в которых применен оригинальный прием: в тело цельных гранитных блоков врезаются вставки из другого по цвету материала, что также стало новым словом в монументальной скульптуре. Здесь речь идет не просто о новациях. В этих произведениях интуитивно отражено мировоззрение горцев. В любой национальной культуре есть антропогонический миф, объясняющий происхождение первопредка народа. По представлению индоевропейцев, человек произошел из праха, из земли; у калмыков появление первочеловека связано с деревом. Из нартского эпоса балкарцев и кабардинцев узнаем, что некоторые люди родились из чрева камня. Потому мотив слитности человека с камнем для местных скульпторов вполне естествен.

Теме смерти в мировом искусстве отведено значительное место. Интересна ее интерпретация в монументальной композиции С. Катони, иллюстрирующего стихи К. Кулиева: «Каждая пуля, выпущенная на войне, попадает в сердце материнское». Слова балкарца Кулиева скульптор рассматривает в культурном контексте другого народа. Образ погибшего воина, как бы вырванного с корнем из земли, соответствует представлению европейца о гибели человека. Для горцев же образ смерти связан не с вырванным с корнем деревом, а с камнем, сорвавшимся с утеса. Здесь можно вновь говорить о несовпадении этнических моделей мира европейцев и горцев. Работая над композицией, автор извлекает из глубинных фондов ментальной памяти национальный образ-концепт.

Отсутствие традиций изобразительного искусства заставляет местных художников постигать язык древних видов искусства кабардинцев и балкарцев. Они специально занимаются изучением Нартского эпоса, устно-поэтического творчества кабардинцев и балкарцев, архитектуры, декоративно-прикладного искусства, хореографии, материалов археологических раскопок и стремятся вербальным и иным образам найти изобразительный эквивалент. Не последнюю роль в становлении изобразительного искусства нашего края сыграло и обращение к историческому прошлому коренных народов, вообще национальной тематике. Были сделаны

и серьезные попытки отыскать культурные истоки своего народа в далеком прошлом, и на их основе создать национальную модель искусства. Этнический курсив современным произведениям искусства придают точно найденные типажи, характеры, темперамент горцев, наконец, стилистика произведений, не оставляющая сомнений в принадлежности к определенному народу не только героев, но и авторов этих работ.

Не остались в стороне от решения проблем местного, национального искусства не только кабардинские и балкарские, но и приезжие русские художники, которые стремились творчески усвоить то, что успели наработать представители коренных народов, пытались взглянуть на мир через призму видения мира кабардинцами и балкарцами. Они тоже нередко использовали национальные орнаменты, кавказские архетипы, но не как древнейшие матрицы художественного сознания горцев, а в сильно стилизованном виде. Тем не менее ряд их произведений выполнен на высоком художественном уровне и вполне удачно вписывается в контекст национального искусства.

История монументально-декоративной пластики Кабардино-Балкарии берет отсчет с 1936 г. с композиции «Танцующая пара» русского ваятеля Василенко, установленной на аттике кинотеатра «Зимний» в Нальчике, переименованного после войны в «Победу». Скульптор, приехавший в Кабардино-Балкарию, чтобы полюбоваться красотой гор, был так очарован ими, что задержался здесь надолго, чтобы выполнить заказ Министерства культуры КБАССР. Ему предстояло изваять две скульптуры для фасада кинотеатра. Но вместо того, чтобы установить скульптуры в нишах на уровне человека, как ему было заказано, он предпочел их вознести вверх. По воспоминаниям солистки ансамбля песни и пляски Жануси Аталиковой, послужившей ему моделью для образа танцовщицы, в горах скульптора особенно поразила красота полета орлов, которых он наблюдал в непосредственной близости. Свои впечатления он стремился выразить в скульптуре, придав ей орнитогенный характер. Он создал образы танцоров, движения рук которых напоминают взмахи крыльев птиц, воспаряющих в небо. Как равнинный житель, Василенко привык смотреть на птиц почтительно, снизу. Потому с закономерностью, присущей родному народу, он воссоздает в этом произведении собственную, русскую картину мира.

У ваятелей-горцев совсем иной подход к созданию орнитогенных образов: у них нет онтологической дистанции между человеком и птицей, потому что жизненное пространство горца совпадает с «зоной» обитания птиц. У нас многочисленные придорожные, фонтанные или парковые декоративные скульптуры горных орлов с раскинутыми крыльями, изображенные в момент приземления либо взлета (чаще всего это были тиражные образцы), устанавливались на природных камнях, расположенных довольно низко. Здесь наглядно видно различие пространственных моделей жителей гор и равнин. Это пример того, что образное воплощение у представителей разных народов имеет свои особенности, обусловленные историко-культурными, этнопсихологическими, географическими факторами.

Увлечение орнитогенными образами присуще многим кабардино-балкарским скульпторам. Особенно притягательной эта тема оказалась для С. Катони. В памятнике защитникам Отечества в г. Баксане движение руки окрыленного победой солдата подхвачено направлением экспрессивно трактованных летящих складок плащ-палатки, которой вполне осознанно автор придает очертания крыла птицы— эдакой пластической метафоры. Скульптурная композиция в сел. Шордаково представляет собой статую женщины и как бы парящую в воздухе рядом с ней кавказскую бурку. Хотя С. Катони в этом случае изображает бурку без ее владельца, она воспринимается не как простой элемент кавказской одежды, а как материальное напоминание о погибшем человеке, о солдате, «унесенном ветром» войны.

Надо сказать, что и в некоторых других произведениях Катони использует свой фирменный знак — летящую бурку. На фризе памятника, посвященного 115-й Кавдивизии (сел. Кенже), изображена атака конницы. Это даже не бешеная скачка, а стремительный полет коней, когда бурки и плащ-палатки взлетают в воздух и несутся вслед за всадниками, создавая своеобразные бурные, экспрессивные ритмы и узоры. Вторая тема этого ансамбля — память о погибших. Ее С. Катони воплотил в образе скорбящей женщины с поникшими плечами и низко опущенной головой. Автор удачно использует контраст динамичного движения отряда и застывшей в горе женщины. Горянка стоит перед вратами, конфигурация которых напоминает мусульманский надмогильный памятник. В их проеме силуэтно вырисовывается фигура горца в бурке и папахе, символизирующего погибших в войне, как бы «ушедших по ту сторону жизни». Во всех этих произведениях, конечно, важна не сама бурка, а ассоциации, которые она вызывает.

В монументальном искусстве Кабардино-Балкарии наиболее распространенными мотивами остаются кавказская бурка и камень, особенно, когда речь идет о мемориальной скульптуре. С успехом эти детали используют как представители коренных народов, так и русские мастера резца. Бурка украшает скульптурные образы общественно-политических деятелей, писателей, героев войны. К примеру, Хамид Савкуев изваял образ президента КБР В.М. Кокова сидящим на валуне с накинутой на плечи буркой, хотя тот никогда ее не носил. Ваятель вовсе не стремился эксплуатировать национальную идентичность своего героя. Одежда используется не в бытовом назначении, а как архетип, как изобразительный знак народа. Эта деталь композиции несет большую смысловую нагрузку, способствует решению чисто художественных задач.

Для своего времени такие авторы, как Г. Бжеумыхов, и Х. Крымшамхалов, создали подлинно новаторские произведения, используя современные острые средства выразительности и одновременно создавая этническое по духу искусство. Работая над образом средневекового адыгского мыслителя Жабаги Казаноко, Г. Бжеумыхов апеллирует к египетскому канону, но создает истинно национальное произведение. Тонко чувствуя специфику искусства Древнего Египта, используя некоторые его формальные особенности, Г. Бжеумыхов сумел отрефлексировать их в собственную художественную философию. Он разработал свою концепцию произведения, нашел своеобразную пластическую манеру. Творение ваятеля как бы материализует целый пласт адыгской национальной культуры, адыгской национальной философии, который до сих пор не был зримо представлен в монументальном образе. Уникальный угол зрения он сумел найти в историческом портрете просветителя Шоры Ногмова. Портрет выполнен в явно архаизированной манере и композиционно близок надмогильным памятникам кабардинцев. В нерасчлененности, обобщенности объемов, в плоскостности решения, аксессуарах: газырях, кинжале, черкеске – ярко выражены регионально-национальные черты. Это примеры того, как при использовании международного языка современного искусства и одновременно ориентации на исконные для адыгов образы можно создать произведение, близкое по духу своему народу.

Комплекс «Односельчанам, павшим на фронтах Великой Отечественной войны», возведенный в сел. Булунгу (ск. М. Горлов, арх. В. Бублик) состоит из протяженной каменной стены, выложенной в балкарском стиле, и пятиметрового обелиска, напоминающего по виду антропоморфную надгробную стелу, бытовавшую у балкарцев с языческих времен и не утратившую своей актуальности и после исламизации Балкарии. Правда, она имеет не цельный характер, а сквозной проем, в котором четко вырисовываются силуэты двух скорбящих женщин. Архитектурный костяк памятника обогащается не только горельефами, но и декоративным убранством на его торцах — орнаментами с изображением символико-знаковых атрибутов, подобных тем, что украшали традиционные надмогильные памятники

балкарцев и несли информацию о роде занятий, профессии умерших. Используя собственный способ кодирования, автор несколько переосмысливает иконографию этих образцов. Словарь изобразительных мотивов у Горлова весьма обширен. Здесь можно встретить эмблематические знаки ислама –звезду и полумесяц, древние солярные и астральные знаки, родовые тамги, зооморфные и растительные орнаменты, предметы бытового и ритуального характера, одежду и аксессуары, что еще больше связывает памятник с архетипами балкарского народного искусства. Изобразительное поле обелиска включает также два тондо с графически проработанным текстовым материалом. Одна из надписей на балкарском языке, вписанная в круговую композицию, имитирует арабскую вязь. Автором сделано все, чтобы, на его взгляд, произведение соответствовало национальному стилю. Можно перечислить множество и других скульптур мемориального характера, в которых используется мотив надгробного памятника кабардинцев и балкарцев.

Традиционно в русской и советской монументальной скульптуре скорбь народа по погибшим в войне символизирует Родина-мать. Но авторы памятника «Скорбящий горец» (ск. Х. Крымшамхалов и арх. М. Каркаев) отошли от подобной трактовки этого понятия, создав мужской образ, поскольку по-балкарски Родина звучит как Атажурт — земля отцов, то есть Отечество. И потому вполне в соответствии с менталитетом балкарского народа этот образ авторы воплотили в фигуре горца. Монумент, вознесшийся ввысь на пятнадцать метров, имеет мощные геометрические объемы. Авторы, прежде всего, учитывали уникальную функцию бурки. Она не только род одежды, произведение декоративно-прикладного искусства, но и архитектуры, поскольку в походах кавказцы использовали ее в качестве палатки. Фигура «Скорбящего горца», разделенная рустом, в какой-то степени напоминает и традиционную балкарскую каменную кладку. Пластические находки автора обогатили язык скульптуры Кабардино-Балкарии, расширили ее образные возможности, привнесли в нее новые стилевые приемы и средства выразительности.

В какой-то мере по этому пути пошел и В. Славников в памятнике павшим героям, возведенном в сел. Черниговское, изваяв скорбную и одновременно величественную фигуру мужчины, а не принятый в русской скульптуре образ скорбящей женщины-матери. Автор принадлежал к тем художникам, кто твердо стоит на почве русского этномира, но порой выходил за его границы, чтобы окунуться в культуру другого народа и, постигнув его специфику, создать на ее основе значительные произведения.

Кавказские горцы, по определению французского философа Гастона Башляра, относятся к асцензиональным народам, наделенным «комплексом высоты», для которых восхождение на гору — обыденное событие. Даже с примитивным альпинистским снаряжением они без страха шли покорять высочайшую вершину Европы Эльбрус. Не удивительно, что для горцев-героев Х. Крымшамхалова и М. Тхакумашева («Первовосходители». В. Баксан) это не сулит особых страхов и переживаний. Один из них — Ахия Соттаев — изображен в момент, когда спокойно, деловито выбирает маршрут восхождения.

Другой альпинист – Килар Хаширов – изображен в момент, когда он взошел на вершину Эльбруса. Однако мы не замечаем у Хаширова того бурного ликования, которое обычно испытывают покорители гор. Килар предстает перед зрителем не предельно уставшим после восхождения человеком, а спокойным и удовлетворенным, как после обыденного труда, поскольку для горцев это не было подвигом или особым достижением.

Я не считаю собственную раскодировку культурного различия между горцами и другими народами единственно возможной. Конечно, их своеобразие легче заметить визуально, чем передать вербально. Выявление специфики горского

мировидения, то есть, по определению Г. Гачева, «какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир» — задача весьма сложная⁴. Искать «национальное» в изобразительном искусстве, а особенно в монументальной пластике —занятие неблагодарное, поскольку нигде автор так не зависит от заказчика, как здесь.

Конечно, многие образцы нашей скульптуры весьма напоминают общеизвестные или менее известные образцы русского или советского происхождения, с оглядкой на которые творили наши ваятели. Но нельзя не отметить, что есть среди их работ и весьма своеобразные, даже уникальные, отличающиеся не только от произведений российских авторов, но и творений их коллег из других северокав-казских республик, живущих в сходных с ними природных условиях.

Во всем мире сегодня люди начинают ощущать потребность познать свои корни, сохранить самобытность. Без самопознания и самоуважения невозможно познать и научиться уважать других. В Декларации принципов международного культурного сотрудничества сказано: «Каждая культура обладает достоинством и ценностью, которые следует уважать и сохранять». О неповторимости каждой национальной культуры говорит и Г. Гачев: «В оркестре человечества каждый народ, как инструмент, ценен незаменимостью своего ума-умения: гобой дорог скрипке тем, что он умеет то, чего она не умеет»⁵.

Сегодня происходит обмен различными технологиями, информацией, идеями в масштабах всего мира, что ведет к стиранию культурных различий между этносами. В последние десятилетия более интенсивно идет осмысление этнических особенностей народов; культура каждого народа анализируется с позиций, какую национальную сущность она может явить миру и какие ценности мировой цивилизации могут обогатить ее духовное наследие. В полной мере это касается и культуры Кабардино-Балкарии.

Примечания

- 1. ЦГА КБР. Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 7.
- 2. Семейный архив вдовы Ф. Калмыкова В.Х. Калмыковой.
- 3. Бердяев Н.А. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 96.
- 4. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М., 2003. С. 16.
- 5. Там же. С. 239.

J.M. Appaeva

MONUMENTAL SCULPTURE OF THE KABARDINO-BALKARIA. THE GENESIS OF ETHNIC STYLE

Article is devoted to the Genesis fine art of Kabardino-Balkaria. His appearance was due to the policies of the Soviet authorities, carried out in 20–30-ies. Local artists have managed to break the many influences received from outside and laid the Foundation of the local artistic tradition.

Keywords: ethnic style, graphic arts, monumental plastic, national culture.

А.Д. Прыткова

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ РАБОТНИКОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СРОЧНОГО ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с ограничением прав работников при заключении срочного трудового договора. На основе анализа судебной практики предлагаются рекомендации по недопущению ущемления прав работников.

Ключевые слова: перечень оснований, срочный трудовой договор, трудовые отношения.

Трудовой договор является основным документом, заключаемым между работодателем и работником при поступлении на работу. В зависимости от срока различают договор, заключенный на неопределенный срок, и срочный трудовой договор (ст. 58 Трудового кодекса $P\Phi$)¹.

В Рекомендации Международной Организации Труда от 1982 г. № 166 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» указывается на необходимость ограничения использования срочных трудовых договоров: «Необходимо предусмотреть соответствующие гарантии против использования договоров о найме на определенный срок, цель которых — уклониться от предоставления защиты, предусмотренной Конвенцией 1982 г. о прекращении трудовых отношений и настоящей Рекомендацией»².

В ст. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» указывается, что принимая решение об уместности и объективности заключения срочного трудового договора с работником, необходимо учитывать, что договор такого типа оформляется в случае, если трудовые отношения между работником и работодателем не могут быть оформлены на неопределенный срок с учетом условий предстоящей работы или особенностей ее выполнения³.

В связи с этим срочный трудовой договор рассматривается как исключение из общего правила, согласно которому с работником следует заключать трудовой договор на неопределенный срок, т.к. он в большей мере соответствует интересам защиты трудовых прав работников⁴. Порядок и условия заключения срочного трудового договора регулируются ст. 59 ТК РФ.

Нормы Трудового кодекса РФ, воспрещающие оформлять срочный трудовой договор без достаточных оснований для этого, а также, например, с целью уклонения от предоставления прав и гарантий, которыми пользуются работники, работающие по трудовому договору, заключенному на неопределенный срок, полностью согласуются с международным правом.

Инициатива ограничения трудовых отношений определенным сроком чаще принадлежит работодателю. В этих условиях необходимо на законодательном уровне гарантировать права работника, с которым заключен трудовой договор на определенный срок.

Безосновательное оформление трудового договора на определенный срок является одним из наиболее частых нарушений трудовых прав работников. В ч. 1 ст. 59 ТК РФ перечислены случаи, в которых может быть заключен срочный трудовой договор. В ч. 2 ст. 59 ТК РФ дан перечень возможных оснований,

в соответствии с которыми срочный трудовой договор может быть оформлен по соглашению сторон. Тем не менее на практике имеют место случаи, когда срочный трудовой договор заключается в отсутствие подобных оснований. В этом случае возникает вопрос правомерности увольнения в связи с окончанием срока трудового договора (п. 2 ч. 1 ст. 77 ТК РФ). Имеется судебная практика, согласно которой увольнение в такой ситуации является неправомерным.

Так, например, П. обратился в суд с иском к ОАО «АтомпромБезопасность» о признании трудового договора заключенным на неопределенный срок, восстановлении на работе, взыскании оплаты времени вынужденного прогула, судебных расходов, компенсации морального вреда, в обоснование указанных требований указав, что он был принят на должность директора обособленного подразделения по срочному трудовому договору. По мнению истца, срочный трудовой договор был заключен с ним в нарушение требований ст. 58–59 ТК РФ, и законных оснований для установления срока трудового договора, заключенного с ним, не имелось⁵.

Судом было принято решение о незаконности увольнения. Требования работника были удовлетворены. Принимая решение, суд исходил из того, что на основании положений ч. 2 ст. 59 ТК РФ срочный трудовой договор может быть оформлен по соглашению сторон с руководителями, заместителями руководителей и главными бухгалтерами предприятий независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности. В данном случае у работодателя не имелось оснований для заключения срочного трудового договора с руководителем обособленного подразделения. Поскольку указанный договор заключен с нарушением законодательства, его расторжение в связи с истечением срока незаконно. Судом было принято определение о признании трудового договора заключенным на неопределенный срок, восстановлении истца на работе, взыскании оплаты времени вынужденного прогула, судебных расходов, компенсации морального вреда.

Наряду с этим анализ судебных постановлений апелляционной инстанции показывает, что нижестоящие суды иногда принимают решения в пользу работодателя, основываясь на неправильном толковании норм материального права.

Еще одним частым нарушением является несоблюдение работодателем обязательных условий, подлежащих включению в срочный трудовой договор. При выявлении нарушения Государственная инспекция труда вправе выдать предписание для его устранения либо привлечь работодателя к административной ответственности⁶.

В связи с этим важно отметить, что помимо общих правил, установленных ст. 57 ТК РФ, при заключении срочного трудового договора в такой договор следует включить два дополнительных обязательных условия:

- о причине и основаниях заключения срочного трудового договора со ссылкой на соответствующую статью Трудового кодекса;
 - о сроке действия договора.

Не менее важным является вопрос о возможности продления срока действия трудового договора, заключенного на определенный срок. По общему правилу продлевать такие договоры нельзя.

Вместе с тем имеются исключения, зафиксированные в законодательстве, согласно которым работодатель может, а в ряде случаев — обязан продлить срок договора 7 .

В первом случае – это процедура избрания работника вуза по конкурсу на замещение ранее занимаемой им по срочному трудовому договору должности научно-педагогического работника (ч. 8 ст. 332 ТК РФ), а также продление договора со спортсменами. Во втором случае – пролонгация завершающегося срочного

трудового договора до окончания беременности женщины по ее письменному заявлению и медицинской справке, подтверждающей состояние беременности (ст. 261 ТК РФ).

В настоящее время в России существенно ухудшилась ситуации на рынке труда. Вице-премьер правительства РФ Ольга Голодец в выступлении на открытии XVI Апрельской международной конференции по социальному и экономическому развитию отметила, что количество предлагаемых вакансий по сравнению с декабрем 2014 г. сократилось более чем вдвое⁸. Президент России В.В. Путин на совещании о ситуации на рынке труда подчеркнул, что «нужно очень бережно относиться к высококвалифицированным рабочим кадрам, их нельзя потерять»⁹. В этих условиях, на наш взгляд, особенно важно соблюдать требования закона при оформлении трудовых отношений, не допускать ущемления прав работников, в том числе путем заключения срочных трудовых договоров.

Для недопущения ущемления прав работников, связанного с заключением срочных трудовых договоров, на наш взгляд, необходимо:

- ограничить перечень оснований для заключения срочного трудового договора только законными обязательными основаниями, предусмотренными ТК РФ и иными федеральными законами, отказавшись от договорных оснований. В подобных случаях возможно использование гражданско-правового договора;
- ужесточить наказание работодателей за необоснованное заключение срочных трудовых договоров;
- в допустимых законодательством случаях следует использовать возможность внесения изменений в трудовой договор, в том числе в части изменения срока его окончания.

Примечания

- 1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2015, с изм. от с 02.05.2015).
- 2. Рекомендация № 166 Международной организации труда «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» (Принята в г. Женеве 22.06.1982 на 68-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957—1990. Т. П. Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 1991—1996.
- 3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (ред. от 28.09.2010).
- 4. Особенности трудового договора с отдельными категориям работников: научно-практическое пособие / Под ред. К.Н. Гусова. М.: Проспект, 2011. 176 с.
- 5. Определение Московского городского суда от 18.12.2013 № 4г/8-12759 «В передаче кассационной жалобы на судебные акты по делу о признании трудового договора заключенным на неопределенный срок, восстановлении на работе, взыскании оплаты вынужденного прогула для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано, так как при вынесении оспариваемых судебных актов существенных нарушений норм материального или процессуального права допущено не было» // СПС. «КонсультантПлюс».
- 6. Федченко О. Срочные трудовые договоры // Актуальная бухгалтерия. 2014. № 10. С. 47–51.
 - Там же
- 8. В России вдвое сократилось число вакансий // http://www.rg.ru/2015/04/07/ vakansiisite.html (дата обращения: 08.04.2015).
- 9. Совещание о ситуации на рынке труда // http://www.kremlin.ru/events/ president/ news/49059.02.04.2015 (дата обращения: 08.04.2015).

A.D. Prytkova

LIMITATIONS OF THE RIGHTS OF WORKERS IN THE CONCLUSION FIXED EMPLOYMENT AGREEMENT

In this article the problem questions about limitation of rights of workers in conclusion of fixed employment agreement are examined. According to judiciary law recommendations to exclusion of infringement of rights are proposed.

Keywords: list of reasons, fixed employment agreement, personnel management.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 494.3-3

М.З. Улаков, Л.Х. Махиева

ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

В статье делается обзор различных типов изданных словарей карачаево-балкарского языка. Отмечается, что за более чем столетний опыт составления и издания словарей различных типов карачаево-балкарский язык внес значительный вклад в теоретическую и практическую тюркскую лексикографию. В этом аспекте особо выделятся трехтомный «Толковый словарь карачаево-балкарского языка», который имеет довольно высокий рейтинг.

Ключевые слова: лексикография, толковый словарь, орфографический словарь, терминологический словарь, словарь омонимов, словарь синонимов, школьный словарь.

Еще в XVII—XVIII столетиях словари в Европе стали отождествляться с суммой всех знаний той или иной эпохи. Несколько иначе сложилась ситуация в России, где не сразу словари снискали уважение и авторитет. Когда возникла проблема «защиты русского языка» и его ресурсов, именно словари оказались на первом месте. С появлением письменности национальные языки тоже последовали этим традициям, и такое понимание обусловило господствующую концепцию слова. И сегодня во всем мире снова самыми востребованными изданиями остаются словари и энциклопедии.

Лексикография как теория и практика создания словарей — динамично развивающаяся наука. Она наименее изученный раздел карачаево-балкарского языкознания. Ее история насчитывает немногим более 100 лет.

Первые фиксации карачаево-балкарских слов произведены в конце XIX в., и ученые связывают их с именем народного учителя А.И. Кириченко, который составил «Русско-карачаевский словарь»¹, хранящийся по сей день в рукописи, а также словарями-приложениями к «Кратким очеркам по грамматике языка карачаевцев и балкарцев»². К дореволюционному периоду относится «Краткий словарь балкарского языка» Немета³, а также работа Н.А. Караулова⁴.

С созданием письменности в первых общеобразовательных школах стала ощущаться острая нужда в двуязычных словарях, особенно в русско-карачаевских и русско-балкарских. Первыми такими словарями явились «Тылмач. Русско-карачаевский словарь» У И. Акбаева, «Русско-балкарский разговорный справочник» В.П. Антонова-Саратовского и «Русско-карачаевский словарь» Х.О. Лайпанова и Х.Т. Тохчукова. Эти и другие переводные школьные словари и разговорники были небольшими по объему. Отбор русских слов для них осуществлялся произвольно, и в подаче материала не было системы. Несмотря на это, «они сослужили добрую службу — помогали в изучении как русского, так и родного языка, в ликвидации неграмотности» В.

Значимой лексикографической работой довоенного периода является «Русскокарачаево-балкарский терминологический словарь» объемом в 15 авт. листов, составленный в 1937 г. коллективом авторов под руководством У.Дж. Алиева. Но этот ценный труд, к сожалению, до сих пор не издан.

Двуязычные словари

Наиболее интенсивный характер словарная работа приняла начиная с 1957 г., когда вся лексикографическая деятельность была сконцентрирована в созданных при Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте (КЧНИИ) и Кабардино-Балкарском институте истории, филологии и экономики (КБИИФЭ) специальных секторах по изучению карачаево-балкарского языка. Так, сектор языков КЧНИИ под руководством Х.И. Суюнчева выпустил «Русско-карачаево-балкарский словарь» и «Карачаево-балкарско-русский словарь». Эти работы внесли значительный вклад в карачаево-балкарскую лексикографию.

Тем не менее названные словари во многом не удовлетворяют возросшим требованиям к этому роду справочной литературы. В своих исследованиях 10 Ж.М. Гузеев отмечает, что первый из них составлен на основе готового русского словника без предварительного собирания лексики карачаево-балкарского языка — перевод с русского на карачаево-балкарский язык во многих случаях осуществляется не путем подбора лексического эквивалента, а описательно, что снижает его практическую ценность.

Бросается в глаза, что при отборе слов для «Карачаево-балкарско-русского словаря» составители также не опирались на определенную проверенную картотеку, отражающую лексику карачаево-балкарской современной художественной и научной литературы. Основной базой для создания этого словаря служил лишь названный «Русско-карачаево-балкарский словарь». Это наиболее слабая сторона словаря. Поэтому в него попало большое количество малоупотребительных и даже неупотребительных диалектных, просторечных слов, архаизмов и узкоспециальных терминов. Другая слабая сторона словаря заключается в том, что приблизительно каждая четвертая реестровая единица не является словарной, так как она не слово, а его нелексикализованная грамматическая форма. Таким образом, в словарь включено не около 30 000, как заявлено, а лишь около 20 000 лексических и фразеологических единиц, тогда как словник «Толкового словаря современного карачаево-балкарского языка»¹¹ (ТСКБЯ) содержит свыше 35 000 подобных единиц. Следовательно, в «Карачаевобалкарско-русском словаре» недостаточно отражена даже основная общеупотребительная лексика современного карачаево-балкарского литературного языка.

Недостатком названных двуязычных словарей следует считать и то, что в первом из них русские глаголы неопределенной формы на карачаево-балкарский язык переведены формой инфинитива -pzъa/-pze (вертеть «бурургъа», работать «ишлерге»), а во втором эта форма зарегистрирована как словарная, т.е. как заголовочное слово (къайтыргъа «вернуться», ишлерге «работать»). Как и в некоторых тюркских языках, в карачаево-балкарском языке форма инфинитива самостоятельно не употребляется. Поэтому в карачаево-балкарском языке, как и в караимском, киргизском, казахском, якутском, уйгурском, ногайском и др. тюркских языках, словарной единицей обычно считается форма основного залога, которая не имеет специального форманта, например: кар.-балк. бар- «идти», казах. айт-«говорить, сказать», кирг. кöтöр- «поднимать, поднять» и т.п.

Несмотря на указанные недостатки, эти двуязычные словари были новой ступенью в развитии карачаево-балкарской лексикографии. Они сыграли важную роль не только в изучении русского и карачаево-балкарского языков, в совершенствовании переводческого дела, но и в дальнейшем существенном развитии карачаево-балкарской лексикографии. Данные словари восполняют большой пробел в лексикографической практике, которая к настоящему времени достигла определенных успехов и накопила значительный опыт.

Толковый словарь

Самым значительным достижением карачаево-балкарской лексикографии является составленный в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований «Толковый словарь карачаево-балкарского языка». Трехтомный толковый словарь (ТСКБЯ) — первый толковый словарь современного карачаево-балкарского языка. Появление этого труда стало событием в культурной жизни республики и знаменует собой качественно новый этап в карачаево-балкарской лексикографии.

Главная задача словаря — наглядная демонстрация лексического богатства современного карачаево-балкарского языка и описание устоявшихся норм его употребления. Лексической базой словаря послужила миллионная картотека, составленная из материалов, извлеченных из произведений современных балкарских и карачаевских писателей, фольклора и отчасти — из периодической печати путем их сплошного расписывания. Кроме того, сектором балкарского языка для пополнения картотеки неоднократно организовывались экспедиции по собиранию лексики.

Ценный лексикографический труд включает в себя общеупотребительную лексику балкарцев и карачаевцев, а также некоторые диалектные слова, в первую очередь, такие, которые имеют прямое отношение к истории народа и его языку. Некоторые из них не имеют эквивалентов в литературном языке. Включение последних в словарь мотивируется необходимостью вовлечения их в литературный язык. Здесь определенное место занимают просторечные и устарелые слова, встречающиеся в литературных источниках; более полно представлены фразеологизмы, неологизмы, заимствованные слова, а также общеупотребительная терминология.

При составлении ТСКБЯ карачаево-балкарские лексикографы опирались на богатый опыт русской одноязычной лексикографии, а также критически использовали толковые словари тюркских и других групп языков.

В данном словаре впервые в истории тюркской одноязычной лексикографии все словарные единицы и их значения переводятся на русский язык. Преимущество толкового словаря с элементами перевода на русский язык над другими тюркскими словарями, на наш взгляд, заключается в следующем: 1) такой словарь совмещает два типа словаря: переводной и толковый, 2) перевод словарных единиц и их значений дает возможность пользоваться словарем не только носителям карачаево-балкарского языка и специалистам тюркских языков, но и специалистам других языковых групп.

Данный трехтомный словарь получил высокую оценку среди специалистов¹², а также имеет широкую популярность в тюркоязычном мире.

Орфографические словари

Как известно, роль орфографического словаря в повышении грамотности, культуры речи очень велика. В этой связи большое внимание уделяется вопросам совершенствования орфографии и в тесной связи с этим и составлению орфографических словарей. К настоящему времени карачаево-балкарский язык располагает орфографическими словарями и правилами орфографии и пунктуации балкарского языка¹³, к которому приложены списки географических названий, балкарских фамилий, мужских и женских имен.

Полный «Орфографический словарь карачаево-балкарского языка» [Къарачай-малкъартилни орфография сёзлюгю]¹⁴, составленный Ж.М. Гузеевым и Б.Т. Созаевым, содержит 63 000 слов и их форм. Помимо слов (лексических единиц), в него вошли те грамматические их формы, правописание которых не совпадает с их произношением.

Терминологические словари

Первые терминологические словари карачаево-балкарского языка созданы до изучения терминологии как части лексики, поэтому в научном отношении они имеют много недостатков. Сказывается и отсутствие принципов их составления. Это «Русско-балкарский политико-терминологический словарь» [Орус-малкъар политика-терминология сёзлюк] Х.Х. Кациева и Х.С. Малкондуева, «Русско-карачаевский словарь общественно-политических терминов» («Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии» П.С. Рототаева. Они по объему небольшие (3000–5000 слов) и включают лишь наиболее употребительные в карачаево-балкарском языке термины.

Полным и отвечающим современным требованиям является словарь «Карачаево-балкарские географические термины» 18 С.А. Хапаева, вышедший в 2002 г. под научной редакцией докторов филологических наук, профессоров Ж.М. Гузеева и Э.М. Мурзаева. В нем термины даются в карачаево-балкарско-русской форме (къшлыкъ – кышлык карачаево-балкарское, русское). Если существуют карачаевский и балкарский варианты, то один из них указывается в скобках (джол – карач.); (жол – балк.). Большинству терминов дана этимологическая характеристика. В случаях, когда этимология сомнительна, делается ссылка на авторов, изучающих данный географический термин. В случаях же нечетко установленного смыслового значения делается оговорка («возможно», «видимо» и др.). После этимологии для более распространенных в России и других странах терминов дается параллель в других языках с их значением. В словаре представлен список основных информантов и респондентов.

Словарь адресован в первую очередь географам, картографам, землеустроителям, геологам, краеведам, школьникам и преподавателям школ и вузов, и, конечно, топонимистам и лингвистам.

Особая ценность словаря заключается в том, что он является большим подспорьем в доказательстве древности проживания карачаевцев и балкарцев на Северном Кавказе и их булгарско-аланском происхождении.

«Карачаево-балкарско-русский словарь лингвистических терминов»¹⁹, составленный М.З. Улаковым и Л.Х. Махиевой, является толковым лексикографическим трудом. В него включены все термины, представленные в лингвистической литературе, начиная с письменного периода его развития, в том числе и те из них, которые были употреблены авторами, но уже вышли из языкового актива. Кроме того, в Словаре описаны варианты и синонимы терминов, которые существовали короткое время и не прижились в языке. В стремлении унифицировать лингвистическую терминологию карачаево-балкарского языка составители использовали сведения из грамматик различных авторов.

Включение в Словарь редко употребительных, а иногда и не употребляемых в современном языке, а также терминов-неологизмов связано с незавершенностью процесса формирования терминосистемы и закрепления каждого слова в контексте. Редкая встречаемость аббревиатур в нем объясняется неупорядоченностью их создания до сих пор. При выборе двух равнозначных терминов предпочтение отдается тому из них, который частотен в употреблении, более распространен в учебной практике.

Поскольку Словарь имеет учебную направленность, не все значения терминов выявлены, основное внимание акцентировалось на тех их значениях, которые способствуют лучшему восприятию конкретного учебного лингвистического материала.

Учебные словари

Начиная с конца 60-х гг. XX в. составлению учебных словарей уделяется все больше внимания. Так, в 1970-м и 1998 г. составлены орфографические, в

1984-м и 1994 г. – фразеологические, в 1992-м и 2003 г. – двуязычные, в 1998-м и 2008 г. – терминологические, в 2003 г. – толковый словари. Некоторые из них переиздавались неоднократно, например, «Школьный русско-балкарский словарь» ²⁰ А.А. Жаппуева, Л.Ж. Жабеловой, У.А. Жулабова, И.М. Отарова и М.З. Улакова.

«Школьный орфографический словарь балкарского языка» [Малкъартилнишкол орфография сёзлюгю]²¹ рассчитан на учащихся начальных классов и содержит свыше 6000 слов, встречающихся в произведениях художественной литературы, которые изучаются в этих классах. Слова, заимствованные из русского языка и через него — из других языков, снабжены ударением.

«Учебный орфографический словарь балкарского языка» [Малкъартилниокъуу орфография сёзлюгю]²² Ж.М. Гузеева и Б.Т. Созаева содержит 33 000 слов. Поскольку данный словарь является наиболее полным, им пользуются не только школьники и студенты, но и работники издательств, журналисты, писатели и все, кто пишет на балкарском языке.

В словарь включено определенное количество карачаизмов: женгилде, жакъла, дибидик, баппакъ и др. Помимо литературных, в словарь вошли диалектные, устарелые, просторечные слова, встречаемые в художественных произведениях и периодической печати.

В 1984-м и 1994 г. вышли в свет школьные фразеологические словари: «Фразеологический словарь карачаевского языка» [Къарачайтилни фразеология сёзлюгю]²³ И.К. Текеева и «Школьный фразеологический словарь балкарского языка» [Малкъартилни школ фразеология сёзлюгю]²⁴ С.К. Башиевой и З.К. Жарашуевой. Как отмечают авторы, первый словарь содержит 3000, а второй – около 1500 ФЕ. В действительности же количество фразеологизмов в первом словаре преувеличено примерно втрое за счет пословиц, поговорок, словосочетаний, терминов и других языковых штампов, не имеющих отношения к фразеологии.

Второй словарь имеет неплохую научную базу. Здесь в основном выработаны критерии отграничения ΦE от схожих с ними языковых единиц, разграничения синонимичных и вариативных ΦE ; рассматриваются соотношение ΦE с частями речи, их синтаксические функции, стилистические особенности; некоторые ΦE получили также этимологическую характеристику. В целом вопрос установления границ фразеологии в данном словаре решен лучше, чем в первом.

В «Школьный русско-балкарский словарь» [Школ орус-малкъарсёзлюк]²⁵ вошло более 5000 широкоупотребительных литературных слов. Русские слова в нем представлены в самых употребительных значениях и снабжены примерами, показывающими их в наиболее характерном контексте. В незначительном количестве приводятся также широкоупотребительные фразеологизмы.

При отборе лексики во внимание принимались частотность слова, актуальность выраженного им понятия, способность вступать в сочетания с другими словами, словообразовательные возможности. Слова сопровождаются развернутой грамматической характеристикой: приводятся основные грамматические формы, позволяющие, например, воспроизвести склонение имени существительного или спряжение глагола.

Учитывая учебный характер словаря, глаголы совершенного и несовершенного вида даны с переводом (а не с отсылкой), что позволило показать, какими грамматическими конструкциями они могут переводиться на балкарский язык.

«Балкарско-русский школьный словарь» [Малкъар-орус школ сёзлюк]²⁶ Ж.М. Гузеева содержит около 6000 наиболее употребительных и актуальных слов, а также широко распространенных терминов, включенных в школьные учебники. Из архаизмов и историзмов в словарь вошли лишь те, которые связаны с историей, этнографией и культурой балкарцев.

В отличие от ТСКБЯ, нелексиколизованные залоговые формы, формы имени действия в данный словарь не включены, что можно считать одним из его достоинств.

Учитывая наличие школьных фразеологических словарей, в настоящее издание не включены и ФЕ.

«Школьный толковый словарь балкарского языка» [Малкъартилни школ ангылатмасёзлюгю]²⁷ составлен Ж.М. Гузеевым. В нем объяснены значения около 5000 слов. В соответствии с программой школьники должны научиться различать диалектные и литературные слова. В связи с этим в словарь из диалектизмов вошли более употребительные, встречающиеся в произведениях художественной литературы. Заимствованные из русского и из других языков через его посредство слова в словарь не включены, так как с ними, с их значениями учащиеся знакомятся в школьных толковых словарях русского языка. Как и в «Балкарско-русский школьный словарь», сюда из грамматических форм глаголов включены только те, которые лексикализованы.

По образцу ТСКБЯ данный словарь, помимо лексических, зарегистрировал и лексико-грамматические омонимы: *ахшы* I «хороший» (прилагательное) – *ахшы* II «хорошо» (наречие), *башха* I «другой, иной» (прилагательное) – *башха* II «отдельно, порознь» (наречие) – *башха* III «кроме, помимо, за исключением» (послелог).

В школьном курсе родного и русского языков стили речи занимают заметное место. Словарь должен способствовать их усвоению. Поэтому в нем стилистической характеристике слов уделено должное внимание.

Учитывая особую роль пословиц и поговорок в воспитании у школьников любви к родной культуре, к своему народу, к Родине, для подтверждения значений слов приведены не текстовые примеры из художественных произведений, а пословицы и поговорки.

Следует отметить, что карачаево-балкарская ономастика нашла отражение в ряде работ: Дж.Н. Коков, С.О. Шахмурзаев «Балкарский топонимический словарь» 28 ; «Справочник личных имен народов РСФСР» 29 , где список карачаево-балкарских имен составлен А.Х. Соттаевым.

Новой страницей в карачаево-балкарской лексикографии явился труд И.М. Отарова, А.Б. Габаевой «Русско-балкарский толковый словарь отраслевой лексики» Работа охватывает бытовые названия, лексику, связанную с сельским хозяйством, общественно-политическую терминологию, а также природоведческие, лингвистические, литературоведческие и математические термины. Вместе со словами общественно-политического характера в словарь включены термины философские, экономические, юридические, военные.

За последние годы в связи с разработкой системы словарей карачаево-балкарского языка на уровне современных требований особенно активизировался интерес к более глубокому изучению омонимических, синонимических и антонимических отношений в языке. В 2013 г. вышел «Словарь омонимов карачаево-балкарского языка» 31 Ж.М. Гузеева. Словарь оказывает определённую помощь учителям, студентам и учащимся при изучении омонимов. Сектором карачаево-балкарского языка КБИГИ завершено составление «Словаря синонимов карачаево-балкарского языка», фиксирующего свыше 1000 синонимических групп.

Таким образом, карачаево-балкарская лексикография, как и карачаево-балкарское языкознание, начала развиваться в послереволюционный период. 60-е гг. XX в. являются периодом разработки некоторых практических и теоретических вопросов лексикографии. Большинство словарей карачаево-балкарского языка составлено после 80–90-х гг. XX в. При этом более интенсивно развивается учебная лексикография, что, по нашим наблюдениям, характерно и для кабардино-черкесской лексикографии³².

За последние годы карачаево-балкарская лексикография обогатилась переводными словарями. Появление таких словарей имеет большое практическое и научное значение. Они служат справочным пособием для специалистов различных областей знаний. Однако, как уже отмечалось, несмотря на определенные

достижения лексикография продолжает оставаться наименее изученным разделом карачаево-балкарского языкознания. Ждут своего составления словари антонимов, паронимов, историзмов, неологизмов, речевого этикета, культуры речи, диалектологические, этимологические, словообразовательные, собственных имен, обратные и др. Накопив определенный теоретический и практический опыт по лексикографии карачаево-балкарского языка, специалисты активно продолжают готовить эти востребованные носителями языка и ученымитюркологами работы.

Примечания

- 1. Кириченко Н.И. Русско-карачаевский словарь. Рукопись объемом 5 а.л. 1897.
- 2. Prohle W. Balkarishe Studien 11. Keleti Szemle. T. XVI. Budapest, 1915–1916. P. 104–242.
- 3. *Nemeth G.* Kumiikishes und Balkarischer Worterverzeichnis. Keleti Szemle. T. XII. Budapest, 1911.
- 4. *Караулов Н.А*. Краткий очерк грамматики горского языка балкар // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1912. Т. 42.
- 5. *Акбаев И.А.* Тылманч. Орус-къарачай сёзлюк (Русско-карачаевский словарь). Батал-пашинск, 1926.
- 6. *Антонов-Саратовский В.П.* Русско-балкарский разговорный справочник. Нальчик, 1930. 160 с.
- 7. *Лайпанов Х.О.* Русско-карачаевский словарь для начальной школы. Микоян-Шахар. 1941.
 - 8. Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965. С. 5.
- 9. Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. М., 1989. 830 с.
- 10. Гузеев Ж.М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984. 156 с.
- 11. Толковый словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1996. Т. 1. 1016 с.; Нальчик, 2002. Т. 2. 1168 с.; Нальчик, 2005. Т. 3. 1157 с.
- 12. *Алимурадов О.А*. Принципы системной лексикографии и их приложение к описанию лексического состава карачаево-балкарского языка // Известия Кабардино-Балкарского научного центра. Нальчик, 2006. № 2 (16). С. 138–143.
- 13. *Ахматов И.Х., Гузеев Ж.М.* Малкъартилни орфография эм пунктуация жорукълары (Правила орфографии и пунктуации балкарского языка). Нальчик, 1991. 224 с.
- 14. *Гузеев Ж.М., Созаев Б.Т.* Орфографический словарь карачаево-балкарского языка (на балк.яз.). Нальчик, 1982. 568 с.
- 15. Кациев Х., Малкондуев Х. Русско-балкарский политико-терминологический словарь. Нальчик, 1961.
- 16. Русско-карачаевский словарь общественно-политических терминов. Черкесск, 1980, 172 с
- 17. Ротомаев П.С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. 99 с.
 - 18. Хапаев С.А. Карачаево-балкарские географические термины. Черкесск, 2002.
- 19. *Улаков М.З., Махиева Л.Х.* Карачаево-балкарско-русский словарь лингвистических терминов. Нальчик, 2008. 104 c.
- 20. Школьный русско-балкарский словарь (Орус-малкъар школ сёзлюк). Нальчик, 1992. 288 с.
- 21. *Гузеев Ж.М., Созаев Б.Т.* Орфографический словарь карачаево-балкарского языка (Малкъартилни школ орфография сёзлюгю). Нальчик, 1982. 568 с.
- 22. *Гузеев Ж.М., Созаев Б.Т.* Учебный орфографический словарь балкарского языка. Нальчик, 1999. 336 с.
- 23. Текеев И.К. Къарачайтилни фразеология сёзлюгю (Фразеологический словарь карачаевского язык). Черкесск, 1984.
- 24. *Башиева С.К., Жарашуева З.К.* Къарачай-малкъартилни школ фразеология сёзлюгю (Школьный фразеологический словарь карачаево-балкарского языка). Нальчик, 1994. 317 с.

- 25. Джулабов У.А., Жаппуев А.А., Отаров И.М., Улаков М.З. Школьный русско-бал-карский словарь (5000 слов). Нальчик, 2008. 408 с.
- 26. Гузеев Ж.М. Балкарско-русский школьный словарь (Малкъар-орус школ сёзлюк): около 6000 слов. Нальчик: Эльбрус, 2003. 240 с.
- 27. Гузеев Ж.М. Школьный толковый словарь балкарского языка (Малкъартилни школ ангылатма сёзлюгю): около 5000 слов. Нальчик, 2000. 304 с.
- 28. Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970. 170 с.
 - 29. Справочник личных имен народов РСФСР. С. 114-123.
- 30. Отаров И.М., Габаева А.Б. Русско-балкарский толковый словарь отраслевой лексики. Нальчик, 2000. 197 с.
- 31. Гузеев Ж.М. Къарачай-малкъар тилни омонимлерини сёзлюгю (Словарь омонимов карачаево-балкарского языка). М., 2013. 490 с.
- 32. *Бижоев Б. Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т.* Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик, 2013. 848 с.

M.Z. Ulakov, L.H. Makhiyeva

EXPERIENCE OF A PRACTICAL LEXICOLOGY OF THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Review of the published dictionaries of various types of Karachay-Balkar language is presented in this article. The authors note that for more than centenary experience of compiling and publishing of dictionaries of various types the Karachay-Balkar language madea considerable contribution to the theoretical and practical lexicography of Turkology. In this aspect the three-volume «Explanatory dictionary of Karachay-Balkar language» is outstanding.

Keywords: lexicography, explanatory dictionary, spelling dictionary, terminological dictionary, dictionary of homonyms, dictionary of synonyms, school dictionary.

Хьэвжокъуэ Л.Б.

КАВКАЗ ЗАУЭМРЭ ИСТАМБЫЛАКІУЭ ІУЭХУГЪУЭМРЭ КЪЭБЭРДЕЙ УСЫГЪЭМ КЪЫЗЭРЫХЭЩЫЖЫР

Мы щІэныгъэ тхыгъэм лъабжьэ хуэхъуащ тхыдэ Іуэхугъуэ ин – Кавказ зауэмрэ истамбылакІуэ Іуэхугъуэмрэ къэбэрдей усыгъэм къызэрыщыгъэлъэгъуэжар. Къэхутэныгъэм тегъэщІапІэ хуэхъуащ адыгэм и тхыдэм и напэкІуэцІ шынагъуэхэр къызыхэщыжу къэбэрдей усакІуэхэм я Іэдакъэ къыщІэкІа усэхэр. Апхуэдэуи, мы тхыгъэм гулъытэ хэха щыхуэщІащ зи гугъу тщІы Іуэхугъуэхэр лъэпкъ ІуэрыІуатэм къызэрыхэщыжым.

Хэзыгьэгьуазэ псальэхэр: усыгьэ, Кавказ зауэ, мухьэжыракІуэ, ІуэрыІуатэ, тхыдэ, уэрэд, усэ, поэмэ.

Адыгэхэр илъэсищэм щІигъукІэ зыхэта мафІаер льэпкъ ІуэрыІуатэм хъума щыхъуащ. ПсыикІыж гуауэшхуэр псалъэжьхэм, жыІэгъуэхэм, уеблэмэ, гъыбзэхэм къыхощыж. Апхуэдэуи, ІуэрыІуатэм ущрохьэлІэ «Истамбылыжьым имыкІыр — щІолІэ, икІар — йолІыхь»*; «Истамбыл къикІам дызэрагьэтІэхьужкъым» псалъэжьхэм; «Хы дыджым уихь е Псы дыджым уихь»** жыхуиІэ гыбзафэм. Мы гъыбзэр къежьащ адыгэхэм я хэкур ирагъэбгынэу Уэсмэн империем щагъэІэпхъуа лъэхъэнэм, абы ди хэкуэгъу куэд зэрыхэкІуэдар и лъабжьэу.

ИстамбылакІуэ Іуэхугъуэр, абы адыгэхэм къахудэкІуа насыпыншагъэхэр къыхэщыжу адыгэ ІуэрыІуатэм ущрохьэлІэ нэгъуэщІ уэрэд, гъыбзэ зыбжанэми. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщІэ, «Хьэжрэтхэм я уэрэд», «Хьэжрэтхэр», «Узун-Яйла щауса уэрэд», «ИстамбылакІуэ», «Зауэ уэрэдыжь», «ПсыикІыж гуауэшхуэ», «Хэкур добгынэ», «ИстамбылакІуэхэм я тхьэусыхэ», «Истамбыл икІыжахэм я тхьэусыхэ», нэгъуэщІхэри. Апхуэдэхэщ Тыркум Іэпхъуа мухьэжырхэм хамэ щІыпІэм щауса уэрэдхэри, псалъэм папщІэ: «Истамбыл уэрэд» («ИстамбылакІуэ уэрэд»), «Истамбыл гъуэгужьыр...»: а) «Истамбыл гъуэгу», б) «Адыгэ нып» жыхуиІэхэр.

XIX-нэ лІэщІыгьуэм и етІуанэ Іыхьэм адыгэ льэпкъыр гузэвэгъуэу зыхэхуар, хэщІыныгьэу игъуэтар зэплъыт хъун щыГэу къыщГэкІынкъым. ЦГыхур дунейм къызэрытехьэрэ «мухьэжыракГуэкГэ» еджэу тхыдэм къыхэна насыпыншагъэр зыхуэбгъэдэн къэхъуакъым. Ди лъэпкъ литературэми щыгъуэтыгъуейщ а Гуэхугъуэм имыгъэпГейтея, зы мащГэкГэ нэхъ мыхъуми адыгэр Кавказ зауэжьым зытригъэува «хьэдрыхэ гъуэгур» зи творчествэм къыхэмыщыж тхакГуэ, усакГуэ е драматург. Абыхэм я ГэдакъэщГэкГ тхыгъэ купщГафГэхэм я фГыгъэкГэ щГэблэщГэм деж нэхьэса мэхъу бгырыс льэпкъхэр хьэдэльэмыж зэтезыщГа Кавказ зауэжьым кърикГуа льапсэрыхыр. Ди литературэм и мызакъуэу, адыгэхэм я щхьэм кърикГуахэр гъуазджэми, щэнхабзэми, нэгъуэщГ льэпкъ литературэхэми къыщыгъэльэгъуэжащ.

ЦІыхубэр гъуэгу пхэнжым теша мыхъун, Іуэхум и пэжыпІэр зытетыр нахуэ къэщІын папщІэ лэжьыгъэшхуэ ирагъэкІуэкІащ бгырыс лъэпкъхэм я цІыху пэрытхэм. Абыхэм ящыщ зыт ПащІэ Бэчмырзи. Хамэ къэралхэм, къапщтэмэ,

^{*} Мыр джэгуакІуэшхуэу, цІыху акъылыфІэу щыта Уэкъуоу и псалъафэу хуагъэфащэ. И пщым истамбылакІуэхэм яхэту здришати, тыркухэм я зэхэтыкІэр игу иримыхьу яхуэусэри къэкІуэсэжащ, дунейм ехыжыхукІи и хэкум щыпсэужащ.

[«]Хы дыдж», «Псы дыдж» жыхуиІэхэр Тенджыз фІыцІэрщ.

Тыркум Іэпхъуэжа адыгэхэм я Іуэху зэрыщыт зэригъэщІэну Бэчмырзэ пщэрылъ зыщищІыжри а мурадым папщІэ Тыркум кІуауэ щытащ. МыхъумыщІагъэ куэдхэр и нэгу щыщІэкІа Тырку къэралыгъуэм зы илъэс нэблагъэкІэ щыІэу Къэбэрдейм къэзыгъэзэжа усакІуэм мы псалъэхэмкІэ цІыхубэм захуигъэзэжауэ щытащ: «ТІуащІэбей* фипсэухьыж, фызыщалъхуа хэкум и щІыбагъкІэ насып фыщымыльыхъуэ!».

1954 гъэм, ПащІэ Бэчмырзэ къызэральхурэ илъэси 100 щрикъу махуэр щагъэльапІэм, «Къэбэрдей пэж» газетым къытехуэгъащ ПащІэр Тыркум щыщыІам зэхилъхьа «Истамбыл» тхыгъэр (языныкъуэ щІэныгъэлІхэм усэу, адрейхэм поэмэу къальытэ). Апхуэдэуи, ПащІэ Бэчмырзэ Тыркум щыщыІа 1901–1902 гъэхэм итхауэ щытащ «Фэеплъ» усэр. Бэчмырзэ зыцІыхухэу, и ныбжьэгъуу щытахэм зэрыжаІэжамкІэ, а усэм къыхэщ ущиемрэ чэнджэщымрэ я фІыгъэкІэ цІыху зыбжанэ Тыркум мыІэпхъуэу къызэтенэгъащ:

Фи ныбжьэгьухэм я нэхь вгъэщ Гагьуэми И адэ ф Гыгъэр хуэмыгь Гэпхъуэ, Фи сабийхэр фымыгь Гэпхъуэу Тырку жылэгьухэр къыфхузольагьу. Инэралым ильэгьуа Гуэхухэр Тетышхуэм зыхуагь Эфащэ, Уи щ Галагьым хуэдмыгь Эфащэу Къэралит Гым зызэ Гебгъэхц 1.

Тыркум щыщыІа льэхьэнэм ПащІэ Бэчмырзэ и нэгу щІэкІахэр льабжьэ хуэхьуащ «Мухьэжырхэр» жыхуиІэ усэми. Мыбы ПащІэм къыщегъэльагъуэ хамэщІ щыпсэухэр зыхэт гугъуехь мыухыжыр. Мы усэм и кІуэцІкІэ усакІуэм пэжу гу зэрыльитащи, хэхэс гъащІэр зэманыр кІуэхукІэ нэхь хьэльэ мэхъу икІи адыгэу хамэ щІынальэ щикъухьахэр зыхэс льэпкъхэм яхэшыпсыхьыжу анэдэльхубзэри адыгэ хабзэри гъадэщІыдэм хыхьэжынкІэ шынагъэ щыІэщ:

Фи правэр кІуэдыну къыщыхагъэщкІэ, Фи унафэщІхэр къыщагъэтуткІэ, Фызытет хабзэхэри фщагъэгъупщэнщ².

Кавказ зауэжым и кІэм кърикІуахэмрэ адыгэхэм лъэпкъкІуэдыр къахуэзыхьа мухьэжыракІуэ Іуэхугъуэмрэ я нэпкъыжьэ телъщ нэгъуэщІ къэбэрдей усакІуэ куэдми я ІэдакъэщІэкІхэм. Абыхэм языхэзщ Сонэ Абдулчэрим и «Псэм и джэ макъ» усэр. Ар Іыхьищу зэхэльщ. Япэ Іыхьэм къыхощ хамэ хэку щыпсэу и лъэпкъэгъухэр къэкІуэжыным, ахэр адэжь лъахэм и куэщІ щызэрыгъуэтыжыным усэм и лирическэ лІыхъужьыр зэрыщІэхъуэпсыр. Абы фІэкъабылкъым и къуэш хэхэсхэр щІымыгъуу езыр жэнэт хэкум зэрыщыпсэур, ахэр зыпэІэщІэ икІи зыщІэхъуэпс Іуащхьэмахуэ езыр хуиту зэрыІуплъэр. Уи хэку уисыжыныр насыпу къалъытэми, абы и дежкІэ а насыпыр щызкъым зы хэку-анэм и бынхэр дуней псом щикъухьауэ, абыхэм я нэхъыбэм хэхэс гъащІэ хьэлъэр я натІзу зэрыщытым къыхэкІкІэ.

Хэку-анэнэп Іэсхэм щыпсэу дэ ди къуэшхэ, Хэку-анэнэп Іэсхэм щыпсэу дэ ди шыпхъухэ, Фыдимыгъусэу адэжь хэкум дыщопсэу, Фыдимыгъусэу Іуацхъэмахуэ дэ ды Іуоплъэ, Кавказ салъкъын гуапэр дэ къытщ Іеху, Къуршыпс уэрхэм я уэрэд жъгъырухэм дащ Годэ Іу, Псэук Іэц Іэм и дыгъэпсым дэ дыхэтщ. ... Къызэльэльэхыжу си Іэми насыпыр, Фызимыгъусэу хъункъым а насыпыр щыз³.

^{*} *ТІуащІэбей* – Тыркум щыпсэу адыгэхэр Къэбэрдейм къызэреджэ фІэщыгъэщ.

Усэм и етІуанэ Іыхьэм къыщыІуэтащ хамэщІ щыпсэу цІыхум и гурыгъухэр:

Уэшх къежэхыу си куэдатэм нэпсыр, Уафэгьуагьуэу сыгьынт сигу пэщыху — Хэхэс хьуа адыгэм ди псэм гуауэу дэльыр Сэ згьеижу нэпскІэ къискІутыху.

Удын жагьуэу льэпкъым лъысыгьахэр Ярейт къыхэкІами тхьэм и ней – Дэ, адыгэу, хамэщІ щикъухьахэр Дрехьыж Кавказ дэ ди нэхейм⁴.

Усэм и ещанэ едзыгъуэм къыхощ лирическэ лІыхъужьым и гурылъ-хъуапсапІэ гъэщІэгъуэныр: ар къуршыбгъэ хъуну хуейщ хэхэс псори я хэку къихьыжын папшІэ:

...СыщІыт-тІэ къуршыбгъэ, Дунеишхуэ! Къэсхьыжынщ үи бынхэр Іуащхьэмахуэ!⁵

Сонэм и усэм щІэлъ гупсысэ куур яшэщІ абы къыщыгъэсэбэпа художественноизобразительнэ Іэмал хьэлэмэтхэм. Апхуэдэщ, псалъэм папщІэ, къэгъэпсэуныгъэр. А Іэмалым урохьэлІэ усакІуэм вагъуэхэм, дыгъэм, жьыбгъэ щхьэмыгъазэм мыпхуэдэ упщІэхэмкІэ защыхуигъазэкІэ:

> Дапщэщ хэхэс хьуа си къуэшхэр къэкlуэжыну? Дапщэщ адыгэщІым я нэр щыплъэжыну? Си лъэпкъ тхыдэм къыщыхъуа щыуагъэр, Тэрэз хъужу, дапщэщ зэкlуэжыну?⁶

Хэхэс гъащІэм и дыджагъыр и нэгу щІэкІащ Бицу Анатолэ, ар зыплъыхъакІуэ гупым яхэту Тырку щІыналъэм щыщыІам. А Іуэхугъуэм ехьэлІауэ усакІуэм и гупсысэм зиукъуэдиинымкІэ сэбэп хъуащ абы тхьэмыщкІагъэу хамэщІ щыпсэу цІыхухэм ядильэгъуар, ар игу худэмыгъахуэуи «Тырку щІыналъэ» псалъащхьэм щІэт усэхэм къыщиІуэтащ. Бицум и усэ гупым къагъэлъагъуэ мылъкур щытепщэ къэралым и щыІэкІэ-псэукІэр. УсакІуэм шабзэшэу и гум пхокІ къыдалъхуа и къуэшхэм бэлыхьрэ хьэзабу хамэщІым щашэчыр.

Тырку щІыналъэм зэрынэсу Бицум япэу гу зылъитар «плІэкІэ дуней псор зезыхьэ» хьэлъэзехьэхэу кхъухьтедзапІэм зыщрихьэлІахэрщ:

Сэ сызэпльыр иджы гуапэу Уи деж хьэпшып щызэблаххэркъым, Уи беижь дыщэм иблахэркъым, – ПлІэкІэ дуней псор зезыхьэхэу, ГущІэгъулыуэ, псэм къыдыхьэхэу, ЛэжьакІуэбэрщ – хьэлъэзехьэхэрщ, Хьэлъэзехьэхэрщ, Хьэлъэзехьэхэрш,...⁷

Бицум щхьэусыгъуэншэу гу ялъитакъым абыхэм. Щоджэнціыкіу Алий и «Нанэ» усэмкіэ нэіуасэ зыхуэхъуа хьэлъэзехьэхэри, а лэжьакіуэбэм хьэлъэ щызэблах кхъухьтедзапіэри фіы дыдэу иціыхуу, езым зыгуэркіэ къыгухьэу къыщохъу усакіуэм. Къулыкъури, нэмысри, напэри, щіыхьри мылъкукіэ къыщащэху къэралым мэжджыт лъагэхэмрэ дыщэкіэ зэщіэбла къулеижьхэмрэкіэ хущіэуфэнукъым гугъуехьакіуэм ятелъ къулейсызыгъэр. А псор къызыгурыіуэ усакіуэм мы псалъэхэмкіэ зыхуегъазэ а къэралыгъуэм и къалащхьэ Истамбыл:

Исщ уи льахэм, яльэмыкІыу, ахэр. Къэхъужыфкьым хуити – я гур мэгъу... Истамбыл, уэ уи мэжджыт Іэтахэр Іуащхьэмахуэ ахэм яхуэмыхъу!⁸

И усэхэм къызэрыщи Іуэтэжымк Іэ, зы псалъэ закъуэщ усак Іуэр Тырку щ Іыналъэм зышар, ик Іи а псалъэ закъуэм и щ Іы Іагъымрэ и дыджагъымрэ лъабжьэ яхуэхъуащ хамэщ Іым триухуа усэхэм.

«Хэхэс» псалъэ жагьуэм къикІри ЗыхэсщІарэ згъэву псэкІэ ЕсхьэкІащ жэщ куэд иужькІи, Нэпсхэр усэм зыщІафыху. <...>

Псалъэ закъуэ жысІэм куэдри Сэ слъэгъуащ и щІыб къыдэтыр. КъызжьэдэмыкІ сэ ар дапщэщи Си псэр хэмыту мафІэс...⁹

Хэхэс гъащІэ гурыфІыгъуэншэр зи нэгу щІэкІа усакІуэм «Тырку щІыналъэ» циклым щыщ «Истамбыл» усэм мыпхуэдэу щетх: «Дунейм тетыр пхъуэж мыхъуну зыкІи Хэкуу зэрыщытыр си фІэщ хъуащ». ГъэщІэгъуэнщ абы Истамбыл зэрызыхуигъазэ упщІэри:

Истамбыл, сэ нобэ сурихьэщІэщ, Ауэ къысхуэпщІахэр сэ бысым УэркІэ зэрыхьэщІэр илъэсипщІу Іэджэ хъуауэ пщІэжрэ уэ езым?¹⁰

Адыгэ лъэпкъым къыхуэкІуа лъапсэкІуэдыр, ар къэзышар Бещтокъуэ Хьэбас и усэ куэдми къыщыгъэлъэгъуэжащ. Апхуэдэхэщ «Къэбэрдей», «Адыгэм ди гъыбзэ», «Адыгэ къэралыгъуэ», «Тенджыз» жыхуиІэхэр, нэгъуэщІхэри. Мыбыхэм къыщыІуэтащ адыгэхэм я блэкІар лъыпсрэ нэпскІэ зыгъэнщІа Іуэхугъуэр, ар къызыхэкІар, абы къыдэкІуа тхьэмыщкІагъэ псори. «Адыгэм ди гъыбзэ» зыфІища усэм усакІуэм щетх:

Дихьыпащ пащтыхьым и топышэм, Мухьэжырхэм хым адрыщІ дахьащ. Мащэм ущепльыхкІэ гур зэлымпІу, Мащэ куум кІыфІыгьэ ткІийр и ныпу Тхыдэм дэ ди Іуэху щызэІыхьащ¹¹.

«Ди Іуэху щІызэІыхьам» и зы щхьэусыгъуэу Бещтокъуэм къегъэльагъуэ адыгэхэм къешынэуэжа пагагъэр, арауи къелъытэ льапсэрыхыр къытхуэзыгъэкІуар: «Пагагъэ нэр къыщхьэрызыпхъуэрщ ЗыщІар адыгэр лъэпкъгъэкІуэд», – етх усакІуэм.

Бещтокъуэм и усэхэм къащхьэщыкІыу, мухьэжыракІуэр къызыхэщыжу Уэрэзей Афлик и Іэдакъэ къыщІэкІа усэхэм къыщыгъэлъэгъуакъым бгырыс лъэпкъхэм къалъыкъуэкІа гузэвэгъуэр къызыхэкІар, ар къэзыша щхьэусыгъуэхэр. НэгъуэщІу жыпІэмэ, Уэрэзейм къалэну зыхуигъэувыжыркъым хеймрэ мысэмрэ зэхэгъэкІыныр, атІэ абы и усэхэм къыхэщыр ди хэкуэгъу, ди лъэпкъэгъухэм я щхьэ кърикІуа насыпыншагъэр езы усакІуэм зэрызыхищІэрщ. Псалъэм папщІэ, мыпхуэдэ сатырхэм ущрохьэлІэ абы и ІэдакъэщІэкІ «Уэрэдыжь» усэм:

Адыгэм сыкъеджэжынути, Си макъыр дэнэкІэ згъэзэну? Адыгэр къэсльыхъуэжынути, ДэнэкІэ къыщыщІэздзэну?¹²

Усэм щІэлъ гупсысэ куур гущІыхьэ пщещІ ар уэрэдым ещхьу зэрыгъэпсам, абы и кІуэцІкІэ узыщрихьэлІэ междометиехэу *«сэрмахуэ», «уей»* жыхуиІэхэм:

Льыгьажэм ухуэІэижьмэ, **уей**, Уи гьуэгур нэпс-льыпс зэхэлькьэ, **Сэрмахуэ**, мы дунеижьмэ, **уей**, И набжьэм зыгуэрхэр шІэлькъэ¹³.

УсакІуэ къэскІэ и дуней иІэжщ, зыми емыщхьу. Абы къыхэкІкІэ, усакІуэ зэхуэмыдэхэм зы Іуэхугъуэ хэхам хуаІэ бгъэдыхьэкІэр, Іуэху еплъыкІэр зэтехуэркъым. МухьэжыракІуэр къапщтэмэ, языныкъуэхэм яфІэпсэкІуэдщ хамэщІ щыпсэу ди лъэпкъэгъухэр, адрейхэми ахэр зыхэхуа бэлыхьхэмкІэ къуаншагъэ псори езы хэхэсхэм я деж щалъагъу, ещанэхэми зи гугъу тщІы насыпыншагъэр зэманым и нэпкъыжьэу е урыс пащтыхьымрэ абы и дзэ къанлыхэмрэ я зэрану къалъытэ. Абы и лъэныкъуэкІэ гъэщІэгъуэнщ Тхьэгъэзит Зубер и еплъыкІэр. Абы и «Хэхэс» усэм и пэщІэдзэм деж къыхощ мухьэжырхэм хамэщІым щаІэ хъуа гъащІэ гугъусыгъур, гугъапІэншэр:

Псэр зыгьэщту къыхущІедзыр Хэку етІуанэ хъун фІэщІар, Щысщ щІибжыкІыу щыгьэ хьэдзэу Махуэ мыгьуэу къыхуэнар.

МэкІэкуакуэ и псэ махэр, — Сыт хэхэсым и дуней: Къыхуеижкъым щалъхуа льахэр, Зыщыпсэури — къыхуэмей¹⁴.

Апхуэдэ псэукІэ хьэлъэр къэзышар усакІуэм къегъэлъагъуэ усэм и кІзух сатыритІым щІэлъ щІагъыбзэ куумкІэ: «Зи щІыр зи псэу зымыльагъур Езы гъащІэми къеужэгъу». Ауэ фІэщ щІыгъуейщ псыикІыж Іуэхугъуэм щхьэусыгъуэ хуэхъуар ди лъэпкъэгъухэм я хэкур фІыуэ ямыльагъужу щытар арауэ.

УсакІуэ, тхакІуэ, драматург ІутІыж Бориси къыпекІуэкІыфакъым Кавказ зауэжьымрэ мухьэжыракІуэмрэ ехьэлІа темэм. Ауэ, адрей усакІуэхэм къащхьэщыкІыу, зи гугъу тщІы Іуэхугъуэр Іутыжым къызэригъэлъэгъуэжар сонет фащэм итущ. Абы къыхэщыркъым усакІуэм пащтыхьыдзэхэм, е Урысей къэралыгъуэм, е Тырку щІыналъэм гужьгъэжь гуэрхэр хуиІэу. НэгъуэщІу жыпІэмэ, уэлбанэ блэкІам щІакІуэ кІэлъищтэжыркъым, атІэ ди лъэпкъ тхыдэм дерс къыхэтхыжу къэкІуэну дахэ зэрыдухуэнум дыхущІэкъуну, псэху димыІзу дытелэжьэну дыкъыхуреджэ:

 Φ Іыкъым тхыдэтегьэр, ауэ нэгу щІэкIахэм Дерс хэзымых лъэпкъыр — кIуэурэ мэкIуэд... 15

Сонетым и купщІэр, и гупсысэ нэхъыщхьэр зыхэлъ иужьрей сатыритІым ІутІыжым къыщегъэльагъуэ къарукІэ, льэщыгъэкІэ къыумызэуфынур акъылрэ ІущыгъэкІэ къызэрыпхьыфынур:

Маржэ хьужыххэнхэ, зыхэвгъэль ди лIыгъэp! Aуэ лIыгъэм яnэ ирыpещ Iущыгьэp! 16

Зэрынэрылъагъущи, лъэпкъ ІуэрыІуатэми къэбэрдей усыгъэми мухьэжыракІуэ Іуэхугъуэм ехьэлІауэ хэт щапхъэхэр куэд дыдэ мэхъу. Ди усакІуэ нэхъыжьхэми

нобэкІэ льэпкъ литературэм япэ льэбакъуэхэр щызыч усакІуэ ныбжьыщІэхэми, зэхуэмыдэу, льэныкъуэ куэдкІэ зэщхьэщыкІыу, я творчествэм къыщагъэлъэгъуащ хамэщІым и щІыІагъыр, хэхэс дуней хьэлъэр. Абыхэм я усэхэм халъхьа художественнэ Іэзагъыр, хаухуэна гупсысэхэр, а усэхэр зэраухуа щІыкІэр куэдкІэ зэтехуэркъым. Ауэ нэхъыщхьэр зыщ: абыхэм къагъэлъэгъуэжыр нобэр къыздэсым льэпкъ псом къефыкІ узщ, псори зыгъэхъужу, зыгъэзэкІуэжу жыхуаІэ зэманми хуэмыгъэгъущыж уІэгъэщ.

ЕІуэлІапхъэхэр

- 1. Пщыбий И.Хъ. Псыпэ льэужьыф Гэ. Налшык: Эльбрус, 1993. С. 118–119.
- 2. Ар дыдэм. Н. 115.
- 3. *Сонэ А.Къ.* Дзапэ уэрэд. Налшык: Эльбрус, 1976. H. 17.
- 4. Ар дыдэм. Н. 20.
- 5. Ар дыдэм. Н. 20.
- 6. Ар дыдэм. Н. 20.
- 7. Бицу А.М. Усыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 1997. Н. 137.
- 8. Ар дыдэм. Н. 131.
- 9. Ар дыдэм. Н. 131.
- 10. Ар дыдэм. Н. 131.
- 11. Бещтокъуэ Хь.Къ. Дуней телъыджэ. Налшык: Эльбрус, 2003. Н. 410.
- 12. Уэрэзей А.П. Кхъужьей къудамэ. Налшык: Эльбрус, 2004. Н. 8.
- 13. Ар дыдэм. Н. 8.
- 14. *Тхьэгьэзит 3.М.* Усыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2005. H. 140.
- 15. ІутІыж Б.Ку. Къудамэхэр. Налшык: Эльбрус, 2005. Н. 119.
- 16. Ар дыдэм. Н. 119.

Л.Б. Хавжокова

ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И МАХАДЖИРСТВА В КАБАРДИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Статья посвящена отражению темы Кавказской войны и ее последствий в кабардинской поэзии. В рамках анализа стихотворений кабардинских авторов основное внимание уделяется художественному воспроизведению фактов и событий переселения адыгов в пределы Османской империи в середине XIX в., получившему название «истамбылакIуэ» (букв. «переселение в Стамбул», т.е. махаджирство).

Ключевые слова: кабардинская поэзия, Кавказская война, махаджирство, художественное отражение.

L.B. Havzhokova

REFLECTION THE THEME OF THE CAUCASIAN WAR AND IMMIGRATION IN KABARDIAN POETRY

The article is devoted to reflection the theme of the Caucasian War and its consequences in Kabardian poetry. The analysis of poems Kabardinian authors focus on art reproduction of facts and events resettlement Circassians to the Ottoman Empire in the mid-nineteenth century.

Keywords: Kabardian poetry, Caucasian war, immigration, artistic reflection.

Хьэгъэжей Л.С.

НАЛО ЗАУР САБИЙХЭМ ЯХУИТХА УСЭХЭМ ТЕУХУАУЭ

Статьям Нало Заур и сабий усэхэр я купщІэкІи, я ухуэкІэкІи, къапкърыкІ гупсысэкІи, яІэ гъэсэныгъэ-ущииныгъэ мыхьэнэкІи щызэпкърыха хъуащ.

Хэзыгъэгъуазэ псалъэхэр: лирикэ, поэтикэ, адыгагъэ, фольклор, художественнэ образ.

Адыгэ сабий литературэм щхьэтечауэ утепсэльыхынфынукым адыгэ сабий щэнгъасэм кънщыщІомыдзауэ. А Іуэхугъуэм иІэ мыхьэнэр куууэ кънзыгурыІуа икІи лэжынгы щхьэпэ хуэзылэжьа япэ адыгэ узэщІакІуэхэу зи цІэ къиІуапхыщ Дым Іэдэм, ЦІагъуэ Нурий, Елберд Хьэсэн сымэ. Абыхэм пхыраша лъагъуэм тетащ, зэральэкІкІэ сабий щэнгъасэм сэбэп хуэхъуу ди япэ адыгэ тхакІуэхэр, щІэныгъэлІхэр. Ноби адыгэ хабзэмкІэ сабийм тхыль яІэн хуейуэ къэзыльытэ щІэныгъэлІ куэд щыІэщ. Апхуэдэу сабий щэнгъасэм телажьахэм ящыщщ КъардэнгъущІ Зырамыку, Мыжей Мышэ, Бгъэжьнокъуэ Барэсбий, МафІэдз Сэрэбий, Шэрджэс Алий, Хьэкъун Мухьэмэд, Къэрмокъуэ Хьэмид, Унарокъуэ Мидэ, сабийхэм хуэтхэ тхакІуэ щэджащэ куэд. Ауэ Нало Заур псоми къащхьэщызыгъэкІ езым и хъэтІрэ и дуней епльыкІэрэ иІэжщ.

Налом и сабий усэхэр льэпкъ зэхэщІыкІыр, льэпкъ ІуэрыІуатэм и Іущыгъэхэр, анэдэльхубзэм и къабзагъыр я льабжьэу гьэпсащ. Гупсысэ щІэщыгъуэ куэд къызыпкъырыкІ усэщ ар сабийм зэреущийр. Гъэсэныгъэ, акъылыфІагъ, Іущыгъэ гуэр пхырыухуэна мыхъуауэ зы уси хэбгъуэтэнкъым абы. Ахэр сабий усэм и ухуэкІэм тету, жыджэрагъ хэлъу, щІагъыбзэ зэхэщІыкІыгъуафІэ щІэлъу щытщ. ЛауикІ, апхуэдэ усэр сабийми балигъми и псэм дыхьэнуш.

ЦІыху балигъым сабиинэ къабзэк Іэ дунейр илъагъуу апхуэдэ усэ къэгъэщ Іыным зритыныр Іуэху тыншкъым. Ауэ ар сыт хуэдэу гугъуу щымытами, Нало Заур ар Іэзагъ ин хэлъу кърихьэл Іащ.

Апхуэдэ гупсысэ газетым къыщигъэлъэгъуауэ щытащ Мэрзей Лэриси: «ЗылІ къигъэщІын къэзгъэщІащ зыхужыпІыжын хуэдэ ныбжь уиту лъэпкъым уригупсысакІуэ пажэу ущытрэ гъащІэм плІэнэпэу иІэм удигъаплъэ зэпыту дунейр къепкъутэкІауэ сабиибзэкІэ сабиипсэм уеубзэрабзэфу укъызытенэн щхьэкІэ, уи деж уезышэлІэж гъуэгум дапхуэдэу сакъыу утетыфын хуей езыр!?»¹.

Инщ Нало Заур и сабий усэм щІэль къарур. Абы хузэфІокІ сабийм гупсысэ зэхуэмыдэхэр пкърилъхьэну, дунейр иригъэцІыхуну, щэн дахэу цІыхум хэлъыпхьэр къанэ щымыІэу хилъхьэну.

«...Заур и гур зыхыхьэ Іуэху щищІэм деж, и лІышхуагъым емылъытауэ ІэпсынщІэ-лъэпсынщІэ хъурт, и нэхэр къилыдэрт»², – игу къегъэкІыж ГъутІ Іэдэм.

Мис апхуэдэ щытыкІэу къыщІэкІынт Нало Заур зэрытар нэхъ цІыкІу дыдэхэм щахуэусэм щыгъуэ. Сыту жыпІэмэ, Заур сабийм къыхуигъэщІа усэм адыгэлъ щІэтщ. Абы сабийм адыгэпкъ щІегъувэ, адыгэ напэ требзэри, адыгэбпсэ Іуелъхьэж. Абы гупсэхугъуэ, дэрэжэгъуэ гуэр къапкърокІ, сабий гуфІэ макъ къахоІукІ. ДауикІ, апхуэдэ зэфІэкІ зиІэ усэр гурэ псэкІэщ къызэрагъэщІыр. Арауэ къыщІэкІынщ, Налор апхуэдэ щытыкІэм изыгъыхьэу щытари.

Заур зэхищІащ адыгэгур адыгэбзэкІэ псыхьауэ щытын зэрыхуейр. Аращ абы и сабий усэр адыгагъэкІэ псыхьа щІэхьуари. Абы и щапхъэщ «Нанэ и псэ, дадэ и бзэ» усэр:

Сэ си нанэр папэм янэщ, И псэр адыгэпсэщ; Сэ си дадэр папэм ядэщ, И бзэр адыгэбзэщ.

Адыгэпсэ, нанэ и псэ, Сыту упсэ дахэ! Адыгэбзэ, дадэ и бзэ, Сыту убзэ дахэ!

ФщІэрэ фэ абы и лІыгъэр? Ар йопсальэ дыгъэм. Сыту фІыщэт уэ ди дыгъэр Узэрыадыгэр! (Нанэ и псэ, дадэ и бзэ)³

ГъэщІэгъуэнщ, Нало Заур езым сабийм зэреубзэрабзэ бзэ зэриІэжыри. Къэтхьынщ щапхъэ:

> Лъабэр мэбакъуэ, Лъабэр мэзекІуэ, Дири, дири, ди-ди! Дири, дири, ди-ди!

Абы сабийр зыІэпишэу, ар щІэщыгъуэ щыхъуу щытынущ. Гулъытэншэу, къанэркъым, зи гугъу тщІы усэр къэзыгъэщІ псалъэхэр макъ зэщІэжьыукІэ псыхьа хъуарэ сабиибээ бзэрабээкІэ ухуа хъуауэ зэрыщытыр:

Лъабэр мэл**ъ**атэ, **З**ек**І**уэр мэзек**І**уэ, Дири, дири, ди-ди! Дири, дири, ди-ди! (*Дири* ди)⁴

Мы усэ едзыгъуэм ІэкІуэлъакІуэу сатыр кІуэцІ рифмэр къыщыгъэсэбэпа хъуащ, псалъэм псалъэр пищІэу, усэ сатырым адрейр ирипхыу. Гу зэрылъыттащи, апхуэдэ усэ ухуэкІэр Налом и сабий усэм куэдрэ къыщыгъэсэбэпа хъуащ.

Гур зыІэт, нэжэгужагъ гуэр зыщІэт гушыІэ хэлъщ Нало Заур и сабий усэм. Абы псэ къыпхэзыгъэхьэж, ІэпсынщІэ-лъэпсынщІэ узыщІ къару иІэщ. Апхуэдэу ритмикэ «псынщІэ» шэщІамкІэ (Хьэвжокъуэ Людмилэ и псалъэ хэтщ) зэгъэпэща хъуа усэ и мащІэкъым ди усакІуэм. Къэтхьынщ щапхъэ:

Зи нитІыр фІыцІэ, УдзыпцІэр зи хъупІэ, ПІапІур зи Іус, Къэсым ебу, Къебуужыр зи анэ, Анэ дэмышхэ, Шагъдий джэгукІэ, ДжэгукІэр зи бэ, Шэ тхъурымбэ Іупэ. (Къакъий)⁵

Мы усэм и кІыхьагъкІэ Налом щыпхыришащ ІуэрыІуатэ (адыгэ, народнэ) рифмэ жыхуэтІэр. «ФІы**ц**Іэ – удзып**ц**Іэ»; «хъу**п**Іэ – **п**ІапІу»; «Іу \mathbf{c} – къэ \mathbf{c} ым» – мы псалъэхэр усэ сатырым щызэпызыщІэр абы я кІэмрэ я пэмрэ къыщытезыгъэзэж

макъ дэкІуашэ зэщхьхэрш. «Ебу — къебуужыр»; «анэ — анэ»; «джэгукІэ — джэгукІэр»; «бэ — тхъурымбэ» — мыбдеж япэ сатырыр зэриух псалъэр етІуанэм и пэщІэдзэ мэхъу. Ауэ мыбы зы гъэщІэгъуэныгъэ гуэри хыболъагъуэ: япэ сатырым и кІэух псалъэр етІуанэм и пэщІэдзэм зэхъуэкІыныгъэ мащІэхэр игъуэтауэ къыщыхыжащ.

Мыбы и закъуэкъым Налом ІуэрыІуатэм и къулеягъыр щІэгъэкъуэн ищІу узэрырихьэлІэр. Абы ещІэ псом япэ сабийм яІурилъхьэн хуейр ІуэрыІуатэм и бзэрауэ зэрыщытыр. Сыту жыпІэмэ, езы Заури зэрыжиІэмкІэ: «ІуэрыІуатэм и купщІэр узыншэщ: абы цІыхур фІым, дахагъым, нэмысым хуеущий, лІыгъэм, акъылыфІагъэм хуегъэІущ, набдзэгупдзаплъэу егъасэ»⁶.

Куэдрэ дрохьэл сабий Іуэры Іуатэм щыщ текстым и япэ сатыр-сатырит Іыр Заур и сабий усэм пэщ Іздзэ хуэхъуауэ. Апхуэдэ усэм Налом и гупсысэр е европей стилым, е адыгэ стилым тету къыщыпещэ. Абы усэбзэр щ Іэщыгъуэ зэрищ Іым къыдэк Іуэу, сабийр Іуэры Іуатэм пэгъунэгъу ещ І.

Зи гугъу тщІы Іуэхугъуэм ипкъ иткІэ, къыжыІэн хуейщ, ІуэрыІуатэм къигъэщІа «лъэІу мотивыр» Нало Заур и усэбзэм ІэкІуэлъакІуэу зэрыхиухуанэри. Апхуэдэщ, псалъэм папщІэ, «ХъумпІэцІэджым зэрелъэІу» усэр:

ХъумпІэ, хъумпІэ, хъумпІэцІэдж, Пщэдей жьыуэ дыгъэтэдж, Дыгъэ гъуэгукІэ дегьэкІуэкІ, МэракІуапцІэ къыпыдгъэч. Сэ уи фэндыр къэзгъэхьыж, Уэ си матэр къысхуэхьыж!⁷

Апхуэдэщ «Хьэрхьупым зэрелъэІу» усэри:

Хьэрэ, хьэрэ, хьэрэхьуп, Къаджэ, къаджэ: «ПІу-пІу-пІупІ!» Уэрэд жыІи сыгъэжей, Ди жызумри дэгъэжей! Дыгъэр къаши къытхуегъэпс, Ди хъарбызри щІы ІэфІыпс!⁸

«Дыгьэеджэ» усэри а гупым хохьэ:

Дыгъэ нэкlуплъ, Дэрииплъ джанэ, Уи джанэр щыхи къыщlэкl, Ди жыг щхьэкlэм къитlысхьэ, Къитlысхьи къытхэпсэ, Псы архъуанэр гъэхуабэ, Губгъуэ мэракlуэр гъэхъу, Хъарбыз хъуа къэгъэкl, Ди чыцlым и натlэм къебзей!⁹

Къытедгъэзэжынщи, жытІэнщ Нало Заур езым и бзэ зэрыубзэрабзэ зэриІэжыр. ИщхьэкІэ зи гугъу тщІа усэхэм ар наІуэу къыхобелджылыкІ: «хъумпІэ, хъумпІэ, хъумпІэдж»; «хьэрэ, хьэрэ, хьэрэхьуп», «къаджэ, къаджэ, пІу-пІу-пІупІ!» – жыІэгъуэхэр езы усакІуэм къигъэщІыжащ. ДыщрихьэлІэ щыІэщ, сабийхэм апхуэдэу псалъэр зэпауд-зэпагъэувэжурэ джэгуу. Ар шэч хэмылъу, и щыхьэтщ Заур сабий психологием зэрыпэгъунэгъум. Абы къыдэкІуэу жыІэн хуеищ, Налом сабиибзэр кІуэрыкІуэм тету къигъэщІу зэрыщытари. Абы и щыхьэту къоув езы Заур и къуэрылъхум и гукъэкІыжыр. Абы игъэщІагъуэу къеІуэтэж и адэшхуэр хадэм здитым псы цІыкІу ежэхым, бзу бзэрабзэм пэджэж макъхэр къызыхэІукІ сабий усэ цІыкІухэр къигъэщІу зэрыщытар.

ФІыльагъуныгъэкІэ гъэнщІащ Налом и сабий усэр. Ар хуэгъэзащ лъэпкъым, адэ-анэм, дыкъэзыухъуреихъ дунейм. Ауэ а псом къыдэкІуэу, Заур къыбдалъхуар фІыуэ лъагъуным гулъытэ лей сыт щыгъуи хуищІырт. ИкІи ар еш имыІэу елэжьырт а зэкъуэтыныгъэм. Нало Заур къыгуроІуэ, уи анэ къилъхуа цІыхум нэхъ гъунэгъу зыри зэрыщымыІэр. Абы ещІэ апхуэдэ зэкъуэтыныгъэм адыгэ унагъуэр зэрызэтриІыгъэнур, апхуэдэ унагъуэу зэхэт лъэпкъыр лъэпкъ узыншэу зэрыщытынур. Апхуэдэ балигъ гупсысэ куур сабий усэм гурыІуэгъуафІэу щыпхеш Налом:

Си шыпхъу ціыкіум и нэр фіы**ці**эщ, Щыдыхьэшхкіэ еуфіы**ці**ыр. Абы нобэ школым се**ш**э, Щіалэжь ціыкіухэр фыкъщимы**ш**э! И щхьэцыкіэм фыкъемыіэ, Си Іэштымым хьэтыр иіэм!

(Си шыпхъу ціыкіум и нэр фіыціэщ...)¹⁰

Мы усэр Заур зэрихабзэу кІзух рифмэкІэ иухуащ. Апхуэдэу рифмэкІэ къулей усэр еджэгъуафІэ, гурыІуэгъуафІэ мэхъу.

Къэтхьынщ иджыри зы щапхъэ:

ПІапІутІэ щхьэ бацэщ, ПІапІутІэ бэлацэщ, ПІапІутІэ и щхьэцым Къыхоплъыр нэІуцэу. (ПІапІутІэ щхьэ бацэщ)¹¹

«Бацэщ-бэлацэщ-щхьэцым-нэІуцэу» псалъэхэм къахэІукІ макъ дэкІуашэ «ц»-м кІзух рифмэ къызэригъэщІым къыдэкІуэу усэ едзыгъуэм щІэлъ щІагъыбзэр къетІэщ. Налом гущыкІ зыхудигъэщІыну гурымыхь щытыкІэр сабийм и нэгу къыщІегьыхьэ, апхуэдэ щытыкІэм и мыхьэным къыхуреджэ.

Нало Заур и сабий усэм иджыри нэгъуэщІ зы щхьэхуэнагъ хэлъщ — абы диным ехьэлІа гупсысэ къыщокІуэ. Абы и щхьэусыгъуэри езы Налом и псалъэкІэ къэтІуэтэнщ: «Тхьэмрэ напэмрэ, тхьэмрэ гущІэгъумрэ, тхьэмрэ цІыхугъэмрэ зэгуэпх мыхъуу, зэпхащ» 12. Апхуэдэ гупсысэм арэзы удэмыхъункІэ Іэмал иІэкъым. Алыхь зиІэ цІыхуращ цІыху хъуныр. ИкІи, дауикІ, а зэхэщІыкІыр цІыхум и сабиигъуэм щыщІэдзауэ къыдэгъэхъун хуейщ.

«...Налом хужым фІыцІэкІэ тритхэ хьэрф къэс къитІэтыкІыр плъыфэбэ мину зэщІэутхэ щІыхь зиІэ гъащІэм и пщалъэ нэхъ дахэ дыдэхэр аращ, адыгэм и дуней теплъэкІэм и хьэлэмэтагъыращ, адыгэбзэкІэ адыгэпсэр псыхьамэ абы узэригъыхьэ шыфэлІыфэращ» ¹³, – етх Лыкъуэжь Нелли. Абы и псалъэм къыпытщэу жытІэнщи, Нало Заур и творчествэр зэрызэгъусэу къатщтэм, гъащІэ гъуэгум адыгэу уризыгъэкІуэн энциклопедием идолъыт. Сабийм хуэгъэза лэжьыгъэр а энциклопедием и япэ Іыхьэуи къыхыдогъэкІыж. Сыту жыпІэмэ, езы Заур зэрыжиІэмкІэ, «цІыхум и чэзум имыгъуэта зыужьыныгъэр иужькІэ гъуэтыгъуей мэхъу, абы къыщалъхуа махуэм щыщІэдзауэ и зэхэщІыкІыр егъэсэн хуейщ Іеймрэ дахэмрэ, емрэ фІымрэ зэхигъэкІыу» ¹⁴.

Цыхур цыхуу щытыным еш имы у телажьэ Заур абы и пкъым адыгагъэр ирегъэжыхь. Ар дунейм къытехьэу ехыжыху игъасэ зэпытщ, гъущ гъэплъар здэпшэмк зэрык уэм ещхьу къигъэшу. Абы и «гъущ ым» маф у щидзыр анэдэлъхубзэк убзэрабзэ и лэжьыгъэрш, къигъэщ ыри адыгагъэш. Апхуэдэ щык нтету Заур езым и къуэрылъхухэми, и пхъурылъхухэми елэжьаш. Абы и щыхьэтщ абыхэм я ц р къызых ук усэ Налом гъунэжу зэри р. Апхуэдэ усэхэм мыдрей псоми ялей у гъэсэныгъэ-ущый ныгъэ мыхьэн э пкъырылъщ, лъагъуныгъэ къабзэк у гъэнш наш.

Гъэсэныгъэ-ущииныгъэ мыхьэнэ сабий усэм яІэныр къалэн нахъыщхьэу зэрыщытым дыщыгъуазэщ псори. Абы и ухуэкІэри, и купщІэри, гупсысэ щІэлъри а къалэн нэхъыщхьэм телажьэу щытщ. УсакІуэм щІэблэм бгъэдилъхьэ гъэсэныгъэр и усэм купщІэ хуохъу, гупсысэ щІэлъри абы ирепхыж. Апхуэдэу гъэсэныгъэ-ущииныгъэ мыхьэнэ куу зиІэ гупсысэр Налом зы усэ сатыр-сатыритІкІэ къиІуэтэн лъокІ:

Зы дэ фиІэм зэдэвгуэш, Ауэ дадэр фымыгуэш.

Дадэм фэ кІэфий евгъэщІ, И гур зэикІ хэвмыгъэщІ. (Беслъэнрэ Аслъэнрэ)¹⁵

Апхуэдэщ къыкІэлъыкІуэ усэри:

Ухуейм, уэсым хыхьэ лъапцІэу, Ауэ нанэ къомыгъапцІэ. (Идаррэ нанэрэ)¹⁶

ЦІыкІухэм я зэхэщІыкІыр зегъэужьыным, къэзухъуреихь дунейм хуэсакъыу хущытынымрэ, псэущхьэмрэ къэкІыгъэмрэ гущІэгъу хуаІэным Нало Заур хуиущийуэ зэрыщытым и зы щапхъи къэтхьынщ:

Ди нау щабэрык Іуэ, Бзухэм уемыщак Іуэ.

Ар щопсэу Хьэшырхэ, Къожьэ и бзу шырхэр. (*Ди нау щабэрыкІу*э)¹⁷

И кІыхьагъкІэ гъэсэныгъэ мыхьэнэр щыпхрышарэ сатыр къэс Іущагъ гуэр къапкърыкІыу гъэпса усэ Налом и мащІэкъым. Апхуэдэщ, псалъэм папщІэ, къэкІуэну усэр:

Уи жьэр гъэкъабзэ, Уи бзэр гъэІэсэ, ЗэикІ пцІы умыупс, Псэжь удэмылажьэ, Жьыгъэр зытомыгъакІуэ, ЕмыкІу ухэмыхьэ, Хьэми уемыхьэкъу, Уи къуэ уемыубзэ, Бзаджэ зомыгъэкІуалІэ, ЛІыфІ умыгъэбий, Уи бий лІакІэ умыпсэху, Уи щэныр дахэу, Уи напэр хужьу ЦІыхум яхэт! (Усэ Іуш)¹⁸

Мыбдеж къыжыІэн хуейщ, зи гугъу тщІы усэр ику ит ныбжь зиІэ школакІуэм хуэгъэзауэ зэрыщытыр. Аращ ар нэхъ балигъыбзэкІэ ухуа хъуауэ щІыщытри.

Нало Заур и сабий усэм нэгъуэщІ зы щхьэхуэнагъи хэлъщ: абы езым и образ къегъэщІыж, нэхъыбэу къэгъэпсэуныгъэ, зэгъэпщэныгъэ Іэмалхэр къигъэсэбэпурэ. Заур псэ зыІумытым псэ хелхьэ, зы щытыкІэ гуэрыр нэгъуэщІ щытыкІэм ирегъэувэ. КъыжытІам и щыхьэту къоув къэкІуэну усэхэр:

Мо ди уафэ къащхъуэм Дыщэ тажырыщхьэу Дыгъэр я Іэщыхъуэу Щынэ хужьыр щохъур.

Езы Дыщэ Тажыр Уэгум ныщозэшыр, И хьэмкlутlей башым Блыгукlэ тегъэщlауэ, Кинор игъэщlагъуэу Йоплъыр телевизор, Къыщхьэщыту мазэр.

(Уэгу щынэ хужьхэр)¹⁹

Апхуэдэу псэ зыІут образу Налом и сабий усэм дыгъэр куэдрэ къыщокІуэ. Къэтхьынщ щапхъэ:

Хэзгъэлъынт сэ дыгъэ хуабэр, КІущэм хуэдэу, мы си гупэм,

ТІуми ІэплІэ зэтшэкІауэ, Дызэкъуэшу къыщІэкІауэ! $(Дыгъэмрэ сэрэ)^{20}$

Хьэпшып гуэрым псэ Іуту Налом къыщигъэлъагъуи къохъу:

Мы си топ нэкІутІэр Маршынэм къипІытІри Хъуащ сымаджэ хьэлъэ; Плъагъуркъэ мэджалъэ (Топыр хъуащ сымаджэ)²¹

ГъэщІэгъуэнщ псэущхьэр, къэкІыгьэр Налом зыригъэувэ щытыкІэри:

Ди кІущэ марицэ Дзыгъуэм я мылицэщ:

Къеубыд зэ дзыгъуэм Дзыгъуэ къыдэдыгъур,

Къеубыдри рицэм, Ар елъэф мылицэм. (\mathcal{A} и к \mathcal{A} у \mathcal{A} у марицэ) 21

КъыжыІэпхъэщ Нало Заур и усэхэр апхуэдизу лъэпкъ нэщэнэхэмкІэ гъэнщІауэ зэрыщытым къыхэкІкІэ (ар ирехъу лъэпкъ ІуэрыІуатэуи, хабзэуи, дуней еплъыкІэуи), ахэр нэгъуэщІ бзэкІэ (псалъэм папщІэ, урысыбзэкІэ) зэбдзэкІыныр икъукІэ гугъуу, уеблэмэ пхузэфІэмыкІын Іуэхуу зэрыщытыр. Шэч хэмылъу апхуэдэ зэдзэкІыныгъэм усэхэр зэрытха бзэм дахагъэуи, хъугъуэфІыгъуэуи хэлъыр дэкІуэдынущ²³.

ДызэрыщыгъуазэмкІэ, Нало Заур и сабий усэр езым зыхуэтхэ ныбжьым елъытауэ нэхъыщІэ Іыхьэрэ нэхъыжь Іыхьэу зэхегъэкІ. Дэри абы и щапхъэм дытетмэ а ІыхьитІым къэкІуэну гупыр къыщыхыдогъэкІыж:

- 1) сабийгъэжей усэхэр,
- 2) сабийзегъакІуэ усэхэр,
- 3) сабийгъэджэгу усэхэр,
- 4) усэ Іущхэр.

Япэ гупым хыхьэ усэхэр нэхьыщІэ Іыхьэм щыщш. Апхуэдэщ, псалъэм папщІэ, «ГущэщІзупскІэ» усэр, нэгъуэщІхэри.

ЕтІуанэ гупри нэхъыщІэ Іыхьэм хыдогъыхьэ. Мыбы «Дири ди!» усэм хуэдэхэр хыхьэнущ.

Ещанэ гупыр нэхыш Іыхьэмрэ нэхыжь Іыхьэмрэ я зэпыльып Іэмэхьу. Мыбы хыхьэнущ апхуэдэуи гупсысэ куу зыщ Іэмыль, ауэ нэжэгужагь къызыпкърык І, гушы Іэ щабэ зыщ Іэт усэхэр. Мыхэр нэхьыбэу сабийм и гур Іэтыным, адыгэбзэр Іурыльыным хуэунэт Іауэ щыт ш. Мы гупым хэбгьыхьэ хъуну къыдольытэ «Къангъэджэгу», «Уэзджэн», «Усэ къызэрытеш», «Чыху, чыху, алащэ», «Топгъалъэ», «Хъуромэ махуэ» усэм хуэдэхэр, езы Нало Заур зэхильхьа къебжэк Іхэр, псын ш Іэрыжы Іэхэр.

ЕплІанэ гупым хыдогъыхьэ гъэсэныгъэ-ущииныгъэ мыхьэнэ куу зыщІэлъ Налом и дэтхэнэ усэри. Мыр нэхъыжь Іыхьэм хыхьэ гупу къыхыдогъэкІ. Мыбы хыхьэ усэр езыр и темэ, и купщІэ елъытауэ зэхэбгъэкІыж хъунущ.

Апхуэдэу зэхэт сабий усэр льабжьэ быдэу Налом и творчествэм щоув, щІэблэр зыгъасэхэм, езыгъаджэхэм папщІи щІэгъэкъуэн лъэщ мэхъу.

ТегъэщІапІэхэр

- 1. *Мэрзей Л*. Лъагъугъуаф І
э дадэ хужь – *Мирзоева Л*. О книге «Сабий щэнгъасэ» // Сов. молодежь. 1999. 9 июня. С. 5.
 - 2. Гъут І. Псальэм и зэфІэкІыр. Налшык: Эльбрус, 2014. С. 148.
 - 3. Нало 3. Сабий щэнгъасэ. Налшык: Эль-Фа, 1998. С. 137.
 - 4. Ар дыдэм. Нап. 136.
 - 5. Ар дыдэм. Нап. 137.
 - 6. Ар дыдэм. Нап. 7.
 - 7. Ар дыдэм. Нап. 138.
 - 8. Ар дыдэм. Нап. 139.
 - 9. Ар дыдэм. Нап. 301.
 - 10. Ар дыдэм. Нап. 138.
 - 11. Ар дыдэм. Нап. 139.
 - 12. Ар дыдэм. Нап. 8.
- 13. Лыкъуэжь H. «Сабий щэнгъасэ» Лукожева H. Одна из книг 3. Налоева // Сов. молодежь. 1998. 20 ноября. С. 9.
 - 14. Нало 3. Сабий щэнгъасэ. Налшык: Эль-Фа, 1998. Н. 5.
 - 15. Нало З. Урыху Іубыгъуэ. Налшык: Эльбрус, 2001. Н. 156.
 - 16. Ар дыдэм. Н. 158.
 - 17. Ар дыдэм. Н. 184.
 - 18. Нало 3. Дыгъэеджэ. Налшык: Эльбрус, 1976. Н. 23.
 - 19. Нало 3. Урыху Іубыгьуэ. Налшык: Эльбрус, 2001. Н. 195.
 - 20. Ар дыдэм. Нап. 193.
 - 21. Ар дыдэм. Нап. 173.
 - 22. Нало 3. Ар дыдэм. Н. 156.
- $23. \ \mathit{Кумыкова}\ \mathit{Д.M.}$ Этнографические лакуны и способы их перевода // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Нижний Новгород, 2010. С. 216–218; $\mathit{Бижоев}\ \mathit{Б.Ч.}$, $\mathit{Кумыкова}\ \mathit{Д.M.}$, $\mathit{Тимижев}\ \mathit{X.T.}$ Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2013.

Л.С. Хагожеева

ДЕТСКАЯ ЛИРИКА ЗАУРА НАЛОЕВА

Статья посвящена детской лирике Заура Налоева. Основное внимание уделяется содержанию, поэтике и идейной направленности стихов.

Ключевые слова: лирика, поэтика, адыгство, фольклор, художественный образ.

L.S. Hagozheeva

ABOUT ZAUR NALOEV'S CHILD LYRICS

This article is dedicated to the child lyrics of Zaur Naloev. The focus is on content, the poetics and the ideological orientation of poems.

Keywords: poetry, poetics, Adyga, folklore, artistic image.

Х.Х. Малкондуев

НЕИССЛЕДОВАННЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ АКСАК ТЕМИРЕ

В данной рукописи впервые вводятся в научный оборот уникальные фольклорные материалы XIX и середины XX в. о нашествии Аксак Темира в Центральное Предкавказье в записи Е.З. Баранова.

Ключевые слова: Самарканд, Аксак Темир, Тохтамыш, композиция, поединок, монолог.

Удивляет своими повествовательными модусами, содержательной особенностью и богатством информационного материала легенда «Темир Аксак», опубликованная Е.З. Барановым в 1914 г. на страницах книги «Певец гор» и другие легенды Северного Кавказа»¹, которую мы пускаем в научный оборот впервые. Изучение ее убеждает нас в том, что информатор хорошо знал фольклор и был человеком, довольно образованным для своего времени.

К большому сожалению, отсутствие его на языке оригинала служит большим препятствием для научного анализа текста. Однако мы постараемся кратко передать основные сюжетные элементы произведения. Они повествуют о следующем: возвращаясь с соколиной охоты, могущественный хан Тохтамыш в широкой степи случайно встречает одинокого подростка и вспоминает слова предсказателя старика-шейха, «что гибель к нему придет от мальчика, которого он встретит в степи». Увидев его, хан настораживается и, после небольшого диалога с подростком, становится ясно, что мнения его людей здесь расходятся: одни предлагают его прикончить на месте, а другие — не относятся серьезно к каким-то предсказаниям, после чего по велению Тохтамыша: «Оставьте. Пусть сбудется то, что мне предсказано, что в книге судеб мне написано!» — забирают его пасти табун лошадей великого хана.

Однажды, спустя девять лет, повелитель вспомнил подростка и приказал доставить его в шатер, где задал ему вопрос: «Это ты собирался идти одной дорогой со мной?» — на что табунщик, не спуская с него глаз, ответил: «Я!». После этого хан жестоко избивает его поленом, перебив кости ноги. Тяжело пострадавшего табунщика тайно и успешно лечит опытная знахарка. Встав на ноги, он больше не возвращается к табуну, а уводит с собой сто отважных всадников из полчищ Тохтамыша, совершая жестокие набеги на его улусы, истребляя тысячи людей и сжигая города. «Темир Аксак» звали этого хана, ибо и на самом деле был он хромой, а сердце у него было как железное: не знало оно жалости», — сообщает информатор.

Судя по дальнейшему повествованию, Тохтамыш оказался абсолютно беспомощным против его внезапных набегов. Действия здесь перемещаются в Персию, которой тогда правил, как говорится в тексте, «великий сын солнца Али-Абас». Аксак Темир грубо и с насмешкой встречает его послов, которые преподнесли от имени своего шаха богатые дары, а пленив его, превращает монарха в своего раба и, издеваясь, задает ему ряд насмешливых вопросов. Шах достойно отвечает «покорителю царей»: «Все мы — ничтожество перед лицом Судьбы, — сказал он, подняв щепотку праха земного, показывая ее Темир Аксаку. — Вот чем ты, хан, станешь!». Умер шах одиноким, беспомощным в степи.

Здесь резко прерывается повествование, и действие переносится на берега Терека, где Аксак Темира поджидало многочисленное войско Тохтамыша. В легенде дается понять, что еще до начала боя Тохтамыша охватил страх перед своим бывшим табунщиком, который теперь успешно покоряет мир. Он уже в раздумьях: а как быть ему, если потерпит поражение? Тогда с верными ему людьми может стоит ему укрыться в Самарканде, укрепив его для обороны со всех сторон?

Армия его на Тереке была разгромлена. Среди мурз и воевод его оказалось много предателей. «Страх объял душу Тохтамыша. Как разбивается морская волна о каменистую скалу, так оно и разбилось о войска Темир Аксака», – говорится в тексте.

Далее события переносятся на берега Эдиля (Волги). «И не было с ним мурз, не было советников мудрых. Мурзы изменили ему, изменило и войско!» – гласит легенда. Авторская мысль передает глубокое переживание и песню-плач оставшегося одиноким в темном лесу пожилого хана. Слова песни-монолога глубоко лиричны и трагичны:

Как туман, в степи ветром развеянный, Исчезло мое могущество, исчезли богатство и слава. Еще недавно на город рукой я указывал, и в развалины Он превращался, и проливались реки человеческой крови. Сколько раз смотрела в глаза мне смерть, И я смеялся над ней, и сердце мое было спокойно. Отчего же теперь ты, глупое сердце мое, Так сильно бъешься, что дышать мне больно? Эй, птица свободная, не кричи так тоскливо! Не надрывай мою душу, дай мне крылья свои. Над лесом поднимусь я, взовьюсь высоко и с высоты Посмотрю на врага своего — на табунщика хромого посмотрю.

Заканчивается произведение романтического типа повествованием: вокруг летают крылатые черного цвета и голосят, а одна из птиц – чибис – парит выше остальных, издавая душераздирающие звуки. Орды Аксак Темира окружают его ставку, а предатели-мурзы и воины по велению завоевателя доставляют мертвое тело Тохтамыша к его шатру. Аксак Темир приказывает похоронить хана с почестями, а предавших его людей прогоняет прочь, сказав: «Не верю вам: предали вы своего хана, предадите и меня!».

По жанровой принадлежности данное произведение мы бы отнесли к историческим легендам. Оно является уникальным материалом для изучения темы об Аксак Темире в фольклоре народов Северного Кавказа.

Если кратко остановиться на ее композиции, то по пространственновременной схеме мы наблюдаем следующую картину: события начинаются в степях Средней Азии, где впервые встречаются хан Тохтамыш и подросток без роду и племени, его будущий табунщик Аксак Темир, которому удается спустя девять лет создать жестокую, беспощадную конницу, уничтожающую города и села Тохтамыша внезапными набегами; затем повествование переносится в Персию, покорив которую, он приносит большое бедствие ей, а шаха Али-Абаса, унизив, превращает в своего раба; в третьем пространственном локусе на берегу р. Терека, на Северном Кавказе, встречаются две многочисленные армии, где Аксак Темир разбивает войско Тохтамыша; развязка происходит на берегу Эдиля (Волги), где и наступает смерть беспомощного, одинокого хана Тохтамыша.

Конечно, многие повествовательные элементы далеки от истины хотя бы потому, что к власти в Золотой Орде, как говорят научные исторические хроники, в 1382 г. привел родственника своей жены — царевича-чингизида Тохтамыша — эмир Средней Азии Аксак Темир и т.д. Да и смерть его наступила вовсе не от рук Аксак

Темира, которого он пережил на два года (1407), а от сыновей Эдыге, нового хана Золотой Орды. Но для нас не это главное. Народ создал фольклорный образ Аксак Темира как коварного, жестокого, беспощадного, кровожадного завоевателя.

В произведении много авторских лирических размышлений, в которых описывается художественно-предметный мир или мотивы, связанные с описанием воинов Аксак Темира, сравниваемых с черной тучей, хищными птицами, темной людской силой (т.е. трехступенчатое сужение образа).

Глубоко лирична и трогательна своей лексикой, внутренним содержанием и особенностью трагического повествования песня-плач некогда могущественного хана Золотой Орды Тохтамыша.

Нет сомнения, что публикация данного произведения в будущем обогатит наш фольклор еще одним замечательным произведением устной словесности на историческую тему конца XIV в.

В заключение приведем текст публикации Е. Баранова.

Темир Аксак (легенда северо-кавказских татар)

За морем, в далеких степях, у пастуха родился сын. И была радость пастуху, и было ему горе: радость – оттого, что Аллах жизнь его благословил, и горе – что призвал он к себе мать-родительницу [ребенка].

Но кто смеет судить волю Всемогущего? И пастух безропотно покорился ей: мальчику он мать заменил, вскормил его и, когда тот подрос, стадо овец пасти его заставил.

Плохим пастухом был мальчик: овец он без присмотра оставлял, на курган высокий взбирался и подолгу смотрел в синюю даль, где земля с небом сходится.

Что он там видел, никто не знал, потому что дум своих никому не поверял.

А когда пастух плох, то и собаки становятся ленивыми – под тень кустов они прячутся и спят там.

И волки таскали овец из стада среди дня, не ожидая ночи.

Отец удивился, что стадо убывает, последил за сыном, и, когда увидел, что тот, оставив овец, взобрался на курган, в гневе бросился на него с палкой.

Волком глянул сын на отца, длинный нож, висевший в ножнах на поясе у него, вынул и ему погрозил им, потом с кургана спустился, пошел вглубь степи и ни разу назад не оглянулся.

Остановился отец и словно замер: не ожидал он того, что случилось, и когда сын уже удалился от кургана, крикнул вслед ему:

– Проклятый!

Хан Тохтамыш, грозный владыка степей азиатских, мурзами окруженный, с охоты соколиной возвращаясь, мальчика, одиноко идущего по дороге навстречу ему, увидел и нахмурился.

«Вот враг мой заклятый идет»,
 на мальчика головой кивая, угрюмо проговорил он.

И не знали мурзы, правду ли говорит их повелитель, или же ему пошутить с ними захотелось. И молчали они.

Темная туча по лицу Тохтамыша прошла, и угрюмее прежнего он проговорил:

– Заклятый враг ко мне приближается.

И вспомнили мурзы, что когда-то давно один шейх, глубокий старик, в диких горах живший, предсказал хану, что гибель к нему придет от мальчика, которого он встретит в степи.

И один мурза, желая рассеять печаль Тохтамыша, громко воскликнул:

– Помилуй, великий хан, какой враг тебе этот мышонок?! Посмотри, как голова его с плеч упадет!

И за шашку, рукоятка которой бирюзой усыпана была, взялся мурза.

-Оставь, - сказал ему Тохтамыш. -Пусть сбудется то, что мне предопределено, что в книге судеб мне написано.

И, подъехав к мальчику, громко он крикнул:

- Эй, мальчик, куда лежит твой путь?
- Туда, куда и твой, отвечал мальчик, сын пастуха, ибо это был он, проклятый отцом своим. За такой дерзкий ответ голова его должна была с плеч упасть, а Тохтамыш только усмехнулся.
 - Тогда так, пойдем вместе, сказал он мальчику.

В ханском табуне мальчик находился: пас лошадей и, подобно ветру, на диких конях по степи носился: старые опытные табунщики удивлялись его бесстрашию и умению коней укрощать.

Хан о нем не забыл и каждое утро спрашивал мурз, не убили ли мальчика кони, ибо, посылая его в табун, втайне он надеялся, что тот под копытами коней погибнет. И когда мурзы говорили, что мальчик жив, хан хмурился и долго молчал.

В одно утро, в глубокую думу погруженный, в шатре своем сидел Тохтамыш.

Мурза, кланяясь ему низко, о мальчике заговорил.

Зверем посмотрел Тохтамыш на мурзу и крикнул:

– Замолчи!

И с тех пор о мальчике том не спрашивал, и никто ему о нем не напоминал. Десять зим прошло над степью, и за это время Тохтамыш много человеческой крови пролил, много городов разорил и сжег.

Из дальнего похода однажды возвратившись, с мурзами он пировал.

В зеленом шелковом халате на шелковых подушках он сидел и в золотую чашу, крепким медом наполненную, усы свои омочил, но тот же час, оставив чашу, нахмурился.

– Жив ли мальчишка-табунщик? – спросил он.

Подобно охотничьим собакам, учуявшим дичь, мурзы с мест своих сорвались, из шатра выбежали.

И всей чаши с медом опорожнить еще не успел Тохтамыш, а молодой табунщик уже стоял перед ним.

- Это ты собирался идти одной дорогой со мной? спросил его Тохтамыш.
- Я, ответил табунщик, глаз с него не спуская.
- А теперь не раздумал идти? снова спросил Тохтамыш.
- Не раздумал, ответил табунщик.
- Посмотрим, проговорил Тохтамыш, усмехаясь, и приказал принести толстую палку.

Мурза вместо палки подал ему полено.

Поднялся Тохтамыш к табунщику, подошел и по ноге его изо всей силы поленом ударил. И слышно было, как хрустнула переломившаяся кость: зашатался табунщик, повалился на землю, но не крикнул он, даже не застонал.

А Тохтамыш, бросив полено, пошел и на подушки опустился.

Ну, как? И теперь со мной одной дорогой пойдешь? – спросил он, засмеявшись.

На локте приподнялся табунщик и, злобно на хана глядя, сказал:

– Если даже одна нога здоровой останется, и тогда пойду.

Весь затрясся Тохтамыш от злости, потом только рукою махнул.

Уберите его! – крикнул он.

Одна старая женщина, искусная во врачевании, тайно лечила молодого табунщика: на сломанную ногу она повязку наложила и отваром целебных трав поила его. И срослась у больного переломленная кость, но короче стала нога, и на всю жизнь остался он хромым.

В табун он уже не возвратился, а тайно в степь ушел и с собою сто молодых и сильных воинов хана увел.

Ночью он с ними, как волк, по степи пробирался; на спящий улус напал, сжег его, многих жителей перебил, а оставшимся в живых сказал:

– Хотите жить – идите за мной, не пойдете – будете убиты.

И те увидели, что одно им оставалось – идти за ним.

Наступила другая ночь, и другой сонный улус запылал, и пролилась кровь его жителей. И с тех пор по ночам часто зарево пожаров в степи поднималось.

Прошло время, и людская молва побежала по степям, рассказывали о новом хане и его многочисленном войске, которое, подобно огню, все истребляло на пути своем.

Темир Аксак звали этого хана, ибо и на самом деле был он хромой, а сердце у него было, как железное: не знало оно жалости.

Встревожился Тохтамыш, двинулся со своими полчищами Темир Аксака искать, но не нашел его, а увидел дорогу его: курились развалины сожженных городов, валялись тысячи человеческих трупов, и звери терзали их.

В чертоге, сиявшем роскошью, на золотом троне сидел шах Персии Али-Абас. Разноцветными огнями горели в его короне драгоценные камни, а шелк его пурпурной мантии был легче лебяжьего пуха.

На мраморном полу, распластавшись, лежали перед ним сановники и называли его царем царей, великим сыном солнца, мудрости, силе и славе которого равного на свете не было, нет и не будет.

Лесть сановников выслушав, шах позволил им губами прикоснуться к поле своей мантии, потом медленно поднялся, сошел с трона и, в сопровождении телохранителей, направился в свою опочивальню.

Вдруг со двора вбежал воин, упал перед ним и что-то проговорил.

И вздрогнул шах, лицо его побледнело, и, наклонившись к воину, пролепетал он бескровными губами:

- Я не расслышал, что ты сказал, лживый раб... Говори яснее!
- Темир Аксак к столице твоей, великий повелитель, приближается! громко проговорил воин. Зашатался шах и, если бы не поддержали его вскочившие с пола сановники, упал бы он.

Громадным станом расположился Темир Аксак близ шахской столицы, готовясь к осаде ее.

Послы шаха Али-Абаса прибыли к нему в стан и, на коленях стоя перед ним, говорили:

- Наш повелитель, великий шах Персии, рожденный солнцем, привет шлет могущественному хану, о силе и доблести которого слава весь мир обошла.
- И, подавая Темир Аксаку золотой ящик, вмещавший пять полных горстей драгоценных камней, удивительными огнями сиявших, послы, кланяясь, говорили:
 - Прими, о великий хан, этот подарок в знак дружбы нашего повелителя.

Не притрагиваясь к ящику, Темир Аксак спросил, прищуря глаз:

– Что там такое?

Послы крышку ящика открыли и, показывая на камни, сказали:

 Это – великое богатство, со всего света оно собрано, и реки человеческой крови пролиты за него.

Пренебрежительно усмехнулся Темир Аксак и движением руки выбил из рук послов ящик. Сверкая огнями, рассыпались камни по земле.

Плюнул на них Темир Аксак и сказал:

 Вот – цена этому богатству! Не за камнями я пришел, а за головой вашего повелителя.

И приказал он с позором прогнать послов.

Войска Темир Аксака со всех сторон обложили столицу, и пала она, была разграблена и сожжена.

Шах был взят в плен, и в цепях, с грязной веревкой на шее, стоял он на коленях перед Темир Аксаком, глаз не смея поднять на него.

И, смеясь, спрашивал его Темир Аксак:

Это ты – великий сын солнца?

И едва слышно Али-Абас отвечал:

- Еще недавно меня так называли.
- А ты сам как думаешь о себе? спросил Темир Аксак.
- Зачем спрашиваешь? сказал Али-Абас. Сам знаешь, что последний раб счастливее меня. Молю тебя: прикажи убить меня!

Засмеялся Темир Аксак.

– Смерть для тебя счастьем будет, а я не хочу давать тебе его, – сказал он, чтото шепнул воину и удалился с мурзами.

За веревку дергая, воин поднял Али-Абаса, повел его к ханской кухне и заставил ручным жерновом молоть пшеницу.

В жизни своей Али-Абас никогда не работал, даже никогда не нагибался, чтобы самим же оброненную вещь поднять, и задыхаться он начал, едва раздругой жернов повернул.

– Не ленись! – крикнул воин и плетью ударил его.

От боли взвыл Али-Абас, быстро начал вращать жернов, и скоро кровавыми мозолями покрылись у него ладони, а в глазах его кровавый туман стоял.

И, задыхаясь от жажды, изнемогая от усталости, повалился он на землю, но воин ударами плети заставил его подняться и приняться снова за работу.

На подушках, из шахского дворца принесенных, сидел Темир Аксак, с мурзами пируя, и смотрел, как над горевшим городом поднимались облака дыма.

И вдруг громко засмеялся он и мурзам сказал:

– Пойдемте, посмотрим на великого сына солнца!

Поднялся он и в сопровождении мурз подошел к Али-Абасу, а тот, весь избитый, покрытый кровью, с трудом поворачивал жернов. Посмотрел на него Темир Аксак, насмешливо головой качая.

- Смотрите, сказал он мурзам, вот этот человек был царем Персии, еще недавно он считал себя равным Богу, а теперь он – мой раб с веревкой на шее, и имя ему – Ничтожество.
 - Да великий хан, имя ему Ничтожество, подтвердили мурзы.

Али-Абас, оставив жернов, печально посмотрел на Темир Аксака и тихо проговорил:

– Все мы – ничтожество перед лицом Судьбы.

Поднял он щепотку праха земного и, показывая ее Темир Аксаку, сказал:

– Вот чем ты, хан, станешь!

Мурзы ждали, что голова Али-Абаса с плеч слетит, но этого не случилось: Темир Аксак отвернулся от него и молчал, угрюмо задумавшись.

И вдруг он крикнул воинам, указывая рукой на Али-Абаса:

– Возьмите его и увезите подальше от меня!

И пошел он с мурзами пировать. Воины посадили Али-Абаса на лошадь, отвезли в степь и там бросили его. Один остался Али-Абас в песчаной и молчаливой степи, и жажда мучила его, и жгло его солнце.

Ступая босыми ногами по горячему песку, пошел он, сам не зная куда, и веревка болталась у него на шее. Идти не было сил — подламывались ноги, а в голове стоял туман. Остановился он, задыхаясь, поднял глаза кверху, к безоблачному и раскаленному небу. Слабо зашевелились его запекшиеся губы и прошептали:

– Бог, пошли мне смерть...

И это была первая молитва, которую он за всю свою жизнь произнес искренно. Снова пошел было он и упал в изнеможении на песок лицом вниз, широко раскинув руки.

Неподвижно лежал он, палимый солнцем, и жизнь от него уходила.

Под вечер над степью закружился коршун. Плавными кругами он все ниже и ниже опускался над Али-Абасом и потом сел ему на спину.

Али-Абас и не пошевельнулся, потому что жизни в нем уже не было.

На берегу Терека Тохтамыш поджидал Темир Аксака: знал он, что тот, возвращаясь из Персии, через Кавказские горы направится ущельем этой реки.

Мурзам своим Тохтамыш говорил, что скоро настанет день, когда могущество Темир Аксака сокрушится, а сам втайне боялся своего врага и не раз помышлял заранее уйти в далекие степи и запереться с войском в Самарканде, большом городе, окруженном высокими и крепкими стенами.

Мурзы заметили тайный страх Тохтамыша и говорили меж собой:

– Наш хан боится Темир Аксака.

Говорили они тихо, а уши Тохтамыша слышали, потому что у него было триста ушей и триста глаз: шестьсот наушников у него было, которые все видели и слышали.

И понял Тохтамыш, что, если мурзы заговорили о его страхе, то в минуту опасности они оставят его, а с ними и войско покинет его.

Призвал он тех мурз, на которых донесли наушники, и нарочно громко, чтобы все слышали, спросил их:

Может ли медведь, ломающий деревья в лесу, бояться волка, который питается падалью?

Поняли мурзы, кого он называл медведем и волком, смутились и молчали.

И в гневе воскликнул Тохтамыш:

– Лжецы! Мне ли бояться табунщика, которого хромым я сделал?!

По-прежнему молчали мурзы, и Тохтамыш приказал казнить их.

Кончилась казнь. Тучи черные со стороны гор надвигаться начали и половину неба собой закрыли. Не тучи это были, а хищные птицы впереди полчищ Темир Аксака летели и криком своим рев Терека заглушали.

Не меньше хищных птиц было у Тохтамыша войска, которое, спустившись с гор, как саранча, расползлось по долине.

Страх объял душу Тохтамыша и прошептал он бледнея:

- Конец мой приближается.

И все же войско свое на врага он повел.

Но как разбивается морская волна о каменную скалу, так и оно разбилось о войска Темир Аксака.

И, спасаясь от смерти, побежал Тохтамыш с остатками войска в степь.

Около реки Эдыля остановился он, в шатре своем одиноко сидел и крепкую думу думал. И не было с ним мурз, не было советников мудрых. Крикнул он им, полагая, что они тут же, за шатром стоят, и никто на зов его не прибежал, никто не откликнулся. Полу шатра он раздвинул и увидел, что мурзы на высоком кургане стояли, о чем-то совещаясь, а воины разбрелись по степи.

И понял он, что мурзы изменили ему, изменило и войско.

Крадучись, вышел он из шатра, на коня вскочил и поскакал к лесу.

Мурзы вслед ему посмотрели, бросились в шатер и богатство его разграбили.

К лесной опушке Тохтамыш прискакал, спрыгнул с коня и бросился в лес, через кусты пробираясь. Камень лежал у него на сердце, и тоска угнетала его.

Хотел он несчастьем своим с кем-нибудь поделиться, хотел слово кому-нибудь молвить, и не было около него живой души, только лес кругом стоял, листья на деревьях шептали, а что – кто знает это?

В чашу лесную шел он, и, путь жизни своей вспоминая, запел. На плач была похожа его песня, и говорил он в ней:

Как туман, в степи ветром развеянный,
Исчезло мое могущество, исчезли богатство и слава...
...Еще недавно на город рукой я указывал,
И в развалины он превращался,
И проливались реки человеческой крови.

Сколько раз смотрела в глаза мне смерть, И я смеялся над ней, и сердце мое было покойно. Отчего же теперь ты, глупое сердце, Так сильно бъешься, что дышать мне больно?

К болоту подошел он, и чибиса, белогрудую птицу, крик которой подобен плачу, с гнезда спугнул. И, над болотом летая, кричал чибис. Посмотрел на него Тохтамыш и снова запел:

– Эй, птица свободная, не кричи так тоскливо, Не надрывай мою душу. Дай мне крылья свои: Над лесом поднимусь я, взовьюсь высоко И с высоты посмотрю на врага своего – На табунщика хромого посмотрю...

А птица все летала, и еще тоскливее был ее крик. Над степью уже неслись хищные птицы и кричали; за ними орды Темир Аксака появились.

Войско Тохтамыша перешло на сторону врага, и мурзы-изменники, лежа у ног Темир Аксака, целовали полы его халата и о своей преданности ему говорили.

Сурово усмехнулся Темир Аксак и сказал им:

– Докажите свою преданность – приведите ко мне Тохтамыша.

Поднялись мурзы, на коней вскочили и в лес поскакали.

На опушке его остановились они, не зная, в какой стороне Тохтамыша искать.

– Лес велик, много в нем ям и нор звериных, и в них хан легко может спрятаться, – сказал один мурза, лес окидывая глазами.

Старый мурза, прежний советник Тохтамыша, ему отвечал:

– Ханы в несчастье всегда поют, а голос в лесу раздается звонко.

И слезли с коней мурзы, в лес вошли, и скоро песня до них донеслась.

На ее голос пошли они, держа оружие наготове.

Сквозь ветви молодой березы старый мурза увидел Тохтамыша, стоявшего у болота, и стрелу в него из лука пустил.

В сердце Тохтамыша попала стрела, и мертвым он повалился на землю. Другие мурзы подбежали к нему и шашками отрубили ему голову.

Потом подняли они мертвое тело его, вынесли из леса, на коня положили и к Темир Аксаку привезли.

Долго смотрел на труп своего врага Темир Аксак и в раздумье проговорил:

– Хан, покинутый своим войском, несчастнее нищего.

И потом, показывая рукой на труп Тохтамыша, сказал:

– Хану принадлежал этот прах, и ханского погребения он достоин.

И приказал он похоронить тело Тохтамыша и насыпать на могиле его высокий курган.

Мурзы, убийны Тохтамыша, низко кланяясь, подошли к Темир Аксаку.

- Веришь ли теперь нам, великий хан? спросили они.
- Нет, отвечал Темир Аксак, не верю: предали вы своего хана, предадите и меня.

И прогнал он их от себя.

Примечания

1. Баранов Е. «Певец гор» и другие легенды Северного Кавказа. М., 1914. С. 15–29.

H.H. Malkonduev

UNEXPLORED FOLKLORE MATERIALS ABOUT AKSAK TEMIR

This manuscript for the first time introduces into the scientific circulation unique folklore materials of XIX and XX centuries of Aksak Temir invasion in Fore-Caucasus according. It is done on the basis in the recording of E.Z. Baranov.

Keywords: Samarkand, Aksak Temir, Tokhtamish, composition, fight, victory, monologue.

РЕЦЕНЗИИ. ОБСУЖДЕНИЯ. ДИСКУССИИ

В.А. Кузнецов

ОТ ДРЕВНЕГО КИЕВА В ВЕРХНЕМ ЧЕГЕМЕ ДО СТОЛИЦЫ МИРА В ПЯТИГОРСКЕ

(Новые «революционные» открытия параисториков КМВ)

В статье критически рассмотрен ряд современных паранаучных публикаций о древнейших памятниках и культурах предков восточных славян, якобы найденных на Кавминводах и в соседних горных районах. Делается вывод о ненаучности и полной абсурдности таких «открытий».

Ключевые слова: Северный Кавказ, район Кавказских Минеральных Вод, паранаучные публикации, история восточных славян, древнейший период.

Двадцатый век завершился грандиозным геополитическим событием распадом СССР, бывшего территориально крупнейшим государством мира и второй сверхдержавой. Последовавшие глубокие потрясения не могли миновать сферу науки, вместе со всей страной впавшей в острый кризис. К 2000 г. финансирование науки было сокращено в 30-50 раз и составило 0,5 процента валового продукта России. На фоне этого общего кризиса российской науки, потери кадров, распада связей, падения престижа и социальной роли ученых во весь рост стал очевиден факт реанимации и наступления сил, враждебных науке и не имеющих к ней никакого отношения. Парадоксально, но факт - в конце XX – начале XXI в., принесшего благодаря науке великие открытия – такие, как ядерная энергия, освоение космоса и полет на Луну, новейшая информатика и многое другое, расцветает и обскурантизм в средневековых формах. Имеем в виду поддерживаемую государством идеологию религиозного миропонимания, поток теологической литературы, возрождение различных оккультных и эзотерических «наук» и т.д. И все это вместо модернизации, и не только экономики и социальной структуры общества, но и культуры и образования, модернизации самого человека, что особо важно для настоящего и будущего страны.

В этот круг широко распространившихся негативных общественных явлений входит и явление так называемой паранауки, «лженауки», рядящейся в научные одежды. В нашей области знаний нужно говорить о параистории. История демократична, внешне кажется простой и доступной для мало-мальски образованного человека и не требующей профессиональной подготовки. Кажущаяся доступность привлекает к истории многочисленных дилетантов, склонных к сенсационным «открытиям и новым революционным» концепциям, подчас курьезным. Так, писатель В. Чивилихин, ссылаясь на археолога В. Ларичева, открыл в Сибири «древнейшую цивилизацию планеты» с возрастом 34 тысячи лет¹. Как тут не вспомнить популярное: «Россия – родина слонов». На Кавказе в национал-патриотические идеи о своей истории оказались втянуты не только дилетанты, но и местные ученые, формирующие свой комплекс превосходства. Так, член-корреспондент АН Грузии М. Лордкипанидзе писал об Абхазии: «Территория нынешней Абхазской автономной республики по данным письменных источников (иностранных и грузинских) издревле была населена грузинскими племенами ... современные абхазы на территорию исторической Абхазии проникли с XVII в. из Северного Кавказа»². Согласно другому ученому –Л. Тухашвили, «политическая активность грузин началась 60 веков назад ... в Колхиде родилась не только государственность, но и медицинская наука. Урарту, Каппадокия, Пафлагония — суть грузинские государства последующих времен»; грузины «лишили ума персов, поглотили Римскую империю, Византию, а сами остались невредимыми»³.

Подобные примеры можно приводить еще, их немало, и они уже рассматривались в специальных публикациях⁴. Политические подтексты в них не вызывают сомнения так же, как не вызывает сомнения их непричастность к научному познанию Истины – главной цели науки.

В настоящее время активизация и наступление паранауки в России продолжается и поддерживается определенными группами общества. Так, широкую известность получила поддельная «Книга Велеса» с подзаголовком «Писано волхвом Ягайло Ганном, из рода Ганов Старгородских, в Новгороде Великом, Суроже и Киеве IX в.». В 2008 г. вышло ее четвертое издание усилиями московского писателя А. Асова. По его словам, «Книга Велеса» — это священное Писание славян от XX тыс. летия до н.э. по IX в н.э. Фальшивое происхождение этого произведения показано в ряде статей⁵. Тем не менее подделка начала XIX в. популярна и породила так называемое «велесоведение» и энтузиастов, готовых ему помогать.

Мы не ошибемся, если скажем, что параистория наступает не только в ширь, но и в глубь российского пространства. В качества примера приведем некоторые факты из повседневной жизни Кавказских Минеральных Вод, которые мы здесь представляем.

В местной газете «Время Минеральных Вод» в сентябре-октябре 2010 г. была опубликована серия статей проректора по науке Минераловодского филиала Белгородской строительной академии, проф., канд. техн. наук И.М. Кондракова. Названный ученый в своих статьях пропагандирует новую концепцию истории России и русского народа, предложенную акад. Н.В. Левашовым в его книге «Россия в кривых зеркалах». К сожалению, мы не знаем нашего земляка — кисловодчанина акад. Н.В. Левашова и его книгу. Но некоторое о нем представление дает его рекламный буклет с портретом и заверением о том, что это «человек, который силой своей мысли исцеляет людей от страшнейших болезней, останавливает ураганы, влияет на планетарные процессы и события в нашей Вселенной. Это русский ученый и исследователь, академик нескольких академий, удивительнейший человек современности». Как видно, академик скромностью не страдает.

Его последователь проф. Кондраков развивает, судя по статьям, взгляды акад. Левашова и создает истинную картину истории славяно-русской и «мировой истории в целом». Суть дела, по Кондракову, в том, что «коммунисты под руководством евреев и под маркой «интернационализма» долго вымарывали и «причесывали» под себя Славянскую тему в истории»⁶. Наша наука объявляется написанной официальной академической подделкой, беспринципными историками в угоду правителям – начиная с царя Михаила Романова и кончая руководством СССР и постсоветской России. Тем самым историографическая традиция и преемственность научной парадигмы, созданная трудом многих поколений историков, начиная с «отца истории» Геродота (V в. до н.э.), становится якобы «устаревшей» и косной. По Кондракову, подлинная история «славяно-ариев начинается 604 381 год назад с истории Северной страны Дарий – Дар Богов, другое название – Северия, Гиперборея, Арктида. До сих пор в Ледовитом океане на островах находят остатки величественных строений дариев. После гибели Дарий оставшиеся в живых переселились в Беловодье в Сибири. Эти места назывались Асией (Азия), страной богов. На месте о. Омска был город Асгард Ирийский, простоявший 106 308 лет. «Этот период истории славян нигде не преподают и не раскрывают, хотя он насчитывает более шестисот тысяч лет» 7.

Амбиции вождей антов привели их к мировой войне с т.н. «метрополией». Цитируем: «Следы ядерных ударов имеются на Земле в разных регионах: Урал, Африка, плато Мохенджо Даро (Индия)». После этой войны Земля погрузилась в ядерную зиму, цивилизация деградировала до уровня каменного века⁸.

Такова в самом общем виде «новаторская» концепция, поражающая воображение массового читателя. Нашему русскому народу более 600 тысяч лет, и он уже тогда обладал ядерным оружием! А мы-то по невежеству своему думали, что ядерную энергию и теорию радиоактивности открыл великий физик начала XX в. Эрнест Резерфорд.

Поражают и более частные «открытия» профессора Кондракова. Так, относительно известного по школьным учебникам татаро-монгольского нашествия XIII в. и последующего ига проф. Кондраков говорит: «Это миф, придуманный романовскими историками. Татары никогда не воевали против Руси». Еще одна научная новость: открытие П. Орешкина, установившего, что египетские иероглифы написаны разными буквами, но на одном языке – русском9. Столицей древней Русколании, согласно «Велесовой книге», были современные балкарские селения Верхний Чегем и Безенги. Здесь около 30 веков назад располагался г. Кияр, т.е. первый г. Киев. Второй Кияр находился в Пятигорье (ниже Провала). Однако почему-то археологи Кабардино-Балкарии и Кавминвод таких городищ до сих пор не знают. Еще один интересный сюжет - согласно Плинию и Аммиану Марцеллину, предки славян-венедов, роксолан и антов жили на Северном Кавказе. Русы пришли с Северного Кавказа. Согласно исследованиям акад. Б.А. Рыбакова, на Северном Кавказе существовало государство Русколань, соотносимое с черняховской археологической культурой, а ее носителями были славяне. Здесь все ложно, ибо Б.А. Рыбаков ни о каком славянском государстве Русколань на Северном Кавказе не заявлял, речь всегда шла только о Тмуторокани на Таманском полуострове¹⁰. Северокавказское государство Русколань – миф. Черняховская культура III-IV вв. н.э. считается протославянской, но она занимала территорию степи Левобережья Днепра и никакого отношения к Северному Кавказу не имеет. Так проф. Кондраков создает видимость эрудированного ученого перед читательской аудиторией.

Полагаю, что приведенных фрагментов достаточно, чтобы сделать однозначный вывод: перед нами типичное проявление паранауки, ориентированное на безудержное «улучшение» и «исправление» испохабленной продажными историками и археологами величественной истории русского народа. Все, что было сделано до акад. Н.В. Левашова и проф. И.М. Кондракова, — не годится, устарело и стало слишком пресным. А главное — нам более 600 тысяч лет, мы были раньше всех и цивилизованнее всех! Есть чем гордиться!

Остановимся на еще одном сенсационном «открытии», опубликованном в статье ранее неизвестного минераловодского исследователя А.В. Басхалилова¹¹. Автор — «зам. председателя регионального общественно-практического центра». Чем занимается этот центр и имеет ли отношение к науке, нам неизвестно. В начале своей статьи А.В. Басхалилов говорит о «несколько иной точке зрения на историю древнейших цивилизаций на Земле». Далее приводится небольшой (размеры и порода не указаны) каменный предмет в виде плоской плитки, найденный «группой краеведов КМВ» (фамилии не указаны) у горы Змейка в 1999 г. Поверхность плитки покрыта трещинами. Автор статьи пришел к мысли о том, что «это, может быть, ручная карта-календарь для кольцевого счета». Специалисты в области археологии, истории, геологии, астрономии (фамилии не указаны) подтвердили эти предположения. А.В. Басхалилов приходит к выводу, что плитка со Змейки — «энциклопедия древних знаний, календарь и математический справочник», позволяющий «вписать горы Пятигорья в древнюю систему астрономических привязок по наблюдениям Солнца и Луны». Эти

весьма смелые выводы побудили Басхалилова допустить, что здесь находилась древняя астрономическая обсерватория. Вскоре она была обнаружена «в районе горы Бештау» — небольшой холм с каменной глыбой на вершине. Не будем касаться последующих математических выкладок А.В. Басхалилова и сообщим читателю главное: в районе Пятигорья — гор Бештау и Змейка — нашего скромного г. Минеральные Воды открыта «древняя высокоинтеллектуальная цивилизация», названная А.В. Басхалиловым «Древнеаланской». Определен ее возраст — 28 миллионов 800 тысяч лет. Цитируем: «На основании имеющегося историкоархивного (??) материала можно утверждать, что в глубокой древности местность Пятигорья была «столицей Мира».

Но и это не предел. Цитируем: «Горы Кавминвод образовывались в нужных местах и по Высшему замыслу, т.е. имеют искусственное происхождение и вправе называться горами-пирамидами», они были гораздо выше и «подвергались искусственной обработке с целью придания им нужной специфической формы». Наши горы-лакколиты, таким образом, «не что иное, как прародители пирамид, находящихся в Египте, Мексике и Центральной Америке». И все это А.В. Басхалилову поведала небольшая каменная плитка из района горы Змейка.

Известно, что дилетантская паранаука тяготеет к сенсациям, поражающим воображение. Ведь заявляли, что Иван Грозный был ... женщиной! Глазами И.М. Кондракова это тоже новации в исторической науке и изобличать подобные «революционные» новаторские концепции Левашова—Кондракова—Басхалилова невежественно и непатриотично. А вот положение о том, что мы живем в «столице Мира», а нашему народу более 600 тысяч лет, — патриотично, и никаких застойных и академических наук нам не надо.

Опасность паранауки в России и на Кавказе давно осознана. В 90-е гг. Президиум РАН создал комиссию по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Президиум РАН опубликовал обращение к научным работникам, профессорам и преподавателям вузов, школ и техникумов, всему российскому интеллектуальному сообществу с призывом активно реагировать на появление псевдонаучных и невежественных публикаций как в средствах массовой информации, так и в специальных изданиях ... всемерно пропагандировать достоинства научного знания, рациональное отношение к действительности. Аналогичное обращение к ученым-кавказоведам было принято в 1996 г. на XIX Крупновских чтениях по археологии Северного Кавказа. Но, как видно из приведенных выше фактов, лжеученые и фальсификаторы не перевелись. Кампания дилетантов от истории, действующая на КМВ, — это лишь верхушка айсберга, распространившегося на всю Россию. Мы не можем занимать позицию невмешательства, тем более в условиях многонационального Кавказа. Это — долг всех ученых Кавказа, представляющих науку историю.

Примечания

- 1. Чивилихин В. Память // Роман-газета. № 16. 1982. С. 21.
- 2. Лордкипанидзе М. Некомпетентность в ранг истины? // Газета «Заря Востока». 1989.21.07.
- 3. *Тухашвили Л*. Государственность: этапы развития // Газета «Заря Востока». 1989.26.05.
- 4. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание. Пятигорск, 1998; Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. М., 2006.
- 5. *Щапов Я.Н.* Об изучении древнерусских письменных источников // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 184; *Творогов О.В.* Что же такое «Велесова книга»? // Русская литература. 1988. 2. С. 77–102.
 - 6. Газета «Время Минеральных Вод». 2010.14.09.
 - 7. Там же.

- 8. Газета «Время Минеральных Вод». 2010.21.09.
- Там же.
- $10. \ Pыбаков \ Б.А.$ Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., $1982; \ \Gamma a \partial no \ A.B.$ Предыстория Приазовской Руси: Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
- 11. *Басхалилов А.В.* О результатах историко-археологических исследований в районе КМВ // Наука, экология и педагогика в технологическом университете. Минеральные Воды, 2007. № 4. С. 191–202.
 - 12. См. ст. М. Неборского в журнале «Родина» № 5 за 1996 г. С. 10–16.

V.A. Kuznetsov

FROM ANCIENT KIEV IN UPPER CHEGEM TO THE WORLD CAPITAL IN PYATIGORSK

(The new «revolutionary» discoveries made by the parahistorians of Caucasian Mineral Springs region)

The number of modern parascientific publications on the most ancient monuments and the cultures of eastern Slavs' ancestors allegedly found in the Caucasian Mineral Springs region and the neighbouring mountain regions have been considered in the article. The conclusion has been made of the non-scientific essence and the total absurdness of the «discoveries» of that kind.

Keywords: the North Caucasus, the Caucasian Mineral Springs region, parascientific publications, the eastern Slavs history, the most ancient period.

В.А. Фоменко

О НОВЫХ МАТЕРИАЛАХ ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ЗАПАДНЫХ ЧЕРКЕСОВ

Рецензия на: Материалы по истории западных черкесов (архивные документы 1793–1914 гг.) / Сост. А.В. Сивер. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. – 158 с.

Насколько можно судить, появление этого издания было обусловлено двумя факторами: наличием у составителя внушительной подборки интересных архивных материалов по изучаемой им теме, а именно — по этнической истории западных адыгов (черкесов), и общий интерес к источникам по этой теме. Вообще наличие дополнительного сборника ранее не опубликованных источников само по себе можно считать положительным событием, поскольку оно облегчает доступ к тем материалам, что раннее были малодоступны исследователям и просто интересующимся ими. Александр Викторович сам отметил это во Введении: «наибольший интерес представляет источник неопубликованный, если он действительно несет в себе ранее не известную информацию, либо представляет некое событие, явление с непривычной для исследователей точки зрения» (С. 3). Главной же задачей издания, по мнению составителя, является «популяризация архивных материалов по истории адыгов» (Там же).

В сравнительно небольшом по объему «Введении» кратко охарактеризованы все вопросы, необходимые к освещению в преддверии публикации приведенных документов: приведены важнейшие сведения об архивах-источниках (Краснодарский краевой и городской Новороссийска), при этом отмечено, что в сборнике представлена именно дореволюционная часть фондов; обоснованы хронологические границы – от переселения казаков на Кубань до начала Первой мировой войны; объяснен термин «западные черкесы», вынесенный в заголовок издания. Здесь же А.В. Сивер попытался на примерах проанализировать информативное значение документов разных периодов и прокомментированы нюансы самой публикации документов.

Далее идет «Перечень документов» (С. 7–10). Сразу обращают на себя внимание два момента. Первый: «Перечень» выглядел бы солиднее и полезнее, если бы при наименовании документа указывались страницы, на которых он расположен. И второе: в расположении документов присутствует исключительно хронологический принцип в ущерб тематическому. Между тем документы слишком разнообразны по виду, тематике, содержанию (от пространных «записок» — до однострочных телеграмм, от фундаментальных вопросов отношений России с горцами — до частных уголовных дел), что в этом море информации вполне возможно «утонуть». Правда, объективности ради следует отметить, что тематическое деление документов также было бы затруднительно, поскольку многие из них сложно отнести к какой-то специальной теме.

В некоторой степени частично компенсирует этот недостаток «Перечень фондов» (С. 122–125), содержащий номера и названия не только фондов, использованных составителем, но и самих дел, к каждому из которых прилагается номер документа по порядку публикации. Этот раздел более информативен и функционален в справочном плане. В соответствии с жанром такого рода изданий, сборник снабжен указателями имен (С. 126–140), географических названий и этнонимов

(С. 141–151), также несущими дополнительную информацию (иногда, может быть, избыточную). Наконец, замыкают издание подборка карт (С. 152–155), имеющих отношение к соответствующему историческому периоду и изучаемой территории, а также «Краткая библиография» (С. 156). Таким образом, справочный корпус сборника достаточно силен, что может быть признано достоинством.

Но главный элемент содержания сборника, конечно, сами документы. В соответствии с традицией документальных публикаций, каждый из них пронумерован, в заголовок вынесена дата составления документа и его краткая характеристика. Всего документов опубликовано 67.

Хотелось бы по возможности кратко охарактеризовать некоторые из них. Открывают подборку прошения русскому правительству от черкесских аристократов о принятии в подданство (№№ 1-3, с. 11-12). Подобных документов в сборнике немало. Каждый раз объяснения приводятся разные, но всегда очевидно, что горцы ищут от союза с русскими прежде всего личных преференций. Особенно показательны блоки документов 1841 г. (№№ 11–12, с. 20–23), где принятие подданства было сопряжено с «испрашиванием Высочайших наград» за услуги, оказанные русским войскам, и документов 1846–1848 гг. (№№ 13–16, с. 23–30), когда «дворяне шапсугские и натухайские», преодолевая сопротивление народных собраний, переселились «на русскую сторону» и принесли присягу императору, видя в его лице защитника своих сословных интересов. Видимо, на основании таких и им подобных документов А.В. Сивер делает вывод: «отношения между адыгскими «обществами» и русскими войсками, администрацией и отношения между сословиями внутри самих «обществ» зачастую влияли друг на друга; причем доминирующая роль принадлежала, судя по всему, именно социальному фактору» (С. 4-5).

Примечательны документы 1871–1875 гг. №№ 49–56 (С. 86–91). Это заявления горцев Георгиевского отдела Терской области в Терско-Кубанскую сословно-поземельную комиссию о признании их потомственными дворянами с аргументацией по шаблону «Я всегда пользовался правами таубия» (С. 86), «Мы на равных с узденями Кабардинскими происходим из действительных чистых узденей» (С. 88) и т.п. Судя по «перечню фондов, к тому же архивному делу относится копия письма А.П. Ермолова Темрюку Бармамотову (№ 8) о пожаловании ему чина прапорщика за «усердие, оказанное Вами при проведении наших войск в Кабарду» (С. 16), очевидно, также служившая доказательством дворянского «состояния». В 1840 г. Департамент законов Государственного совета (№ 10) постановил «считать дворянами лишь тех, лишь азиатцев, которые усердною службою государству награждены отличиями, усваивающими сие достоинство» (С. 20), но, как известно, Сословно-поземельная комиссия относилась к этому вопросу более либерально.

Еще одна серия документов — материалы горских словесных судов как теоретические (№ 31, С. 50–54; № 65, С. 114–118), так весьма многочисленные журналы и приговоры по отдельным делам, перечислять которые нет нужды. Все это вместе дает объемную картину деятельности этих органов, сочетающих в своей практике нормы адатов, шариата и российского права. Велико относительное число разнообразных статистических материалов, среди которых выделяются таблицы результатов Первой Всероссийской переписи населения 1898 г. по Черноморской губернии (№ 63, с. 102–112). В сборнике приведены данные по вероисповеданию и родному языку (данные по родному языку для Кубанской области приведены в сноске ко «Введению» на с. 5). Несколько документов посвящены проведению среди горцев Кубанской области реформы по отмене крепостного права, например, часть обширного отчета на эту тему (№ 47; с. 80–85), раскрывающего не только механизм, но драматизм этого процесса, сопряженный с волнениями среди горцев (как крестьян, так и дворян).

Ряд документов интересен сам по себе. Например, «Родословная роспись племенам черкесского народа» Исмаил-бея Атажукова 1804 г. (№ 6, с. 15), представляющая собой таблицу распределения «подвластных» племен по фамилиям «владельцев». Абадзехи и шапсуги, не подчиняющиеся никаким «владельцам», в этой росписи названы «республиканцами». Протокол допроса хамышейских владетелей атаманом Безкровным в 1830 г. (№ 9, с. 117–19) содержит ответы на вопросы по географии и внутреннему управлению племени бжедугов-хамышеевцев. Рапорт из Керчи в Тифлис в 1849 г. (№ 17, с. 30) сообщает о том, как старейшина «немирных» горцев оставил адмиралу Л. Серебрякову крупную сумму денег на хранение. «Положение об управлении горцами Кубанской области» (№ 23, с. 37–43) раскрывает механизм военно-народного управления, введенного после «покорения» Кавказа в рамках казачьих областей. Наконец, финальный документ (№ 67, с. 121) относится к 1914 г. и содержит сообщение «о формах выражения мусульманами патриотических чувств» и участии в обороне Черноморского берега от турок.

При всех своих очевидных недочетах (которые можно списать на то, что это первый подобный опыт составителя) можно лишь повторить сказанное, что появление такого издания является положительным событием.

А.С. Дзагалов

А.С. МАРЗЕЙ О ЧЕРКЕССКОМ НАЕЗДНИЧЕСТВЕ

Рецензия на: *А.С. Марзей*. Черкесское наездничество – «ЗекІуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – 302 с.

Исследование различных аспектов самобытной традиционной культуры адыгского народа, одного из крупнейших и влиятельных народов Северного Кавказа, всегда актуальна в отечественной историографии и кавказоведении. К числу важнейших, наиболее характерных традиционных институтов адыго-черкесов относится институт наездничества, который, адаптируясь к трансформации социальной среды, на протяжении длительного времени играл существенную роль в формировании общественной мысли и воспитании народа, вынужденного на протяжении нескольких веков вести военный и полувоенный образ жизни. Несмотря на значимость данного социокультурного феномена в общественной жизни народа, представленная тема адыгского (черкесского) наездничества до сих пор не становилась объектом специального, комплексного аналитического исследования и не получила достойного отражения в исторической, этнографической научной литературе. Основной задачей автора книги, кандидата исторических наук Асланбека Марзея является исследование и анализ этой малоизученной и дискуссионной стороны общественно-политической и культурной жизни дворянской военной элиты и части низших сословий адыгского общества XVIII – первой половины XIX вв. 1

Книга состоит из введения и четырех глав. В первой главе рассматривается роль воина в жизни адыгов и его статус в черкесском обществе. Во второй главе исследуется вооружение и амуниция воина-наездника, а также снаряжение его коня, который, по свидетельству английского путешественника Э. Спенсера, побывавшего в 1830 г. в Черкесии, является особым любимцем каждого черкеса². Третья глава посвящена изучению системы подготовки адыгского наездника к полной тягот и лишений воинской жизни, в этой главе основное внимание автора сосредоточено на общественной идеологии, институте аталычества и совершенствовании физических данных воина. Положительной стороной исследования, на наш взгляд, является наличие в работе фотоматериалов из фондовой коллекции черкесского оружия ГИМ РФ и Национального музея КБР. Последняя, четвертая глава включает религиозные верования и культуры, связанные с институтом адыгского (черкесского) наездничества. Здесь же помещены примечания, архивные источники, список информаторов, условные сокращения и весьма полезный тематический словарь, который позволяет раскрыть значение специфических, давно уже не употребляющихся адыгских слов и терминов.

Во введении, автор сделал подробный, традиционный в таких случаях, обзор историографии и анализ привлеченных им опубликованных и неопубликованных исторических источников. Вполне логично, что А. Марзей, исследуя тему черкесского наездничества, изучил труды предшественников, собранные и систематизированные в сборнике «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.», составленном В. Гардановым, где им выделяются сообщения Дж. Белла и Дж. Лонгворта, отличающиеся большой информативностью, объективностью, так как оба автора долгое время жили среди черкесов и

имели возможность наблюдать их гражданский и политический быт. Подробно автором изучены труды адыгских просветителей: Ш. Ногмова, Хан-Гирея, Адыль-Гирея, К. Атажукина, А. Кешева, С. Сиюхова, С. Крым-Гирея, носителей черкесского языка и культуры, знавших особенности обычаев и явлений общественной жизни (С. 14). Не обошел А. Марзей вниманием и работы, которые фрагментарно затрагивали представленную тему или освещали вопросы, прямо или косвенно связанные с адыгским этикетом, институтом аталычества, спецификой военной организации и тактики черкесов. Это труды дореволюционных, советских и современных авторов: С. Броневского, И. Бларамберга, Н. Грабовского, М. Покровского, Б. Бгажнокова, В. Вилинбахова, С. Мафедзева, Г. Мамбетова, А. Мусукаева, А. Шортанова, К. Унежева и других.

Выбор автором нижней и верхней хронологических рамок вполне обоснован. Хотя, на наш взгляд расцвет института наездничества приходится на XVI–XVII вв., нельзя не согласиться с утверждением А. Марзея о том, что основная источниковая база исследуемого явления действительно приходится именно на XVIII–XIX вв. Очевидно, что источники, содержащие информацию о более ранних веках, все еще ждут своего часа и исследователя.

В процессе работы автором широко использовались исторические предания, песни, посвященные наездничеству и образу жизни адыгского воина. В частности, им привлечено издание «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов», составленное В. Барагуновым и З. Кардангушевым. Опирался А. Марзей также на фольклорные материалы, изданные Кабардино-Балкарским институтом истории, филологии экономики; материалы, полученные в Национальном музее КБР (С. 16). Документальной основой исследования стали архивные данные, извлеченные А. Марзеем из хранилищ ЦГА КБР и ЦГВИА РФ.

Попробуем разобраться в авторской концепции возникновения и развития черкесского наездничества и его роли в исторической судьбе адыгского народа. Раскрывая причины, определившие возникновение данного явления, А. Марзей совершенно справедливо предлагает расширить рамки базиса, на котором зародилось наездничество, и искать его объяснение в комплексе различных исторических факторов. Он абсолютно четко конкретизирует свою основную мысль и утверждает, что именно постоянная угроза внешней экспансии, междоусобные войны, политическая нестабильность, отсутствие централизованного государства с единой армией и другими атрибутами, а также немногочисленность адыгского этноса сделали необходимыми появление институтов, способствовавших самосохранению, жизнестойкости адыгского общества (С. 26). Автор при этом называет и другие причины. В частности, это этнографические особенности черкесов, образ жизни части адыгского общества, который, «будучи связан с риском для жизни, был средством самоутверждения для мужчины-воина, дававшим возможность прославиться, проявить удаль и отвагу» (С. 30). Как отмечал В. Потто, «с ранних лет у домашнего очага юноша-кабардинец слышит рассказы отца про битвы с крымскими татарами, с казацкими атаманами... старинные песни в устах прекрасных дев говорили о храбрых благородных кабардинских князьях... закипала кровь молодых кабардинцев, и мечтали они о подвигах неустрашимого мужества и беспечности»³. Признавая и экономическую сторону наездничества, автор совершенно обоснованно не ставит ее во главу угла. Действительно, разве можно объяснить материальными интересами участие в набегах на казачьи станицы представителей княжеских фамилий, в том числе единственного сына Верховного валия Кабарды Кучука Джанхотова, его наследника Джамбулата. Поведение княжеского сына может говорить о чем угодно: о необузданности, неукротимости характера; презрении к смерти; тщеславии; стремлении быть во всем первым и даже нежелании повиноваться ни своему отцу, ни всесильному генералу Вельяминову, но никак не о жажде наживы. Его отец — влиятельнейший, богатейший человек в Кабарде, дружен с всемогущим Ермоловым и осыпан царскими милостями, и Джамбулат ни в чем материально не нуждается. В данном контексте следует отметить, что А. Марзей, изучив, имеющуюся историографию и проанализировав новые документы, систематизировал полученные знания и глубже аргументировал мысли и выводы своих предшественников, затрагивавших тему черкесского наездничества.

Нужно подчеркнуть, что наездничество не было чем-то аномальным, исключительным общественным явлением, характерным только для Черкесии. Такие или примерно такие же институты возникли и существовали у других соседних народов, что свидетельствует об общих закономерностях в развитии данного явления. Это и так называемые «мужские объединения», ядро мобильных воинских отрядов у народов Дагестана, и казачество с «гулебщиками», имевшими особую страсть к военной добыче («мы не сеем и не убираем, и всегда сыты бываем»), которое возникло на Дону, Днепровских порогах и на Тереке. Казаки- «гулебщики» – это были люди, которым не сиделось дома, которых так и тянуло, как говорил поэт, «в чистом поле погулять, серых уток пострелять, руку правую потешить, сарацина в поле спешить, иль башку с широких плеч у татарина отсечь, или вытравить из леса пятигорского черкеса»⁴. Однако в отличие от донского или запорожского казачества, черкесское наездничество было в основном прерогативой привилегированных слоев; оно не стало массовым явлением, его эволюция не привела к созданию высшей формы – военно-политического органа управления с четкой системой организации отрядов, ставивших перед собой конкретные стратегические цели и задачи или выполнявших объединительные государственные функции. В силу известных внутренних княжеских противоречий, нарастающего социального антагонизма, раздиравших феодальное общество, и неблагоприятных внешнеполитических фактов у черкесского наездничества - «зекІуэ» - были иные возможности и соответственно иные, более локальные задачи: военный поход-путешествие, набег и засада, добыча и слава, храбрость и щедрость, что и было, несмотря на некоторую тенденциозность и идеализацию исследуемого явления, зафиксировано ученым. Автор достаточно тонко уловил новые тенденции развития адыгского общества и института наездничества в первой половине XIX в. Он обратил внимание на то, что князья и дворяне, считавшиеся гарантами сохранения старинных обычаев и политической независимости общества, отныне имели меньше прав, чем назначенный извне пристав, который заменял прежние порядки новыми началами. Поэтому высшие сословия постепенно теряли свое привилегированное положение в адыгском обществе (С. 274).

Нужно добавить, что царская администрация активно использовала классовые противоречия в обществе в своих интересах и провоцировала внутренние конфликты в Кабарде, поощряя бегство адыгских дворян и крестьян в Моздок и даже на Дон. Одним из правовых обеспечений такого положения в середине XIX в. становится указ от 3 июня 1851 г. «О выдаче пособий горцам с семействами, добровольно являвшимся с Кавказа в Войско Донское для поселений» 5. На каждое семейство полагалось по 125 рублей, большая по тем временам сумма, на которую в Кабарде можно было построить турлучный дом с хозпристройками и обзавестись скотом.

Окончание Кавказской войны, полное установление российской администрации и мероприятия властей привели к тому, что черкесское наездничество во второй половине XIX в. начало постепенно сходить на нет или же принимать другие, более свободные и упрощенные формы.

Книга возникла не случайно. А. Марзей работал над темой черкесского наездничества довольно долгое время. Диссертация «Институт наездничества – «зекІуэ» – у адыгов (черкесов) в XVIII – первой половине XIX в.» на соискание

ученой степени кандидата исторических наук была им подготовлена в Москве в 1997 г. на базе Института этнологии и антропологии РАН. Общая концепция и отдельные аспекты исследования получили апробацию в ранее опубликованных А. Марзеем трудах⁶.

Практическая значимость исследования состоит в том, что основные его тезисы, фактический материал и выводы ученого могут быть использованы при разработке лекционных и специализированных курсов по истории народов Кавказа, а также — подготовке работ по краеведению и этнографии. Книга будет полезной специалистам в области исторической науки: ученым, преподавателям вузов, работникам музеев, краеведам, аспирантам и студентам. При этом, нужно отметить, что научные разработки А. Марзея уже получили заслуженное признание ученых: историков, этнографов, философов. На его работы уже давно ссылаются при выполнении диссертационных исследований, написании монографий и обобщающих трудов, посвященных различным аспектам традиционной культуры народов Кавказа.

Издание является оригинальным исследованием актуальной темы; выполнено на высоком профессиональном уровне, с привлечением широкой, разнообразной базы источников, что позволило осветить основные черты черкесского наездничества и тесно связанных с ним традиционных институтов, таких как куначество, гостеприимство, покровительство, взаимопомощь, являвшихся элементами единой системы (С. 60). Данная работа, вне всякого сомнения, – весомый вклад в фонд научных, исторических, культурологических изданий. Книга значительно дополняет труды авторов прошлых лет, где анализировались или затрагивались вопросы, связанные с исследуемой темой. Она стала первой комплексной аналитической работой, в которой систематизированы все наиболее значимые публикации предшественников; автором привлечены новые архивные документы, что позволило ему раскрыть общественно-социальную суть черкесского наездничества — «зекІуэ» — как части социального статуса адыгской феодальной знати и некоторых представителей зависимых сословий, носившего ярко выраженный военно-иерархический характер.

В этих положениях заключается познавательная и научная ценность творческих разысканий и выводов А. Марзея как ученого-исследователя, признанного высококлассного специалиста, историка-кавказоведа.

Примечания

- 1. *Марзей А.С.* Черкесское наездничество «ЗекІуэ»: Из истории военного быта черкесов в XVIII первой половине XIX в. Издание 2-е. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. 302 с.
 - 2. Спенсер Э. Путешествие в Черкесию. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. С. 93.
- 3. *Потто В.А.* Кавказская война. Т. І. От древнейших времен до Ермолова. Интернетресурс. Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/166907/read
- 4. Пушкин А.С. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях. Сказки. М.: ОНИКС, 2000. С. 97.
- 5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. II. СПб., 1852. Т. XXVI. Отд. I. № 25238. С. 365.
- 6. *Мирзоев А.С.* Как в дружбе друг достойный, так во вражде достойный враг // Черкесский мир. 1988. С. 15–23; *Марзей А.С.* (*Мирзоев А.С.*) Фрагменты и параллели рыцарского кодекса «Уоркъхабзэ» и самурайского кодекса чести «Буси-до» // Ориентир (Гъуазэ). 2000. Февр. С. 33–37; *Мирзоев А.С.* Уэркъхабзэ кодекс чести черкесского дворянства // Эльбрус. 1999. № 2. С. 225–254; *Мирзоев А.С.* Наездничество как традиционный адыгский общественный институт // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 93–108.

A.S. Dzagalov

A.S. MARZEY ABOUT CIRCASSIAN HORSEMANSHIP

Horsemanship as a traditional institution that played an important role in the history and culture of the peoples of the north Caucasus reached the peak of its development in the 18th century among the Adigei and Daghestan peoples. The main function of this institution – the military maintaining a high level of mobility of the Circassian community as a prerequisite for its survival and the preservation of high social status of the privileged layers of society Adygeyan (princes and the nobility) as a guarantee of the preservation of national independence.

Keywords: horsemanship, military mobility, traditional institution, knightly code.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26 E-mail: kbigi@mail.ru

Озова Фатима Анатольевна, к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии народов КЧР РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак почета» институт гуманитарных исследований при правительстве КЧР».

369000, г. Черкесск, ул. Горького, 1

Тел. +7-988-619-31-79 E-mail: fo7799@rambler.ru

Нагоев Ибрагим Борисович, стажер-исследователь сектора источниковедения отдела исторических наук ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-915-22-20 E-mail: nagoev_85@mail.ru

Савенко Сергей Николаевич, к.и.н., директор Пятигорского краеведческого музея, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

357501 г. Пятигорск, ул. Бернардацци, 2

Тел. 8 (8793) 33-08-51

E-mail: gbyksk.pkm@gmail.com

Остахов Анзор Александрович, к.и.н, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске.

357500, г. Пятигорск, проспект 40 лет Октября, 56

Тел. 8 (8793) 97-39-27

E-mail: zoroastra anzor@rambler.ru

Аппаева Жаухар Мустафаевна, искусствовед, председатель Кабардино-Балкарского отделения Всероссийской общественной организации «Ассоциация искусствоведов».

360003, г. Нальчик, ул. Тарчокова, 56, кв. 172

Тел: +7-960-431-01-53

E-mail: appaewa2565@mail.ru

Прыткова Анна Дмитриевна, студентка 3-го курса факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Краснодар).

350058, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 187, кв. 10

Тел. +7-918-199-91-56

E-mail: annadmitrievna2015@vandex.ru

Улаков Махти Зейтунович, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-67-48 E-mail: kbigi@mail.ru

Махиева Людмила Хамангериевна, к.ф.н., зам. директора по науке ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-18-68 E-mail: kbigi@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-21-93

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хагожеева Лиана Славовна, стажер-исследователь сектора адыгского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-963-393-26-15 E-mail: kbigi@mail.ru

Малкондуев Хамид Хашимович, д.ф.н., зав. сектором карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-74 E-mail: kbigi@mail.ru

Кузнецов Владимир Александрович, д.и.н., ведущий научный сотрудник сектора археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74 E-mail: kbigi@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович, к.и.н., зав. сектором археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74 E-mail: kbigi@mail.ru

Дзагалов Анатолий Сосланбекович, к.и.н., научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины.

01008, г. Киев, ул. Грушевского, 4

Тел.+38 (068) 361-34-56 E-mail: dzagalov@inbox.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head of archeology and ethnology department of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-19-26 E-mail: kbigi@mail.ru

Ozova Fatima Anatolevna, Candidate of History, associate professor, national research worker of Department of History and Archeology of Karachay-Cherkessia peoples attached to the awarded by order «Sign of honour» «Karachay-Cherkessia Humanities Research Institute» of Republican State Budget Institution under the government of Karachay-Cherkessia Republic.

1 Gorkiy Street Cherkessk 369000 Ph. +7-988-619-31-79 E-mail: fo7799@rambler.ru

Nagoev Ibragim Borisovich, trainee researcher sector Source Department of History of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. +7-928-915-22-20 E-mail: nagoev 85@mail.ru

Sawienko Sergei Nicolayevich, Candidate of History, the director of the Pyatigorsk Museum of Local Lore, the Deserved worker of culture of the Russian Federation.

2 Bernardazzi Street Pyatigorsk 357501 Ph. 8 (8793) 33-08-51

E-mail: gbyksk.pkm@gmail.com

Ostahov Anzor Aleksandrovich, Candidate of History, Associate Professor of Sociology, general and legal psychology FSAEIHPE «North Caucasian Federal University» in Pyatigorsk.

56 40 years of October Avenue

Pyatigorsk 357500 Ph. 8 (8793) 97-39-27

E-mail: zoroastra_anzor@rambler.ru

Appaeva Zhauhar Mustafaevna, art critic of the President of the Kabardino-Balkarian branch of the all-Russian public organization «Association of art historians».

56 Tarchokov Street, 172 app. Nalchik 360003

Ph. +7-960-431-01-53

E-mail: appaewa2565@mail.ru

Prytkova Anna Dmitrievna, a student of 3rd year of faculty training for the judiciary (Law Faculty) of the North-Caucasian branch FSBEIHE «Russian State University of justice» (Krasnodar).

187 Stavropol Street, 10 app.

Krasnodar 350058 Ph. +7-918-199-91-56

E-mail: annadmitrievna2015@yandex.ru

Ulakov Mahti Zeytunovich, Doctor of Philology, Chief Research Fellow Department of Karachay-Balkar language of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-67-48 E-mail: kbigi@mail.ru

Mahieva Ludmila Hamangerievna, Candidate of Philology, Vice Director for science of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-18-68 E-mail: kbigi@mail.ru

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, research fellow at Kabardian Literature Department of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph.: 8 (8662) 42-21-93

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Hagozheeva Liana Slavovna, research assistant of circassian folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. +7-963-393-26-15 E-mail: kbigi@mail.ru

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philology, head of Karachay-Balkar folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-52-74 E-mail: kbigi@mail.ru

Kuznetsov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of History, leading research worker of archeology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-42-74 E-mail: kbigi@mail.ru **Fomenko Vladimir Aleksandrovich**, Candidate of History, head of archeology sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-42-74 E-mail: kbigi@mail.ru

Dzagalov Anatoly Soslanbekovich, Candidate of History, research fellow of Institute of Ukrainian history of National academy of sciences of Ukraine.

4 Gruchevskiy Street

Kiev 01008

Ph. +38 (068) 361-34-56 E-mail: dzagalov@inbox.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

- 1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:
 - история;
 - филология;
 - проблемы развития современного общества;
 - культурология.
- 2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.
 - 3. Статьи должны иметь:
 - 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
 - 3.2. Акт экспертизы;
 - 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
 - 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
 - 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
 - 3.6. Название статьи на русском языке;
 - 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью:
 - 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.
- 4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).
- 5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:
 - 1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.
- 2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

<u>Внимание</u>: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Подписано в печать 16.03.2015 Усл. печ. л. 10,3 Формат 70х108 ¹/₁₆ Тираж 100 экз. Цена свободная Гарнитура Таймс Заказ № 128

Учредитель: ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Адрес издателя: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18 Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом A.В. Γ ергокова Корректор Л.О. Tамазова